

Санкт-Петербургский Государственный университет

Бессуднов Даниил Александрович

**БАЛТИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ
В СЕРЕДИНЕ XVI В.**

Специальность 07. 00. 03 – всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:

д. и. н. Филюшкин А. И.

Санкт-Петербург 2017

Содержание

Введение

Глава 1. Особенности развития внешнеполитических отношений Польско-Литовского государства и Ливонии в XIV-XVI вв.

§1. Договоры Польско-Литовского государства и Ливонии конца XV-XVI вв.

Проблема границ.

§2. Исторические корни протекторства.

§3. Ливонский вопрос в политике Ягеллонов в первой половине XVI в.: предпосылки и мотивирующие факторы.

Глава 2. Подготовительный этап инкорпорации Ливонии в Корону Польскую и Великое княжество Литовское.

§1. Исторические корни протекторства.

§2. «Прусский фактор». Роль герцога Альбрехта Прусского в ливонских событиях.

§3. План инкорпорации.

§4. Проблема протекторства в контексте «коадьюторского дела».

Глава 3. Вторжение войск Ивана IV. Начало Ливонской войны.

§1. Январский поход. Изменения политики Сигизмунда II Августа в отношении Ливонии.

§2. Последний этап политики инкорпорации. Первый Виленский договор.

§3. События 1559-1560 гг. Второй Виленский договор.

Заключение.

Приложение. Карта «Динамика развития литовско-ливонской границы в XIV-XVI вв.»

Список использованных источников и литературы.

Введение

Развитие европейских государств в эпоху раннего Нового времени сопровождалось активным государственным строительством. Этот процесс протекал в двух основных направлениях, одно из которых предполагало формирование национальных государств, а второе - создание сложных государственных моделей, таких как композитарные монархии и государства имперского типа со сложным национальным, этническим и конфессиональным составом. Пути формирования подобного рода государственных образований были различны - от заключения династических союзов до вооруженной экспансии. Между этими двумя полюсами можно обнаружить и другие способы интеграции, характерные для геополитической обстановки в Европе XVI-XVII вв. Одним из них, в частности, является процесс поглощения Польско-Литовским государством территории так называемой Старой Ливонии (Alt-Livland), конфедерации, включающей в себя государство Ливонского ордена, архиепископство Рижское, епископства Дерптское (Тартуское), Эзельское и Ревельское (Саарема-Ляэнесское).

Ученые неоднократно указывали на то, что с конца XV в. Ливония стала объектом пристального внимания государей Дании, Швеции, Великого княжества Литовского, Короны Польской и России, которых привлекали её выгодное стратегическое положение, важная роль в международной балтийской торговле и богатые земельные ресурсы¹. Каждая из сторон стремилась приобрести контроль над данным регионом, параллельно препятствуя утверждению в нем держав-конкурентов. В случае с Польско-

¹ Королук В. Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954. С. 24-25; Biskup M. Livland als politischer Faktor im Ostseeraum zur Zeit der Kalmarer Union (1397-1521) // Der Deutsche Orden in der Zeit der Kalmarer Union, 1397-1521. Toruń, 1999. S. 99-130; Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015. С. 65-69, 78-79.

Литовским государством немаловажным фактором было также стремление развить успех 1525 г. и покончить с обеими ветвями Тевтонского ордена, являвшегося источником постоянных проблем с самого своего появления в Балтийском регионе.

В то же время следует обратить внимание на то, что возможности прямой вооруженной экспансии со стороны католических государств, к числу которых относились объединенные унией Польша и Литва, были немало ограничены статусом Ливонии как «крестоносного государства», которое со времен крестовых походов находилось под защитой двух наиболее влиятельных политических институтов католической Европы – папы римского и императора Священной Римской империи германской нации². Поэтому польско-литовским государям необходимо было использовать в борьбе за Ливонию особую форму политической экспансии, которая не нарушала или, по крайней мере, создавала видимость сохранения папских и императорских прерогатив, и при этом позволяла им постулировать себя в качестве их законных исполнителей. Нарушение этого условия поставило бы под удар внешнеполитическое положение Польско-Литовского государства и привело бы к утрате папских милостей, которые его государи, находившиеся на переднем фронте борьбы с турецкой угрозой, регулярно получали. Вдобавок, это привело бы к обострению отношений с Империей, которые и так находились не в лучшем состоянии из-за инкорпорации в Польскую Корону Пруссии, бывшего государства Немецкого ордена, также получившего статус государя (ландсгерра) благодаря папским и императорским привилегиям³. Видимость неизменности статуса Ливонии

² Hellmann M. *Altivland und das Reich // Felder und Vorfelder russischer Geschichte*. Freiburg, 1985. S. 61-75; Jähnig B. *Der Deutsche Orden und die livländischen Bischöfen im Spannungsfeld vom Kaiser und Papst // Nordost-Archiv: Zeitschrift für Regionalgeschichte*. Lüneburg, 1998. Bd. 7. S. 47-63; Schwarz J. *Zwischen Kaiser und Papst: Der Rigaer Erzbistumsstreit 1480-1483 // Zeitschrift für Historische Forschung*. Berlin, 2007. Bd. 34. № 3. S. 373-401.

³ Hellmann M. *Altivland und das Reich*. S. 61-75; Biskup M. *Der Deutsche Orden in Bahn der habsburgischen Politik in der zweiten Hälfte des 15. und zu Beginn des 16. Jahrhunderts // Ritterorden zwischen geistlicher und weltlicher Macht im Mittelalter (Ordines militares - Colloquia Torunensia Historica 5)*. Toruń, 1990. S. 101-126.

позволяла нейтрализовать потенциальную угрозу на начальном этапе включения Ливонии в сферу влияния польско-литовских государей, чему немало помогал особый политико-правовой концепт, согласно которому они выступали в качестве протекторов государств Ливонской конфедерации. Он возник еще в XIV в., однако в полной мере оказался востребованным правителями Польско-Литовского государства только в XVI в., когда Ливония превратилась в главный объект «битвы за Балтику», в которой участвовали также Польша и Литва. Кроме этого, в этот период для этих государств особую актуальность обрела проблема урегулирования конфликтных ситуаций по поводу литовско-ливонской границы посредством её демаркации на условиях литовской стороны.

Проблема раздела Ливонской конфедерации в 1561 г. в результате её противостояния Польско-Литовскому государству, Дании, Швеции и России многократно становилась объектом исторических исследований. Весьма обстоятельно исследован ход боевых действий и дипломатических сношений участников борьбы за ливонские земли, доказательством чему служит большой объем зарубежной и отечественной историографии⁴, однако в изучении столь значительного исторического события, каким была Ливонская война, все еще наличествуют заметные пробелы. Так, например, отдавая предпочтение описанию военных и дипломатических аспектов темы, исследователи часто и необоснованно умаляют либо вовсе игнорируют значение внутривосточных процессов и событий, происходивших тогда в Ливонии, значение которых было ничуть не меньше, чем ход боевых

⁴ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544-1648). СПб., 1893-1894. Т. 1-2. 717, 630 с.; Копорczyński W. Kwestia bałtycka do XX wieku. Gdańsk, 1946. 228 s.; Королук В. Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954. 111 с.; Donnert E. Der livländische Ordenstritterstaat und Russland: der livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963. 316 s.; Kirchner W. The rise of the Baltic question. Westport, 1970. 283 p.; Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. København, 1973. 241 s.; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. Uppsala, 1984. 266 s.; Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. Глазами современников и потомков. СПб., 2013. 845 с.; Янушкевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы 1558-1570. М., 2013. 384 с.; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. Очерки военной истории Ливонской войны. Белгород, 2014. 150 с.; Пенской В. В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. М., 2017. 220 с. и другие.

действий и дипломатических маневров. Оценки и интерпретация фактов, к тому же, зачастую оказываются подчинены идеологическим установкам или некой исторической парадигме, благодаря чему утрата Ливонией независимости чаще всего воспринимается как результат её неудачного военного противостояния силам России на начальном этапе Ливонской войны в обход того факта, что присяга магистра Ливонского ордена Готхарда Кетлера (1559-1561) в Риге, знаменовавшая переход южной Ливонии под власть Сигизмунда II Августа (1544-1572), явилась по сути дела заключительной фазой долговременной и последовательной политической экспансии со стороны Польско-Литовского государства.

К сожалению, научные исследования, затрагивающие эту тему, раскрывают её в недостаточной мере, оставляя вне поля зрения исследователей формировавшуюся на протяжении двух веков систему отношений Ливонии и её непосредственного соседа, Великого княжества Литовского, а также Короны Польской⁵. Относительно же протекторства Сигизмунда II Августа над ливонскими землями в контексте балтийской политики Ягеллонов в лучшем случае констатируется существование этого политико-правового концепта без глубокой аналитической проработки этой проблемы⁶. Между тем изучение документального фонда, речь о котором пойдет ниже, позволяет утверждать, что именно протекторство польско-

⁵ Дербов Л. А. К истории падения Ливонского ордена // Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов, 1947. Т. 17. С. 157-174; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant do monarchii jagiellońskiej z lat 1552-155 i jego pierwsze stadium realizacji // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. Rocznik, 1979. № 4. S. 393-408; Stancelis V. LDK vaidmuo Livonijos krizėje 1552–1561: Svarbiausios istoriografinės problemos // Lituania. Vilnius, 1998. № 4 (36). P. 3-17; Stancelis V. The annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania: Historiographical controversies // Lithuanian historical studies. Vilnius, 2000. Vol. 5. P. 21-44.

⁶ Romanowski J. N. Wojna Zygmunta Augusta z zakonem inflanckim r. 1557 // Roczniki Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego. Poznań, 1860. T. 1. S. 336-337; Kłodziński A. Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem 1556-7 // Kwartalnik Historyczny. № 22. Lwów, 1908. S. 365, 371, 375; Kutrzeba S. Polska a Inflanty. Gdynia, 1939. S. 4; Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 198-199; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 400-401; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 86; Heyde J. Kość niezgody - Inflanty w polityce wewnętrznej Rzeczypospolitej w XVI-XVII wieku // Prusy i Inflanty między średniowieczem a nowożytnością. Toruń, 2003. S. 161; Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб., 2009. № 1/2 (5/6). С. 153; Sucheni-Grabowska A. Zygmunt August. Król polski i wielki książę litewski 1520-1562. Kraków, 2010. S. 485-486; Kirby D. Northern Europe in the early modern period. The Baltic World 1492-1772. New York, 2014. S. 70; Lange T. Zwischen Reformation und Untergang Alt-Livlands. Hamburg, 2014. T. 1. S. 260-261.

литовского государя сыграло значительную, а возможно и ведущую роль в процессе политического подчинения Ливонии, послужив в качестве связующего звена между ним и Рижской епархией, а впоследствии также и большей частью ливонских земель. Статус протектора, позволявший Сигизмунду II Августу на законном основании вмешиваться в ход внутренней политики Ливонии, со временем претерпел трансформацию и в конечном счете сыграл роль инструмента инкорпорации земель южной Ливонии в состав Польско-Литовского государства.

В рамках данной работы будут рассмотрены различные аспекты взаимоотношений Польско-Литовского государства и Ливонии накануне и в начальный период Ливонской войны, восстановлен механизм их политического сближения и уточнены обстоятельства включения ливонских земель во владения польского короля, который одновременно являлся и великим князем Литовским. Особое внимание будет уделено ливонской политике Сигизмунда II Августа, а также его вассала, герцога Прусского Альбрехта Бранденбург-Ансбахского (1525-1568), личности и деятельности которого в исследованиях, посвященных Ливонской войне и её предыстории, отведено достаточно скромное место. Сложная система отношений между монархом и герцогом, принадлежавшим к одной из самых значительных семей Империи и потому существенно отличавшимся от прочих вассалов Короны, а также характер их взаимодействий сами по себе не раз становились объектом исследований⁷, однако место Ливонии в их реализованных и нереализованных политических амбициях, мотивах, планах и непосредственных действиях все еще нуждается в уточнении.

Актуальность и научная новизна заявленной темы определяются следующим:

⁷ Der Deutschordensstaat Preussen in der polnischen Geschichtsschreibung der Gegenwart (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 30). Marburg, 1982. 278 s.; Makiła D. Prusy Książęce a Korona Polska po 1525 roku. Prowincja czy protektorat // Prusy i Inflanty między Średniowieczem a Nowożytnością. Państwo – społeczeństwo – kultura. Toruń, 2003. S. 63-72; Wijaczka J. Albrecht von Brandenburg-Ansbach (1490-1568). Ostatni mistrz zakonu krzyżackiego I pierwszy książę «w Prusiech». Olsztyn, 2010. 336 s., а также другие.

Во-первых, интересом, который современная историческая наука проявляет к проблемам государственного строительства, различным видам политической интеграции, проблемам экспансии, а также процессу формирования унитарных государств и государств имперского типа со сложным национальным и этническим составом;

во-вторых, вниманием историков к историческому развитию государств Балтийского региона и их взаимоотношений, особенно в периоды внешнеполитических кризисов, среди которых Ливонская война и предшествующий ей период занимают одно из самых значимых мест;

в-третьих, малой степенью изученности внутреннего состояния государств Ливонской конфедерации накануне утраты независимости, а также характера её взаимоотношений с Польско-Литовским государством;

в-четвертых, малой изученностью такой политико-правовой формы межгосударственных отношений как протекторство, а также механизма его трансформации в отношения подданства, что имело место в случае с инкорпорацией Ливонии в состав Польско-Литовского государства;

в-пятых, введением в оборот новых источников, в том числе фонда герцогских посланий (Herzogbriefarchiv, НВА) в Тайном Государственном архиве прусского культурного наследия в Берлине (Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz).

Объект исследования: политика Польско-Литовского государства в отношении государств Ливонской конфедерации накануне и в начальный период Ливонской войны (до 1561 г.).

Предмет исследования: составные элементы политики Сигизмунда II Августа, направленной на присоединение государств Ливонской конфедерации к Польско-Литовскому государству посредством средневековой правовой концепции протекторства, которое возникло в имперской политической практике, но было приспособлено для нужд Польско-Литовского государства в качестве средств легитимации властных

притязаний короля польского и Великого князя Литовского в отношении Ливонии и его правовое содержание в контексте литовско-ливонских взаимоотношений.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают временной промежуток с 1529 по 1561 г., с момента первого случая использования идеолого-правового концепта протекторства польским королем Сигизмундом I в его ливонской политике и до заключения Второго Виленского соглашения, юридически оформившего переход Ливонии под персональную юрисдикцию (протекцию) Сигизмунда II Августа, что знаменовало её инкорпорацию в состав Польско-Литовского государства. Однако, обозначенная хронология будет несколько расширена, чтобы продемонстрировать историю возникновения и развития польско-литовского протекторства. Предполагается выявить первоначальное содержание понятия «протектор» в момент его появления в XIV в., его видоизменение во второй четверти XVI в. и обстоятельств окончательной трансформации в отношении подданства, скрепленных договором в Вильно в 1561 г.

Степень разработанности темы

До сих пор в исторической науке нет специального исследования по истории правовых взаимоотношений Польско-Литовского государства с Ливонией и сущности процесса ее поглощения в этом контексте, хотя никто из исследователей, занимающихся историей Ливонской войны, не отрицает существования в политике Сигизмунда II Августа особого «ливонского вопроса». В польской и немецко-прибалтийской историографии XIX – начала XX вв. внимание польского короля к Ливонии традиционно объяснялось желанием противодействовать усилению Москвы и укреплению ее позиций в балтийской политике⁸. «Отец польской историографии» И. Лелевель дополнил эту концепцию, обозначив связь балтийской политики с

⁸ Szujski J. Dzieje Polski podług ostatnich badań. Lwów, 1862. T. 2. S. 280-284; Lewicki A. Zarys historii polskiej aż do najnowszycy czasów. Warszawa, 1925. S. 198-200.

внутренними противоречиями Польско-Литовского государства, а именно проблемой заключения унии между Польшей и Литвой⁹. В развернутом виде эта позиция была представлена в работах С. Карвовского¹⁰, а также в трудах немецко-прибалтийских исследователей Г. Мантойфеля¹¹, О. фон Рутенберга¹², А. фон Рихтера¹³, Т. фон Шимана¹⁴. Среди трудов немецко-прибалтийских историков рубежа XIX-XX вв. следует особо выделить объемный очерк Л. Арбузова¹⁵, посвященный внутривосточной обстановке в Ливонии в эпоху Реформации, в котором впервые была затронута проблема взаимосвязи внутреннего состояния Ливонской конфедерации и динамики внешнеполитических конфликтов. Картину взаимоотношений Польско-Литовского государства с ближайшими соседями дополнили вышедшие в начале XX в. монография Я. Натансон-Леского, посвященная проблеме образования восточных границ Литвы¹⁶, а также специальная работа А. Шеленговского, в которой ливонский вопрос был рассмотрен в широком контексте борьбы за контроль над Балтикой¹⁷. Кроме того, С. Кутшеба в своем «Очерке истории строя Польши» создал тенденцию к рассмотрению международных отношений Польши с правовых позиций¹⁸, что позволило в дальнейшем рассматривать ливонскую политику Ягеллонов в контексте развития взаимоотношений между частями унитарного Польско-Литовского государства.

В 30-70-е годы XX в. заметен значительный рост интереса исследователей к истории Балтийского региона и вопросам экспансии в

⁹ Lelewel J. Dzieje Litwy i Rusi aż do unji z Polską w Lublinie 1569 zawartej. Poznań, 1844. S. 172-175.

¹⁰ Karwowski S. Wcielenie Inflant do Litwy i Polski 1558-1561. Poznań, 1873. 112 s.

¹¹ Manteuffel G. Upadek państwa inflanckiego. Lwów, 1894. 32 s.

¹² Rutenberg O. Geschichte von Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland. Leipzig, 1860. Bd. 2. 456 s.

¹³ Richter A. Die Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung demselben. Riga, 1851. Bd. 1. 351 s.

¹⁴ Schiemann T. Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Berlin, 1887. 410 s.

¹⁵ Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. 297 с.; Arbusow L. Die Einführung der Reformation in Liv-, Est- und Kurland. Leipzig, 1921. 851 s.

¹⁶ Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Lwów-Warszawa, 1922. Cz. 1. 196 s.

¹⁷ Szlagowski A. Walka o Bałtyk 1544-1621. Oświęcim, 2016. 228 s.

¹⁸ Kutrzeba S. Historia ustroju Polski w zarysie. Lwów, 1917-1921. T. 1-2. 292, 170 s.; Vetulani A. Stanisław Kutrzeba — historyk prawa // Kwartalnik Historyczny. Kraków, 1947. № 54. S. 32.

целом. В этот период увидели свет работы В. Чаплинского¹⁹, К. Лепшего²⁰ и В. Конопчинского²¹, каждая из которых, в большей или меньшей степени, затрагивала проблему балтийской политики Польско-Литовского государства в XVI в. Особо стоит отметить статью Я. Олевника, посвященную рассмотрению проекта инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства²². Поднятую Олевником тему впоследствии продолжил Я. Виячка в своем исследовании о деятельности прусского дипломата Асвера фон Брандта²³. В этой связи нельзя не отметить также обстоятельный труд Ю. Ясновского²⁴, посвященный виленскому воеводе Николаю Радзивиллу Черному (1544-1565), фигуре знаковой не только в контексте истории Литвы, но также сыгравшему важную роль в деле инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства. Значительный интерес представляет также монография С. Бодняка, посвященная рассмотрению и анализу политических амбиций Польско-Литовского государства как «неудавшейся» морской державы, стремившейся создать собственный сильный флот в Балтийском море²⁵.

В 70-х годах XX в. наряду с польскими исследователями изучением причин и специфики Ливонской войны занялись и другие зарубежные историки. Большой вклад в изучение развития ливонского конфликта внесли скандинавские исследователи К. Расмуссен²⁶ и Э. Тибберг²⁷, которые, помимо прочего, подняли вопрос об экономических интересах Польско-Литовского государства в восточной Прибалтике. Изучению предпосылок Ливонской

¹⁹ Czapliński W. Polska a Dania XVI-XX w. Warszawa, 1976. 356 s.

²⁰ Lepszy K. Dzieje floty polskiej. Gdańsk, 1947. 351 s.

²¹ Konopczyński W. Kwestia bałtycka do XX wieku. Gdańsk, 1946. 228 s.

²² Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 393-407.

²³ Wijaczka J. Asverus von Brandt 1509-1559: życie i działalność dyplomatyczna w służbie księcia Albrechta pruskiego. Kielce, 1996. 334 s.

²⁴ Jasnowski J. Mikołaj Czarny Radziwiłł (1515-1565): kanclerz i marszałek ziemski Wielkiego Księstwa Litewskiego, wojewoda wileński. Warszawa, 1939. 368 s.

²⁵ Bodniak S. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiełłona. Kórnik, 1946. 241 s.

²⁶ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. 241 s.

²⁷ Tiberg E. Kritische Bemerkungen zu einigen Quellen über den Anfang des Livländischen Krieges 1558 // Zeitschrift für Ostforschung. Marburg, 1976. Bd. 25. S. 462-475; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. 266 s.

войны, включая мотивы действий Польской Короны и Литвы, посвящены работы Н. Ангерманна (Германия) и В. Урбана (США)²⁸, при этом оба исследователя сделали упор на нежелание польско-литовского государя уступать Ливонию России. В современной польской историографии можно отметить работы Х. Ловмянского, К. Петкевича, Х. Люевича, А. Рахуба, Г. Блащика, А. Закшевского²⁹, в которых затрагивается проблема вмешательства короля Сигизмунда II Августа во внутренние дела Ливонии еще до начала Ливонской войны, в период «войны коадьюторов» (1556-1557), объясняя его мотивы намерением сдержать внешнеполитическую активность России и тем самым предотвратить угрозу Великому княжеству Литовскому с его стороны³⁰. Весьма оригинальной в этой связи выглядит теория польского историка, Х. Виснера, что заключение польско-литовской унии обеспечивало защиту от России не только для Литвы, но для и Короны Польской путем создания между ними буфера в виде белорусских и украинских земель³¹. Стоит также отметить статью немецкого историка С. Хартманна, посвященную проблеме «войны коадьюторов», в которой описан процесс избрания герцога Кристофа Мекленбургского рижским коадьютором и характер участия в этом Польско-Литовского государства³², а также работы современного немецкого историка Т. Ланге, освещающие зарождение и развитие идей Реформации в ливонских землях, а также влияние этого

²⁸ Urban W. The Origin of the Livonian War, 1558 // *Lituanus*. Chicago, 1983. Vol. 29. № 3. www.lituanus.org; Ангерманн Н. Русские и белорусские купцы в средневековой Ливонии. // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 264-269.

²⁹ Pietkiewicz K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznań, 1995. 256 s.; Łowmiański H. Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999. 673 s.; Błaszczak G. Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności 1492–1569. Poznań, 2002; Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa, 2002. 336 s.; Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763. Warszawa, 2002. 373 s.; Zakrzewski A. B. Recepja ustroju i prawa w Wielkim Księstwie Litewskim (XIV–XVIII w.) // *Studia Iuridica*. Warszawa, 2002. T. 40. S. 247-261.

³⁰ Łowmiański H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Warszawa, 1983. S. 448; Kłoczowski J. Wprowadzenie: Unia lubelska — nowe perspektywy i spojrzenia // *Unia lubelska i tradycje integracyjne w Europie Środkowo-Wschodniej*. Lublin, 1999. S. 6.

³¹ Wisner H. Rzeczpospolita obojga narodów — federacja zwyciężonych czy zwycięzców? Unia Litwy i Polski z roku 1569 w aspekcie military // *Przegląd Historyczny*. 1972. T. 63. № 4. S. 609.

³² Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde 1555/1556 // *Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag*. Münster, 2004. S. 275-306.

масштабного религиозно-политического движения на историю Ливонии³³.

Что же касается отечественной историографии, то вопрос об обстоятельствах поглощения Ливонии Польшей был впервые серьезно исследован Г. В. Форстенем, который рассматривал этот процесс в рамках «битвы за Балтику» XV-XVII вв. Он мотивировал намерения польского короля желанием тем самым сократить влияние Реформации в Балтийском регионе³⁴. При этом Форстен, который оправдывал политику русских царей, стремившихся обеспечить своему государству выход к Балтийскому морю, характеризовал политику Польши в ливонском вопросе как экспансию. Стоит также отметить совместную работу А. А. Зимина и А. Л. Хорошкевич, посвященную истории правления Ивана IV Грозного, в которой была разработана идея торговой блокады России в качестве определяющей причины развернувшейся в XVI в. борьбы за Ливонию³⁵. Советские историки (Р. Ю. Виппер³⁶, И. И. Полосин³⁷, Я. Я. Зутис³⁸ и другие) в целом разделяли эту позицию, которая в полной мере соответствовала идеологическим установкам советского периода. Особо стоит выделить работу «Ливонская война» В. Д. Королюка, в которой автор представил весьма полную событийную канву и даже затронул проблему протекторства Сигизмунда II Августа над Ливонией, впрочем, так и не раскрыв предыстории и сущности этого политико-правового концепта³⁹.

Среди современных исследований особо стоит выделить статью литовского историка В. Станцелиса, в которой автор представил историографический срез исследований инкорпорации ливонских земель в состав Польско-Литовского государства, а также дал краткую

³³ Lange T. Zwischen Reformation und Untergang Alt-Livlands. Hamburg, 2014. Т. 1-2. 786 s.

³⁴ Форстен Г. В. Балтийский вопрос. Т. 1. С. 71-72.

³⁵ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С.89-94.

³⁶ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М., 1922. С. 42-50.

³⁷ Полосин И. И. Из истории блокады Русского государства // Материалы по истории СССР. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955. Т. 2. С. 247-271.

³⁸ Зутис Я. Я. Очерки по историографии Латвии: Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949. Ч. 1. С. 62.

³⁹ Королук В. Д. Ливонская война. С. 42-72.

характеристику её сущности⁴⁰. Большое значение имеет монография С. В. Полехова, в которой проблема отношений Литвы с ливонскими ландсгеррами и верховным магистром рассмотрена в контексте династической войны, развернувшейся в Великом княжестве Литовском в XV в.⁴¹ Среди крупных исследований следует также отметить монографию белорусского историка А. И. Дзярновича, в которой обстоятельно рассматриваются сохранившиеся источники, касающиеся взаимоотношений Великого княжества Литовского и Ливонии⁴². Также интерес представляют статьи Ю. Хайде, освещающие влияние ливонского вопроса на положение дел внутри Польско-Литовского государства, а также мероприятия в ливонских землях после заключения Виленского договора⁴³. В современной историографии видное место занимает также объемная монография А. И. Филюшкина, посвященная конструированию самой идеи Ливонской войны в отечественной и зарубежной историографии⁴⁴, а также значительное количество работ, освещающих отдельные аспекты ливонского конфликта⁴⁵. В качестве вспомогательного материала, позволяющего расширить представления о Старой Ливонии и ее отношениях с соседями было использовано исследование М. Б. Бессудновой, освещающее русско-ливонские отношения в XV в.⁴⁶, а также работы Д. И. Вебера, посвященные внутреннему устройству Ордена в XVI в. и тому влиянию, которое оказало

⁴⁰ Stancelis V. The annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania. P. 21-44.

⁴¹ Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. 712 с.

⁴² Дзярнович А. І. «...In nostra Livonia». Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін Вялікага Княства Літоўскага і Лівоніі ў канцы XV — першай палове XVI стст. (Сістэматызацыя і актывы аналіз). Мінск, 2003. Т. 1. 373 с.

⁴³ Heyde J. Kość niezgody. S. 159-168; Heyde J. Die Livlandpolitik der polnisch-litauischen Adelsrepublik // Nordosteuropa als Geschichtsregion. Beiträge des III. Internationalen Symposiums zur deutschen Kultur und Geschichte im europäischen Nordosten. Lübeck, 2006. S. 335.

⁴⁴ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. 845 с.

⁴⁵ Филюшкин А. И. Дискурсы Ливонской войны // *Ab Imperio* : Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. СПб., 2001. Ч. 4. С. 46-80; Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 151-184; Попов В. Е., Филюшкин А. И. Русско-ливонские договоры 1554 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2010. С. 109-130; Filyushkin A. The Livonian war in the context of the 16th century East European wars // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2014. № 1. С. 47-64; Филюшкин А. И. Закат северных крестоносцев. «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е годы. М., 2015. 72 с., а также другие.

⁴⁶ Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. 445 с.

на него Реформация⁴⁷.

Нельзя не отметить монографию белгородского историка В. В. Пенского, в которой автор весьма подробно и содержательно осветил военную историю борьбы за Ливонию в XVI в., придерживаясь концепции о недопустимости объединения разнородных по своему характеру конфликтов на Балтике в единую «Ливонскую войну»⁴⁸. Видное место занимает также монография А. Н. Янушкевича, в которой представлен весьма обстоятельный анализ участия Великого княжества Литовского в борьбе за ливонское наследство, уделено большое внимание ходу военных действий, а также влиянию этого конфликта на внутреннее состояние Литвы и её отношения с Россией⁴⁹.

Тем не менее, несмотря на большое количество работ по истории Ливонской войны, в современной науке многие вопросы раскрыты недостаточно полно, а понимание причин, приведших к утрате Ливонией независимости, в историографии зачастую упрощено и подчиняется устоявшейся парадигме, упускающей из вида ряд значимых факторов. И несмотря на позитивную тенденцию последних лет к переосмыслению существующих концепций, комплексное рассмотрение сущности идеолого-правового концепта протекторства и его значения в ходе подготовки и реализации инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства до сих пор отсутствует.

Целью данного диссертационного исследования является изучение механизма поглощения части ливонской территории Польско-Литовским

⁴⁷ Вебер Д. И. Магистры Немецкого ордена в Ливонии в 1525-1561 годах и реформационные процессы // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2011. Т. 10. № 10. С. 112-115; Вебер Д. И. Последний ландмайстер Немецкого ордена в Ливонии // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2014. Т. 13. № 1. С. 19-24; Вебер Д. И. Формирование конфессиональных границ Польши и Великого княжества Литовского с протестантскими герцогствами в XVI в. // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. СПб., 2015. № 4. С. 246-266; Вебер Д. И. Организация сословно-представительных собраний в Ливонии в Средние века и раннее Новое время // Средние века. М., 2016. Т. 77. № 3-4. С. 118-131.

⁴⁸ Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. 150 с.

⁴⁹ Янушкевич А. Н. Ливонская война. 384 с.

государством на начальном этапе Ливонской войны. Это глобальная проблема включает в себя ряд задач:

1. Определить характер отношений Литвы и Польши с государствами Ливонской конфедерации в канун Ливонской войны и на начальном её этапе;
2. Проанализировать сущность ливонско-литовских противоречий и форм их разрешения в рамках ливонско-литовской договорной практики;
3. Изучить возникновение концепта протекторства в рамках имперского правового поля и режима его функционирования в ливонской политике польских королей Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа;
4. Выявить роль герцога Прусского Альбрехта Бранденбургского в видоизменении смыслового содержания концепта протекторства;
5. На примере событий 1529-1530 гг. и 1556-1557 гг., связанных с так называемым «коадьюторским делом», установить взаимосвязь трансформации протекторства с развитием внутрививонских политических противоречий;
6. Определить влияние на изменение сущности протекторства военного конфликта Ливонии с Россией 1558-1561 гг.;
7. Отобразить воздействие этого концепта на содержание второго Виленского договора 1561 г., установившего зависимость Ливонии от польско-литовского государя.

Источники:

Фонд исторических источников, отображающий предысторию и начальный этап Ливонской войны, в целом чрезвычайно велик и разнообразен. Наибольшее значение эта тема получила в документах, которые касались взаимоотношений Польши с Ливонией, Империей и Пруссией, значимое место среди которых занимают нарративные памятники.

В первую очередь речь идет о фонде Герцогских посланий (Herzogbriefarchiv) из Кёнигсбергского архива, ныне находящегося в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия в Берлине⁵⁰. Фонд содержит в себе обширную, в том числе конфиденциальную, переписку прусского герцога Альбрехта Бранденбургского, одного из инициаторов и активных участников инкорпорации Ливонии в Польско-Литовское государство, с главными фигурантами этого проекта – королём Сигизмундом I и его сыном, Сигизмундом II Августом, Рижским архиепископом Вильгельмом, немецкими князьями, представителями ливонских сословий, членами литовской Рады и многими другими. Кроме того, в архиве широко представлены рукописные копии различных официальных постановлений и меморандумов, касающихся ливонского вопроса, а также инструкции и посольские отчеты дипломатов, их корреспонденция. В совокупности эти документы дают представление о процессе развития идеи присоединения Ливонии к Польско-Литовскому государству, в рамках которой получил свое окончательное оформление политико-правовой концепт протекторства над Рижским архиепископством, распространившийся позже на всю территорию Ливонской конфедерации. Материалы письменного архива герцога Альбрехта были изданы в форме регестов⁵¹, однако в силу краткости в них не получили отражения ряд значимых деталей; кроме того, в некоторых случаях, содержание регестов отличалось от содержания оригинальных документов. По этой причине при написании данной работы регесты применялись только в качестве инструмента для быстрого и эффективного ориентирования в массе материалов архивного фонда; в самом же исследовании используются только переводы с оригинальных текстов, полученных автором во время изысканий в Тайном государственном архиве

⁵⁰ Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA PK), Berlin: Herzog Albrecht (HA), Herzoglichen Briefarchiv (HBA) XX.

⁵¹ Herzog Albrecht von Preußen und Livland. Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten. Köln, Weimar, Wien, 1996-1999-2002-2005-2006-2008. Bd. 41, 49, 54, 57, 60, 61. 612, 513, 569, 562, 563, 573 s.

прусского культурного наследия в Берлине, проведенных в 2015-2016 гг.

Кроме эпистолярных памятников, большая часть которых представлена материалами Герцогского архива, в данной работе использован нарратив различного происхождения и содержания, в частности, материалы зарубежных хроник и русских летописей⁵². Обстоятельное описание боевых действий, дипломатии и политических событий представлено в ливонских хрониках И. Шмидта, Б. Рюссова, И. Реннера, С. Геннинга, Ф. Ниенштедта, Т. Хьярна, Д. Фабрициуса, использованных в данной работе. Что же касается русских летописей, они также были привлечены, однако в более ограниченном объеме по причине их малоинформативности, причиной чему является концентрация внимания на военных событиях Ливонской войны и, вследствие того, малая заинтересованность авторов в обзрении и оценке дипломатических контактов и внутреннего состояния Ливонии в XVI в.

Кроме нарративных источников в данной работе был использован актовый материал, представленный материалами вышеупомянутого Герцогского архива, а также документами из фонда *Livonica I*, находящемся в Государственном архиве Швеции (*Riksarkivet, RA*) в Стокгольме⁵³. Его основу составляет архив ливонских магистров, который среди прочего

⁵² Henning S. *Lifflandische Churlendische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590, in der langwierigen Moscowwiterischen und andern Kriegen an nothdrenghlicher veränderunge der Obrigkeit und Stände in Lieflland seider dess letzten herrn Meisters, und Ersten in Lieflland zu Churland und Semigalln Hertzogen, gedenckwirdiges zugetrage*. Leipzig, 1594. 194 s.; Hiarn T. *Thomas Hiarn's Ehst-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte // Monumenta Livoniae Antiquae*. Riga-Dorpat-Leipzig, 1835. Bd. 1. 469 s.; Balthasar Rüssow's *Livländische Chronik*. Aus dem Plattdeutschen übertragen und mit kurzen Anmerkungen versehen durch Eduard Pabst. Reval, 1845. 368 s.; Strykowski M. *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiój Rusi*. Warszawa, 1846. T. 2. 588 S; Grefenthal B. *Lifflandische Chronica von Anno Christi MCLX ahngefangen // Monumenta Livoniae Antiquae*. Riga; Leipzig, 1847. Bd. 5. 860 s.; Fabricius D. *Livonicae Historiae compendiosa series, in quatuor digesta partes ab anno 1158 usque ad annum 1610 // Scriptores Rerum Polonicarum*. Riga, Leipzig, Frantzen, 1848. Bd. 2. S. 427-510; Johann Renner's. *Livländische Historien 1556-1561*. Göttingen, 1876. S. 1-123; Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. С. 7-124.; Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1. 308 с.; Полное собрание русских летописей. Книга степенная царского родословия. СПб., 1913. Т. 21. Ч. 2. 370 (708) с.; Полное собрание русских летописей. Львовская летопись. СПб., 1914. Т. 20. Ч. 2. 274 (687) с.; Полное собрание русских летописей. Псковские летописи. М., 1955. Т. 5. Вып. 2. 244 с.; Полное собрание русских летописей. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977. Т 33. 256 с.; Полное собрание русских летописей. Псковские летописи. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. 368 с.; Полное собрание русских летописей. Владимирские летописи. М., 2009. Т. 30. 272 с.

⁵³ Riksarkivet (RA), Stockholm: *Livonica I*, 41.

содержит копии международных договоров, что дает возможность проследить общую направленность развития взаимоотношений Польско-Литовского государства и Ливонии. К сожалению, по неизвестной причине, документы внутри фонда *Livonica I* не пронумерованы, что очевидным образом отразилось на ссылках, приведенных в тексте настоящей диссертационной работы.

В данном исследовании использована также дипломатическая документация из сборника «*Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae*»⁵⁴, в частности, договоры Ливонии и Великого княжества Литовского, в которых затрагивался вопрос о правовых основах польского протекторства в отношении Ливонии. Широкий спектр разнородных источников по теме настоящего исследования представлен в сборниках документов по истории Ливонии середины XVI в., опубликованных К. фон Ширреном⁵⁵ и Ф. Бинеманном⁵⁶. Значимое место занимают также материалы «*Acta Tomiciana*»⁵⁷, содержащего в себе значительное количество эпистолярных памятников, а также дипломатических документов. Большое значение для понимания внешней политики Великого княжества Литовского играет также «Книга посольская», в которой, в частности, представлены описания дипломатических миссий⁵⁸. Важную информацию о подготовке плана инкорпорации Ливонии содержит в себе сборник «*Die Berichte und Briefe des Rats und Gesandten Herzog Albrechts von Preussen Asverus von*

⁵⁴ Dogiel M. *Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Lituaniae*. Vilnae, 1759, 1764. Т. 4, 5. 526, 560 s.

⁵⁵ Schirren C. *Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken*. Dorpat, 1861–1868. 250 s.; Schirren C. *Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit*. Aus dem schwedischen Reichsarchive zu Stockholm. Reval, 1862, 1863, 1864, 1865, 1879. Bd. 2, 3, 4, 5, 6. 355, 364, 351, 379, 366; *Neue Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit*. Aus dem dänischen geheimen Archive zu Kopenhagen. Reval, 1884. Bd. 2. 808 s.

⁵⁶ Bienemann F. *Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558-1562*. Riga, 1865, 1867, 1873, 1876. Bd. 1, 2, 4, 5. 315, 295, 437, 599 s.

⁵⁷ Górski S. *Acta Tomiciana*. Kórnik-Wrocław-Kraków-Poznań, 1855, 1876, 1960. Т. 4, 8, 9, 16. 428, 408, 372, 717 s.

⁵⁸ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа. М., 1845. Т. 1. 518 с.

Brandt»⁵⁹. Материалы дипломатической переписки, а также правовые акты Священной Римской империи, относящиеся к истории Ливонии можно обнаружить в материалах издания «*Monumenta Livoniae Antiquae*»⁶⁰. Обширный пласт материала, касающийся договоров Ливонии с Польско-Литовским государством представлен в многотомном сборнике «*Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten*»⁶¹. Отдельные документы о бытовавшей практике демаркации литовско-ливонской границы, свидетельства о пограничных конфликтах, организации польско-литовского войска и его действиях в Ливонии находятся в 4-й, 560-й и 564-й книгах Литовской Метрики⁶², однако объем материала, касающегося заявленной темы, по сравнению с прусским и шведским фондами в ней довольно скромнен. Вероятно, это обусловлено гибелью значительной части архива Великого княжества Литовского во время пожара 1655 г., из-за чего некоторые ценные свидетельства сохранились лишь в архиве Альбрехта Бранденбургского и орденских документах. В данной работе были также использованы источники, касающиеся политических взаимоотношений государств Ливонской конфедерации, Ганзы, Ливонского ордена и Великого княжества Литовского, в частности, публикации некоторых договоров Ливонии с Польско-Литовским государством и Россией, сделанные А. И. Филюшкиным и В. Е. Поповым⁶³, материалы сборников «*Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae*», «*Elementa ad Fontium Editiones*»⁶⁴ и «*Index*

⁵⁹ Bezenberger A. Die Berichte und Briefe des Rats und Gesandten Herzog Albrechts von Preussen Asverus von Brandt. Bd. 5. Hameln, 1953. 643 s.

⁶⁰ *Monumenta Livoniae Antiquae*. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmälern und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's dienen. Riga-Dorpat-Leipzig, 1835, 1847. Bd. 1, 5. 469, 860 s.

⁶¹ *Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten*. Reval-Riga-Moskau: 1853, 1873, 1881, 1884, 1889. Bd. 1, 6, 7, 8, 9. 634, 675, 631, 728, 746 s.

⁶² Русская историческая библиотека. Литовская Метрика. Юрьев, 1914. Т. 30. 538 с.; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 564 (1553-1567). Viešųjų reikalų knyga 7. Vilnius, 1996. 206 p.; Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга № 560 (1542). Кніга перапісаў № 3. Мінск, 2007. 160 с.

⁶³ Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 151-184; Попов В. Е., Филюшкин А. И. Русско-ливонские договоры 1554 г. С. 109-130; Попов В. Е., Филюшкин А. И. Как начиналась Ливонская война? // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 192-201.

⁶⁴ *Elementa ad Fontium Editiones*. Romae, 1976. Т. 38. 220 s.

Corporis Historico-Diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae»⁶⁵.

Методология исследования базируется на историко-критическом и компаративном методе, направленном на поиск соответствия между теми или иными документами, а также современной методике изучения политических культур. При написании настоящей работы были соблюдены принципы научности, историзма и объективности, предусматривающие комплексное изучение процессов, явлений и событий в их взаимосвязи, взаимодействии и развитии неотъемно от исторического контекста.

Научная новизна данного исследования заключается: 1) в анализе специфики ливонско-литовских договоров, касающихся проблем пограничья и не получивших должного рассмотрения в историографии; 2) в рассмотрении протекторства как политического концепта, возникшего в рамках имперской правовой практики и как формы взаимодействия Польско-Литовского государства с государствами Ливонской конфедерации, предварявшего её инкорпорацию; 3) в изучении изменения смыслового содержания протекторства в ходе событий 1529-1530 гг. и 1556-1557 гг., а также его использования в ливонской политике польских королей Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа; 4) в исследовании роли герцога Прусского Альбрехта Бранденбург-Ансбахского и архиепископа Рижского Вильгельма Бранденбургского в развитии и реализации отношений протекторства со стороны польско-литовского монарха; 5) в выявлении места военного конфликта Ливонии с Россией в видоизменении сути протекторства и его трансформации в отношения подданства; 6) в подробном анализе первого и второго Виленских соглашений, что осуществляется впервые; 7) введение в научный оборот новых документов из GStAPK и RA.

Положения, выносимые на защиту:

1. На первом этапе в рамках правового поля Священной Римской

⁶⁵ Napiersky K. Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae oder Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung. Dorpat, Riga, 1833, 1835. Bd. 1-2. 394, 414 s.

империи было сформировано представление о польских королях как о протекторах Рижского архиепископства. Первоначально отношения протекторства представляли собой разновидность сеньориальных, в основе своей патриархальных, отношений, которые предусматривали оказание протектором помощи и защиты подопечному государю и его подданным в обмен на признание за ним этого звания и соответствующих полномочий;

2. Впоследствии этот концепт был использован Ягеллонами в качестве идеолого-правового обоснования вмешательства Польско-Литовского государства во внутренние дела Ливонии, а впоследствии – инкорпорации. Впервые эта политическая стратегия проявила себя при урегулировании Сигизмундом I «коадьюторского вопроса» 1529-1530 гг., а затем была использована Сигизмундом II Августом в ходе «коадьюторской войны» 1556-1557 гг.
3. И то и другое происходило при активном участии герцога Прусского Альбрехта Бранденбургского, роль которого в 20-х-30-х годах XVI в. заключалась в попытке использовать протекторство для усиления своих политических позиций в Ливонии и назначении коадьютором своего младшего брата, Вильгельма Бранденбургского, а также в разработке первоначального плана инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства и обеспечении документальной базы протекторства польско-литовского государя;
4. С 30-х годов в восприятии протекторства Ягеллонов произошли изменения, что проявилось в их стремлении контролировать внутреннюю политику ливонских сословий в масштабах всей Ливонии и закрепить свои прерогативы в межгосударственных договорах;
5. На начальном этапе Ливонской войны под влиянием реальной военной угрозы применение идеолого-правового концепта

протекторства было распространено на всю территорию Ливонии и впоследствии использовано Сигизмундом II Августом в качестве обоснования введения в Ливонию военного контингента, присоединения к Польско-Литовскому государству части ливонских территорий и конечной трансформации отношений покровительства в подданнические отношения.

Апробация результатов исследования. Основные и предварительные результаты исследования были использованы в написании работ для выступления на ряде научно-практических конференций, как отечественных, так и зарубежных. Апробация результатов исследования проводилась на конференциях в университетах Санкт-Петербурга («Курбатовские чтения»), Праги («Konference mladých slavistů»), Будапешта («Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России»), Одессы («Одесские чтения»), Воронежа, Липецка, Рязани, Тамбова, Могилева и Полоцка в период с 2012 по 2017 год. Кроме того, диссертант является двукратным победителем открытого благотворительного конкурса для студентов, аспирантов и молодых преподавателей «Академическая мобильность» Фонда Михаила Прохорова в 2011 и 2013 гг., предоставившего финансирование для архивных изысканий в Тарту (Эстония) и Берлине (Германия). Также диссертант принимал участие в гранте РГНФ № 15-21-01003 ««Свои» и «чужие»: феномен пограничья в средние века и раннее новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения регионов» в 2015-2016 гг. в статусе лаборанта-исследователя.

Структура работы. Настоящая диссертационная работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых содержит в себе по три параграфа, заключения, приложения в виде карты «Динамика развития литовско-ливонской границы в XIV-XVI вв.», а также списка литературы.

Глава 1. Особенности развития внешнеполитических отношений Польско-Литовского государства и Ливонии

§1. Договоры Польско-Литовского государства и Ливонии XIV-XVI вв. Проблема границ.

История взаимоотношений Польши-Литвы с Ливонией имеет длительное развитие, что объясняется близким соседством этих двух государств и наличием общей границы. Важным регулятором отношений Польско-Литовского государства с Ливонией являлись международные договоры, которые стали заключаться с XIV в⁶⁶. В основном речь идет о договорах Ливонии с Великим княжеством Литовским, которое являлось её непосредственным соседом. К договорным отношениям с Ливонией конца XIV-начала XV вв. Корона Польская имела отношение лишь в том случае, когда польский монарх одновременно выступал как великий князь Литовский, что стало обычным со времени правления Казимира IV Ягеллончика (1440-1492).

Главной причиной возникновения подобных отношений стали постоянные войны с прусским Тевтонским орденом, занявшими большую часть XIV в. Будучи подразделением Тевтонского ордена, Ливонский орден занимал подчиненное положение и де-юре подчинялся верховному магистру⁶⁷, что предопределило формальное упоминание Ливонского ордена в международных договорах. Однако по факту Ливонский орден был довольно самостоятелен, далеко не всегда следуя политическому курсу верховного магистра в Пруссии⁶⁸. Кроме этого, необходимо иметь в виду, что Ливонский орден во внешнеполитических отношениях мог с позволения

⁶⁶ Гудавичюс Э. История Литвы: с древнейших времен до 1569 г. М., 2005. С. 386-387.

⁶⁷ Hellmann M. Die Stellung des livländischen Ordens zur Gesamtpolitik des Deutschen Ordens vom 13. bis zum 16. Jahrhundert // Von Akkon bis Wien. Studien zur Deutschordensgeschichte vom 13. bis zum 20. Jahrhundert. Festschrift zum 90. Geburtstag von Althochmeister M. Tumler. Marburg, 1978. S. 6-13.

⁶⁸ Ibid.

сословий представлять всю Ливонскую федерацию и в силу этих причин мог выступать как самостоятельный субъект международных отношений⁶⁹.

Система взаимоотношений Ливонии и Польско-Литовского государства являлась результатом продолжительного опыта взаимодействия между ливонскими землями и Литвой, в развитии которой можно выделить определенные этапы и направления. Для данной работы наиболее важной является проблема демаркации пограничных рубежей между двумя государствами и уровень эффективности принятых по этому поводу решений.

Проблема установления и изменения границ в настоящее время является весьма актуальной⁷⁰, поскольку она является определяющей для понимания характера межгосударственного взаимодействия и конфликтов между державами прошлого. Особый интерес представляет также процесс её формирования и постепенной эволюции от характерной для Средневековья «рубежной зоны» до четко маркированной линии, разграничивавшей соседние державы. Ярким примером тому служит ливонско-литовская граница, вопрос о которой не раз проявлял себя в истории этих двух государств, насыщенной военными конфликтами, торговыми контактами и значимыми политическими событиями. К сожалению, на данный момент специального исследования о границах Ливонии и Великого княжества Литовского не существует. Основное внимание исследователей приковано к взаимоотношениям Великого княжества Литовского с Польшей, Немецким орденом в Пруссии и Россией, в то время как пограничные споры с Ливонским орденом рассматриваются в основном на примере западной, прусской границы. Истории ливонско-пруссских отношений, в частности,

⁶⁹ Angermann N. *Livländisch-russische Beziehungen im Mittelalter // Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland. Lüneburg, 2001. S. 129-144.*

⁷⁰ Urban W. *The Frontier Thesis and the Baltic Crusades // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1140-1500. Aldershot, 2001. P. 45-71; Herbers K. Europa und seine Grenzen im Mittelalter // Grenzräume und Grenzüberschreitungen im Vergleich. Der Osten und der Westen des mittelalterlichen Lateineuropa. Berlin, 2007. S. 21-41; The «Baltic Frontier» Revisited. Power Structures and Cross-Cultural Interactions in the Baltic Region. Proceeding of the International Symposium in Florence. Vienna, 2009. 309 s.*

касается в своей статье М. Хельманн⁷¹. Кроме того, эту проблему затрагивали Й. Пфитцнер в своем исследовании, посвященном правлению великого князя Литовского Витовта⁷², а также Й. Нёбель и К. А. Люкерат в связи с описанием внешней политики верховных магистров Михаэля Кюхмайстера фон Штернберга (1414-1422) и Пауля фон Русдорфа (1422-1441)⁷³. Интерес представляет также специальное исследование восточной границы Польши, осуществленное Г. Роде, и работа К. Нейтмана о договорах Ливонского ордена в Пруссии 1230-1449 гг.⁷⁴ Поскольку архив Великого княжества Литовского погиб во время пожара 1655 г. при взятии русскими города Вильно, исследования такого направления базируются, в основном, на орденских документах, представленных, по большей части, материалами Тайного Государственного архива прусского культурного наследия в Берлине. Отдельные документы и некоторые литовско-ливонские договоры находятся в Литовской Метрике⁷⁵. Большое значение имеет также комплекс документов из архива Ливонского ордена, хранящийся в Шведском государственном архиве в Стокгольме⁷⁶.

Наиболее ранним документом, касающимся разграничения владений Великого княжества Литовского и Ливонского ордена, является выписка из договора о «вечном мире» и союзе, заключенном 12 октября 1398 г. между великим князем Литовским Витовтом (1392-1430) и верховным магистром Немецкого ордена Конрадом фон Юнгингеном (1393-1407) на о. Салин⁷⁷, в заключении которого принимал участие и ливонский магистр Веннемар фон

⁷¹ Hellmann M. Die polnisch-litauische Union 1385/86. Betrachtungen zu ihrem 600-jährigen Gedächtnis // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Stuttgart, 1986. Bd. 34. S. 19-34.

⁷² Pfitzner J. Großfürst Witold von Litauen als Staatsmann. Brünn, 1930. 239 s.

⁷³ Nöbel W. Michael Küchmeister, Hochmeister des Deutschen Ordens 1414-1422. Bad Godesberg, 1969. 158 s.; Lückcrath C. A. Paul von Rusdorf, Hochmeister des Deutschen Ordens 1422-1441. Bad Godesberg, 1969. 248 s.

⁷⁴ Rhode G. Die Ostgrenze Polens. Politische Entwicklung, kulturelle Bedeutung und geistige Auswirkung. Köln/Graz, 1955. Bd. 1. 457 s.; Neitmann K. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preußen 1230-1449. Studien zur Diplomatie eines spätmittelalterlichen deutschen Territorialstaates. Köln, Wien, 1986. 629 s.

⁷⁵ Jähnig B. Militärgeschichtliche Quellen des Staatsarchivs Königsberg im Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz // *Altpreußische Geschlechterkunde*. Hamburg, 1982. Bd. 13. S. 7-44.

⁷⁶ Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. С. 44-45.

⁷⁷ Dundulis B. Lietuvių kova dėl Žemaitijos ir Užnemunės XV amžiuje. Vilnius, 1960. S. 51-52; Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kunevičius A. The History of Lithuania before 1795. Vilnius, 2000. P. 137-138; Kiaupienė J., Petrauskas R. Lietuvos Istorija. Vilnius, 2009. S. 47.

Брюггеней (1389-1401)⁷⁸. Передача верховному магистру территории Жемайтии породила необходимость установить границу между Великим княжеством Литовским и землями ливонского отделения Тевтонского ордена. Значение этого документа в развитии взаимоотношений Ливонии и Литвы трудно переоценить, поскольку высока вероятность того, что именно этот договор положил начало существованию ливонско-литовского порубежья как такового. Об этом свидетельствует отсутствие упоминания в тексте документа старых межевых знаков (что стало характерной чертой всех последующих договоров), из чего можно предположить, что граница, если и существовала, никак не была обозначена на местности и носила условный характер. Согласно договору, граница пролегла «...по острову, именуемому Салин, расположенному на реке Мемла, к другому острову по названию Ромейвердер и так от конца вышеназванного острова Салин прямо в направлении реки под названием Наувезе (Навезе), по оврагу или валу, простирающемуся до леса под названием Священный лес, оттуда, следуя названной реке в среднем течении, поднимаясь до Висвильтена, оттуда, идя по прямой линии до большого камня под названием Рода, который расположен в реке Аа и названный по-простонародному Рода, спускаясь от этого камня к водоему под названием Смарден, от него прямо к озеру или водоему под названием Апайтензее, от этого водоема или озера прямо до Нагаритской дороги, называемой Бренгельской дорогой, оттуда прямо в Ненемейтен (Ненемитен), оттуда по прямой к концу или краю марки, в народе именуемой Языческой, к месту, где пробивается родник, продвигаясь от указанного родника через чащу на пустошь, которую называют общей, где берет начало река Эглоффе, оттуда по прямой через середину указанной пустоши до псковской границы...»⁷⁹. В описании границы на себя обращает внимание тот факт, что некоторые топонимы имеют двойные немецко-

⁷⁸ Seraphim E. Geschichte von Livland. Gotha, 1906. Bd. 1. S. 122-123.

⁷⁹ Vertrag von Salinwerder. 12. Oktober, 1398 // Riksarkivet, Livonica I, vol. 41. Перевод – Д. А. Бессуднов.

литовские названия, что указывает на совместное пользование этих территорий как литовцами, так и жителями ливонских земель⁸⁰. Также следует отметить, что рубеж, обозначенный в Салинском договоре, был проведён весьма приближенно: межевых пунктов обозначено не очень много, а в промежутках между ними граница на местности обозначена не была. Все это говорит нам о том, что в конце XIV в. вопрос о границе еще был лишен той остроты, которую он приобретет в XVI в. Из самого документа видно, что большая часть границы проходила через слабоосвоенные территории, пустоши и глухие леса⁸¹, которые не имели большой экономической ценности и выполняли роль некоего буфера между двумя соседствующими государствами. Тем не менее, установление подобного условного рубежа, как представляется, стало первым шагом к формированию границы линейного типа.

Салинский договор был подтвержден в 1404 г. в местечке Рачёнж⁸², а в 1409 г. ливонский магистр Конрад фон Фитингхоф (1401-1413) независимо от Тевтонского ордена подписал соглашение с великим Литовским князем Витовтом, согласно которому Ливония в случае войны Тевтонского ордена и Литвы выступит на стороне братского ордена не ранее чем через три месяца по окончании перемирия с Литвой⁸³. Соблюдая заключенный договор, во время Великой войны 1409-1411 гг. Ливонский орден не принимал участия в боевых действиях, выступив на стороне Тевтонского ордена лишь после его окончательного поражения в битве при Грюнвальде, спасая его от полного уничтожения⁸⁴. Данный эпизод уже сам по себе дает понимание того, насколько относительной была зависимость Ливонского ордена от

⁸⁰ Vertrag von Salinwerder. 12. Oktober, 1398 // Riksarkivet, Livonica I, vol. 41. Перевод – Д. А. Бессуднов. Некоторые топонимы занесены в документ в двух вариантах написания: Nauweze - Nawese, Nenemeuten – Nenemiten и др.

⁸¹ Vertrag von Salinwerder. 12. Oktober, 1398 // Riksarkivet, Livonica I, vol. 41. Перевод – Д. А. Бессуднов. Пример описания границы: «через непроходимую чащу на пустошь, которую называют общей, где берет начало река Эглоффе, оттуда по прямой через середину указанной пустоши до псковской границы».

⁸² Kumetaitis Z. The Borders of Lithuania. The History of a Millenium. Vilnius, 2010. S. 13.

⁸³ Seraphim E. Geschichte von Livland. Gotha, 1906. Bd. 1. S. 126-127.

⁸⁴ Ibid. S. 131-132.

верховного магистра. После поражения Тевтонского ордена 1 февраля 1411 г. был заключен Первый Торуньский мир⁸⁵, который провозглашал «вечный мир и непоколебимый союз» между подписавшими его сторонами – польским королём Владиславом II Ягайло (1362-1434), великим Литовским князем Витовтом и верховным магистром Генрихом фон Плауэном (1410-1413). Отдельного мирного договора с Ливонским орденом заключено не было, поскольку официально он не являлся самостоятельным субъектом и был представлен верховным магистром. Условия договора касались только Тевтонского ордена в Пруссии и в его тексте Ливония фигурировала лишь косвенно. Её касались только статьи договора о взаимной торговле союзников, совместном решении внутрисоюзных конфликтов и распространении христианства на подвластных землях. Вдобавок, несмотря на уже существовавшие на тот момент торговые положения Торуньского мира 1411 г., Витовт в 1414 г. заключил отдельный торговый договор напрямую с Ливонией⁸⁶, что, по всей видимости, было обусловлено необходимостью, вызванной тесными торговыми контактами. Примечателен и тот факт, что договор был одобрен и подписан ливонским магистром, невзирая на разгоравшийся конфликт между Литвой-Польшей и Тевтонским орденом, частью которого формально считался Ливонский орден⁸⁷.

Следующим этапом во взаимоотношениях Польско-Литовского государства и Ливонии стал Мельнский договор, заключенный 27 сентября 1422 г. между польским королем Владиславом II Ягайло, великим Литовским князем Витовтом и верховным магистром Паулем Русдорфом, подписавшем его от имени Тевтонского и Ливонского орденов⁸⁸. Данный документ кардинально изменил политическую карту Балтийского региона, поскольку

⁸⁵ Pax & Concordia inter Henricum de Plauen Magistrum Prussiae, & Vladislaum Regem Poloniae, ac Vitoldum Ducem Litvaniae. 1. Februar, 1411 // CDPL. T. 4. № 80. S. 84-87.

⁸⁶ Kłodziński A. Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem 1556-7. S. 354.

⁸⁷ Дзярновіч А. І. «...In nostra Livonia». Т. 1. С. 224-225.

⁸⁸ Faedus perpetuae pacis, unionis & concordiae inter Vladislaum Regem Poloniae ac Vitoldum Ducem Litvaniae, Ducisque Masoviae ab una, & Paulum de Rusdorf Magistrum Cruciferorum & suum Ordinem parte ab altera. 27. September, 1422 // CDPL. T. 4. № 90. S. 110-115; Полехов С. В. Наследники Витовта. С. 143.

согласно нему, Жемайтия (Жмудь) и Занеманье были переданы Великому княжеству Литовскому⁸⁹. Литовским купцам предоставлялся прямой доступ к Балтийскому морю через Палангу; кроме того, в договоре провозглашался союз и свобода торговли. В тексте документа также говорится о новых границах, в том числе и с Ливонией. По сравнению с Салинским договором Мельнское соглашение оговаривало границу более обстоятельно, однако только на коротком отрезке, относящимся к Жемайтии. Потеряв жмудские земли, Тевтонский и Ливонский ордена оказались территориально разделены, а новая ливонско-литовская граница значительно удлинилась, что неизменно порождало пограничные споры, особенно в районе границы между Жемайтией и Курляндией, решать которые, согласно Мельнскому договору, надлежало совместно, при посредничестве избранных комиссаров⁹⁰.

В ходе войны между Великим княжеством Литовским и Польской короной, имевшей место в 1430-1431 гг., великий Литовский князь Свидригайло (1430-1432) во время встречи с верховным и ливонским магистрами заключил договор, согласно которому Орден и Литва должны были оказывать помощь друг другу в случае агрессии третьей стороны, а также обязывались не начинать завоеваний без обоюдного согласия договаривающихся сторон⁹¹. Особенно активно в отношении своего соседа проявил себя Ливонский орден: ливонские рыцари выступили на стороне Свидригайла в сражении под Ошмянами в 1432 г., принимали участие в походе на Тракай в 1433 г., в котором принял участие и сам магистр Циссе фон дем Рутенберг (1424-1433), а также в решающей битве на р. Свента в

⁸⁹ Полехов С. В. Наследники Витовта. С. 74-75.

⁹⁰ HM. an den OM. von Livland. 3. Dezember, 1423 // LECUB. Bd. 7. № 54. S. 36-37; HM. an den OM. von Livland // LECUB. Bd. 7. № 61. S. 45-46; HM. an den OM. von Livland. 3. Dezember, 1423 // LECUB. Bd. 7. № 66. S. 52; Kg. Wladislaw von Polen urkundet, in welcher Weise er und der GF. Witowt von Litauen in einer persönlichen Zusammenkunft sich mit dem HM. Paul von Russdorf... 17. Dezember, 1425 // LECUB. Bd. 7. № 378. S. 269; GF. Witowt von Litauen an den OM. von Livland... 27. Juni, 1426 // LECUB. Bd. 7. № 490. S. 337-338.

⁹¹ Switrigail, GF. Von Litauen, und der D. O. in Preussen und Livland schliessen ein Defensiv- und Offensivbündniss mit einander ab. 19. Juni, 1431 // LECUB. Bd. 8. № 462. S. 271-274; Neitmann K. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen 1230-1449. S. 193-197.

1435 г., где войска Свидригайла и Ордена потерпели сокрушительное поражение⁹². Новый мирный договор, заключенный в Брест-Куявском в 1436 г.⁹³ по большей части воспроизводил условия Мельнского соглашения, но кроме того в него было включено условие, запрещавшее Тевтонскому и Ливонскому орденам вмешиваться во внутренние дела Короны Польской и Великого княжества Литовского, а также вступать в любые объединения, направленные против польского короля, великого князя Литовского и их потомков. Поддержка мятежника-Свидригайла охладила отношения нового великого князя Сигизмунда Кейстутовича (1432-1440) с Ливонским орденом, однако этот факт не был способен перечеркнуть все выгоды от участия в ливонской торговле. Отношения были вновь восстановлены в Тракайском договоре от 1439 г., который гарантировал взаимную военную помощь великого Литовского князя, рижского архиепископа и ливонского магистра, одновременно возобновляя торговые контакты между Полоцком и Ригой⁹⁴.

Развитие отношений Польско-Литовского государства с Тевтонским орденом в Пруссии в этот период происходило сепаратно, и не касалось конкретно Ливонии. После разгрома Тевтонского ордена в ходе Тринадцатилетней войны (1454-1466) в 1466 г. между верховным магистром Людвигом фон Эрлихсхаузенем (1450-1467) и польским королём Казимиром IV Ягеллончиком был заключен Второй Торуньский мир⁹⁵, который стал одной из главных причин упадка Тевтонского ордена в Пруссии: западные

⁹² Kolankowski L. *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*. Warszawa, 1930. Т. 1. S. 173-217; Грыцкевіч А. Барацьба Вялікага Княства Літоўскага і Рускага (Беларуска-Літоўскай дзяржавы) з Тэўтонскім ордэнам у канцы XIV- першай палове XV ст. // *Адраджэнне. Гістарычны альманах*. Мінск, 1995. № 1. С. 53-57.

⁹³ *Perpetua Pax & Foedus inter Vladislaum Jagiellonis Regem, Regnumque Poloniae, ejusdemque Principes tam Ecclesiasticos quam Saeculares ex una, & Magistrum Generalem, nec non Magistros Almaniae & Livoniae Ordinis Teutoniici, eorundemque Praeceptores, adhaerentes ac subditos, & ipsorum Haeredes ac Successores ex altera partibus constitutum*. 1436 // CDPL. Т. 4. № 97. S. 123-134.

⁹⁴ *Danzig stellt dem Archidiacon des Metropolitens Isidor von Kiew nebst seinem Gefolge einen Geleitsbrief aus*. 7. Mai, 1438 // LECUB. Bd. 9. № 416. S. 289; Дзярновіч А. І. «...In nostra Livonia». Т. 1. С. 226. Подробный анализ ливонского участия в династической войне внутри Великого княжества Литовского представлен в монографии С. В. Полехова: Полехов С. В. *Наследники Витовта*. С. 274, 306-307, 320-327, 373-376, 403-404, 464-466.

⁹⁵ *Pax perpetua inter Casimirum Regem Poloniae & Ludovicum de Erlichshausen Magistrum Generalem & Ordinem Domus Hierosolymitanae Teutonicorum in Thorun*. 1466 // CDPL. Т. 4. № 122. S. 163-174.

прусские земли отошли к Польше, а магистр Ордена признал себя вассалом польской короны. Ливонский орден не фигурировал в тексте договора и потому сохранил свою независимость от Короны Польской, но факт его подписания имел для Ордена далеко идущие последствия. В сложной внешнеполитической ситуации ливонское отделение Ордена оказалось предоставлено само себе, и первой задачей, которую ему надлежало решить была проблема участвовавших ливонско-литовских пограничных конфликтов.

Вопрос о ливонско-литовской границе была вновь поднят в 1473 г., когда в целях урегулирования «противоречий, конфликтов, разногласий и неудовольствий, существующих в настоящее время из-за этих границ и пределов» («*controversias, iurgia, differencias et displicencias hactenus habitas pro eisdem graniciebus et limitibus*») между великим Литовским князем Казимиром IV и ливонским магистром Берндом фон дер Борхом был заключен Курзумский договор. В этом соглашении были закреплены границы, не обозначенные в Мельнском договоре, а именно на отрезке от Шидабре до Краславаса. От Шидабре до Швентожи граница полностью соответствовала договору 1422 г. В тексте документа уже фигурируют кроме естественных пограничных знаков и знаки искусственные («...на водоеме того же названия [Курзми] мы сделали один холмик (*kopecz*) <...> а вдоль вала мы приказали сделать другие холмики <...> а в промежутках мы сделали знаки на дубах и прочих деревьях...») ⁹⁶. Кроме того, в документе были четко оговорены юридические нормы, согласно которым та или иная земля передавалась ливонской либо литовской стороне, что является весьма показательным в качестве примера правового взаимодействия между двумя государствами. Данный рубеж, в конечном счете, стал традиционным и стал известен как «линия Радзивилла», в честь представителя литовской стороны великого маршала Радзивилла Осциковича (? – 1477), родоначальника литовского рода Радзивиллов. С этого момента в решении порубежных

⁹⁶ Vertrag von Curczum. 7. Juli, 1473 // Riksarkivet, Livonica I, vol. 41. Перевод – Д. А. Бессуднов.

споров регулярно фигурируют специальные литовско-ливонские комиссары, задачей которых была ревизия границы и ее «выправление», а также обновление старых межевых знаков⁹⁷.

С конца XV в. при заключении договоров проблема конфликтов в пограничной зоне прослеживается почти повсеместно. Тем не менее, локальные и частные по своему характеру пограничные споры не мешали налаживанию взаимодействия между Ливонией и Великим княжеством Литовским – эффект от постепенного продвижения Литвы на север нивелировала угроза со стороны общего врага, России. О дипломатическом сближении Литвы и Ливонии в начале XVI в. свидетельствует договор, заключенный в 1501 г. Вольтером фон Плеттенбергом (1450-1535) и Александром Ягеллончиком (1492-1506)⁹⁸, согласно которому, ливонский магистр и великий князь Литовский заключали военный союз против Московского князя Ивана III (1462-1505) сроком на 10 лет. В данном договоре Ливония фигурирует как полноправный актор, и в нем не прослеживается никакой связи с более ранними неравноправными договорами Польши-Литвы и Тевтонского ордена в Пруссии. В этом соглашении вновь была поднята тема споров на ливонско-литовском пограничье, решение которых предполагалось найти в более спокойное время посредством работы избранных комиссаров. Договор 1501 г. является явным знаком сближения двух государств, однако с этого же момента вопрос

⁹⁷ Kumetaitis Z. The Borders of Lithuania. The History of a Millenium. Vilnius, 2010. P. 18; Christoph Sturtz, Kanzler Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht. 27. Juli, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1581. S. 1a-2a; Herzog Albrecht an Christoph Sturtz, Kanzler Erzbischof Wilhelms. August, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1588. S. 1a-2a; Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 21. Januar, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1603. S. 1a-3b; Erzbischof Wilhelm von Riga und Wilhelm von Fürstenberg, Meister des Deutschen Ordens in Livland, an die Bürgermeister und Ratmannen der Stadt Riga. März, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2194. S. 1a-2a; Johann Reich an Herzog Albrecht. 29. Juli, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2248. S. 1a-5a; Quittung Erzbischof Wilhelms über die Rücklieferung der Kirchenkleinodien durch die Stadt Riga. 4. Oktober, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2290. S. 1a-1b; Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 14. Dezember, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2329. S. 1a; Thomas Horner, Gesandter des Meisters in Livland, an Herzog Albrecht. 9. Mai, 1559 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2429. S. 1b-3a, а также другие.

⁹⁸ Unio & Confaederatio inter Alexandrum Magnum Ducem Litvaniae, & Voltherum de Plettenbergk Magistrum Livoniae contra Ivan Wasilowicz Magnum Ducem Moschoviae, ad decennium inita. 1501 // CDPL. T. 5. № 90. S. 159-162; Дзярновіч А. І. Працэдура падпісання міжнародных дамоваў у пачатку XVI ст. (на прыкладзе саюзнай дамовы 1501 г. паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй) // Беларусь і свет. Минск, 2000. Т. 2. С. 34-44.

о границе становится всё более болезненным. Плеттенберг несколько раз жаловался Сигизмунду I (1506-1548) на частые нападения литовцев под руководством Николая Радзивилла на периферийные земли и в ответ Сигизмунд выдвинул точно такую же претензию, указывая на аналогичные действия со стороны ливонцев, совершавших нападения на литовские земли⁹⁹. В отдельном акте даже был зафиксирован ущерб, который понесли литовские подданные Сигизмунда I в результате грабежей, убийств и поджогов, учиняемых ливонской стороной¹⁰⁰. В ходе обсуждения дела с ливонскими послами стороны сошлись на том, что разрешить сложившуюся ситуацию на границе возможно только при помощи уполномоченных представителей от обеих сторон¹⁰¹, а также размещения специальных литовских отрядов на границе с целью предотвращения подобных эксцессов в будущем¹⁰².

Вновь проблема границ была поднята при заключении Великим княжеством Литовским и Ливонией договора в 1529 г., который предвосхитил дальнейшее территориальное расширение Литвы за счет ливонских земель¹⁰³. Границы, которые были демаркированы в 1426 и 1473 г., значительно продвинулись на север, особенно в районе Швентожи, Жагаре и Йонишкис. Границы Литвы на отрезке Йонишкис-Краслава изменились не слишком сильно, немного продвинувшись на север к современным Рокишкису, Пакруойису и Позволю. Согласно договору 1529 г., Литва уступала Ливонии только некоторые земли в районе Бауске. Непрерывающиеся стычки в пограничной зоне стали основой для совместной ревизии границ и заключения еще одного договора с Литвы с

⁹⁹ Sigismundus, Rex Polonie, Valtero de Platenberg, Magistro Cruciferorum in Livonia. 1517 // Acta Tomiciana. T. 4. № 83. S. 127.

¹⁰⁰ Responsum a Sigismundo, Rege, datum Nunciis Valteri, Magistri Cruciferorum in Livonia. 1517 // Acta Tomiciana. T. 4. № 137. S. 130.

¹⁰¹ Responsum a Sigismundo, Rege, datum Nunciis Valteri, Magistri Cruciferorum in Livonia. 1517 // Acta Tomiciana. T. 4. № 135. S. 128-129.

¹⁰² Petrus Tomiczki, Eps. Prem. Vicecancellarius, Fabiano, Epo. Varmiensi. 1517 // Acta Tomiciana. T. 4. № 144. S. 134.

¹⁰³ Kumetaitis Z. The Borders of Lithuania. The History of a Millenium. Vilnius, 2010. P. 18.

Ливонией, подписанного в Ракишкисе 26 января 1541 г.¹⁰⁴ Этот документ явно был составлен с учетом соглашений 1473 и 1529 г., и содержит подробное описание границы, включая точное местоположение пограничных знаков, количество которых существенно возросло по сравнению с прошлыми договорами. По этой причине далее будет предоставлено описание границы в краткой форме, с опорой в основном на географические ориентиры и крупные населенные пункты, часть из которых в той или иной форме сохранились и в наше время. Согласно новой демаркации границы протянулась по рубежу окрестностей Браслава до Даугавы, затем вдоль ее притока под названием Кабиле до озера Пересвит, оттуда до озера Плиус и вдоль реки Слон до одноименного озера, а затем к озерам Каменка, Кривое, Илгайтсы и Беланы, вдоль Белицы до границ округа Дрюкшиай. После этого граница следовала вдоль реки Ситно до озера Ричу, озера Ожеков в направлении озера Окменово до реки Стирна и озера Курчма. Далее граница пролегла в направлении озера Сусуотай затем вдоль реки Сусейи до Немунелиса, проходя через районы Рокишкис, Онушкис и Биржай. От устья Сусейи граница шла в направлении некоего Городища, находящегося севернее Бауске. Оттуда граница поворачивала в стороны реки Мызы и по прямой линии до реки Вирчувис и направлялась в сторону озера Карнавай, пролегая вдоль Алксны до другой реки под названием Оксарай и Венты. Затем граница пролегла через леса до Скутуласа, а затем Трумписа, направляясь в сторону реки Швентожи, следуя ей до самого моря¹⁰⁵.

Примечательно, что ход ревизии был нарушен выдвинутым литовцами требованием «свободного раздела имений наполовину», касающегося ливонских владений за рекой Лювидой, на что «господа комиссары из

¹⁰⁴ Vertrag von Rokiszki. 26. Januar, 1541 // Riksarkivet, Livonica I, vol. 41.

¹⁰⁵ Результаты демаркации были зафиксированы в документе за 1542 г., сохранившемся в Литовской Метрике: Дэмаркацыя 1542 г. // LM-560/3. С. 1-31. Ход демаркации и характеристику ситуации в порубежной зоне отразил в своей статье А. И. Филюшкин: Филюшкин А. И. Споры на меже. Ливонско-литовское пограничье в 1541-1542 годах (по документам Литовской метрики) // Известия Смоленского Государственного университета. Смоленск, 2015. № 3 (31). С. 258-266.

Ливонии говорили, что по многим и весомым причинам, которые здесь долго перечислять, это не вполне правильно»¹⁰⁶. Многодневный спор в конечном счете завершился тем, что ливонские комиссары заявили о нехватке полномочий и обратились к магистру, который постановил созвать «общее собрание» (вероятно, имеется в виду ландтаг), одновременно с этим обратившись к литовскому великому князю и «к нам, литовцам» (т. е. шляхте) с призывом отступить от указанных границ. В итоге грамота была все же подписана, однако без определения границ на спорном участке. Данный эпизод красноречиво иллюстрирует ситуацию, сложившуюся в середине XVI в. на ливонско-литовском порубежье. Ливонцы лицом к лицу столкнулись с неуклонной тенденцией Литвы к расширению на север, не имея при этом достаточно сил для сопротивления постепенной экспансии со стороны столь крупного государства. В итоге двумя единственно возможными вариантами оставалась напряженная дипломатическая и юридическая работа и неправомерный захват отдельных областей в частном порядке, практикуемый обеими сторонами.

В целом же, говоря о формировании литовско-ливонского рубежа, следует отметить, что граница XVI в. была максимально близка к границе линейного типа, характерного для эпохи Нового времени, поскольку обладала рядом отличительных признаков: весьма точным описанием местоположения, закрепленного юридически в договорной форме, специальной системой обозначений (валуны, выложенные крестом, засечки на деревьях, земляные насыпи), положение которых на местности было подробно зафиксировано, а также специально избранными людьми, задачей которых являлось обновление и ревизия пограничных знаков. В конечном счете граница, называемая «линией Радзивилла» окончательно закрепились в качестве относительно четкого, хотя и не бесспорного, разделительного рубежа и оставалась в этом качестве вплоть до потери Ливонией

¹⁰⁶ Vertrag von Rokiszki. 26. Januar, 1541 // Riksarkivet, Livonica I, vol. 41.

независимости.

Последующие уточнения границы не приносили ощутимой пользы в деле разрядки напряженности в приграничной зоне. Обе стороны не соблюдали договоренности, искажая границу или уничтожая пограничные знаки, а также осуществляя вооруженные нападения с целью грабежа и захвата, чему имеется множество документальных свидетельств как с литовской, так и ливонской стороны¹⁰⁷. Показательно, что уже через четыре года после ревизии границ 1541 г. Сигизмунд II Август в своем заявлении от 27 марта 1545 г. вновь сообщал о «раздорах, разрушении домов, убийствах и прочих злодействах» на ливонской границе¹⁰⁸. В соответствии с содержанием предыдущих договоров, он предложил ливонской стороне, вновь прибегнуть к посредничеству избранных комиссаров для уточнения «линии Радзивилла» по старым разметкам, но с учетом возможных незначительных изменений. Ситуация обострилась настолько, что потребовала вмешательства императора Священной Римской империи Фердинанда I (1556-1564). Император, будучи сюзереном Ордена, обратился к Сигизмунду Августу с письмом, в котором настойчиво просил его как можно скорее решить проблему на литовско-ливонском пограничье дипломатическими методами и

¹⁰⁷ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 4. Oktober, 1551 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1536. S. 1a-5b; Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 1. September, 1552 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1563. S. 2b-3a; Heinrich von Galen, Meister des Deutschen Ordens in Livland, an Erzbischof Wilhelm. 30. März, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1572. S. 1a-1b; Erzbischof Wilhelm an Heinrich von Galen, Meister des Deutschen Ordens in Livland. 9. April, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1573. S. 1a-1b; Christoph Sturtz, Kanzler Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht. 27. Juli, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1581. S. 1a-2a; Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 21. Januar, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1603. S. 2b-3b; Johann Wagner, Sekretär Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht. Mai/Juni, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1613. S. 1a-2a; Johann Wagner, Sekretär Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht. 26. Juli, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1629. S. 1a; Memorial Herzog Albrechts an König Sigismund II. August, überbracht durch Ahasver von Brandt. 14. Juli, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1683. S. 1a; Instruktion für den an König Sigismund II. August von Polen abgeordneten herzoglichen Gesandten Ahasver von Brandt. Juni, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1690. S. 1a-6b; Herzog Albrecht an König Christian III. von Dänemark. 27. August, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1891. S. 1b-5b; Offener Brief König Sigismunds II. August von Polen in Sachen des Friedens- und Bündnisvertrages mit dem Meister und den livländischen Ständen. 1557 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2070. S. 1a-2a; Albrecht von Perbandt, Hauptmann von Memel, an Herzog Albrecht. 9. September, 1557 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2087. S. 2a. В свою очередь, значительную часть книги № 560/3 Метрики Великого княжества Литовского составляют свидетельства пограничных «обид» литовских землевладельцев, причиненных ливонцами: Дэмаркация 1542 г. // LM-560/3. С. 1-61.

¹⁰⁸ Erklärung des polnischen Königs Sigismund II. August. 27. März, 1545 // Riksarkivet, Livonica I, vol. 41.

ни в коем случае не прибегать к насилию¹⁰⁹. Итогом этого стала новая ревизия границы в 1555 г., которая, однако, вновь не возымела должного эффекта, поскольку очередная демаркация никак не решала существовавших проблем.

Говоря о причинах, усугублявших сложную ситуацию на ливонско-литовском пограничье, следует выделить два основных фактора. Согласно мнению белорусского историка А. И. Дзярновича, главной причиной этого явилось обоюдное освоение прежде малонаселенных периферийных территорий¹¹⁰, что, как было показано, находит подтверждение в источниках. В ранних пограничных договорах в качестве ориентиров при размежевании в основном фигурируют лишь пустоши и глухие леса, но уже с конца XV в. все чаще упоминаются названия деревень и поместий, что свидетельствует о постепенном освоении доселе пустовавших окраинных территорий, которое продолжалось без особых проблем лишь до определенного момента. Этот процесс и связанное с этим повышение экономической значимости ранее малоценных приграничных земель приводили к обострению ситуации в приграничной зоне. В итоге, литовские и ливонские землевладельцы, поддерживаемые с одной стороны местными магнатами и Орденом, стремились расширить собственные владения, путем умышленного искажения конфигурации границы, а также произвольного захвата чужой собственности.

Обращает на себя внимание тот факт, что достаточно часто конфликты возникали на одном определенном отрезке границы, относящемся к Жемайтии. Потеря в 1422 г. жмудских земель стала серьезным ударом для Тевтонского и Ливонского орденов, утративших тем самым контроль над экономически значимым регионом с доступом к Балтийскому морю, но также оказавшись вновь отделенными друг от друга территорией

¹⁰⁹ Ferdinand I. bis Sigismund II. August. 3. Mai, 1555 // Riksarkivet, Livonica I, vol. 41.

¹¹⁰ Дзярновіч А. І. «...In nostra Livonia». Т. 1. С. 17.

подконтрольной потенциальному неприятелю. Постепенное территориальное расширение Великого княжества Литовского за счет земель, принадлежащих Ливонии, закрепилось в качестве тенденции. Претензию на обладание всеми ливонскими землями озвучивал еще великий литовский князь Александр Ягеллончик (1461-1506)¹¹¹, и вплоть до начала XVI в. каждый пограничный договор Ливонии и Литвы юридически фиксировал приращение тех или иных земель к владениям Великого княжества. Сложно сказать, являлся ли этот процесс результатом некоего глобального династического плана по расширению державы Ягеллонов или же просто чередой удачных территориальных приобретений. Но тем не менее, данная тенденция прослеживается весьма отчетливо, и есть основания предполагать, что именно этот фактор мог стать идейной основой для формирования плана включения в состав Великого княжества Литовского всей Ливонии как закономерного продолжения издревле существующего процесса. Кроме того, вполне понятно стремление раз и навсегда избавиться от постоянных конфликтов в пограничной зоне путем ликвидации «проблемного соседа» в виде Ордена раз и навсегда.

Подводя итоги настоящего раздела, следует отметить важное место, которое занимала в отношениях Великого княжества Литовского и Ливонии проблема границ. Её обострение в XV-первой половине XVI в., по всей видимости, стимулировалось активным хозяйственным освоением приграничной полосы, в которой литовская сторона явно лидировала. Результатом того стало продвижение границы на север и оформление так называемой «линии Радзивилла», однако ливонцы, и в первую очередь Ливонский орден, не желали уступать свои земли и расценивали действия подданных великого князя Литовского как произвол. Все более интенсивные пограничные инциденты составили еще одну актуальную проблему в отношениях между Литвой и Ливонией. Польско-литовские государи

¹¹¹ Fennell J. L. Ivan the Great of Moscow. London, 1961. S. 149.

передоверяли эту функцию представителям литовской знати, выступавшей в качестве их полномочных представителей. Однако с начала правления Сигизмунда I и его сына, Сигизмунда II Августа, польско-литовские государи проявляли все больше активности в урегулировании взаимоотношений с Ливонией, поскольку это позволяло им усилить влияние на литовскую шляхту и панство, а также предоставляло базу для последующего расширения пределов собственных владений за счет территории Ливонии. Эффективность политики в отношении пограничных проблем была прямо взаимосвязана с успешностью их деятельности в качестве гарантов безопасности и справедливости для подданных. Между тем традиционный метод, связанный с деятельностью совместной комиссии, не приносил значимого эффекта, как это демонстрирует ситуация, сложившаяся в середине XVI в. Предотвращение постоянных локальных конфликтов на границе требовало от польско-литовских государей дополнительных усилий, и наиболее удобным способом решения этой проблемы было утверждение своего контроля над Ливонией посредством вмешательства в ход её внутренней политической жизни.

§2. Исторические корни протекторства.

При исследовании сущности политической стратегии Ягеллонов в отношении Ливонии следует иметь в виду, что Ливония не являлась единым государством, а представляла собой, что типично для Средневековья, совокупность сеньориальных владений. Отдельные ливонские государи образовывали Ливонскую конфедерацию, которая в качестве объединяющего органа имела ландтаг¹¹². Её субъектами являлись государство Ливонского ордена (59% всей территории Ливонии), архиепископство Рижское, епископства Дерптское и Эзельское¹¹³. С момента появления в ливонских землях, Орден, подобно Немецкому ордену в Пруссии, пытался подчинить своему влиянию епископов и потому вёл непримиримую борьбу с епископатом за политическую гегемонию¹¹⁴, которая велась с переменным успехом вплоть до утраты Ливонией независимости, став одной из самых главных причин краха Ливонской конфедерации¹¹⁵.

Уже в XIII в. борьба между Орденом и епископами достигла большой напряженности, что приводило к вооруженным столкновениям, а также вмешательству в ливонские дела соседних государств¹¹⁶. Вместе с тем, надо иметь в виду, что ливонское орденское государство и епархии с момента своего образования имели статус «крестоносного государства», возникшего

¹¹² Angermann N. Livland im ausgehenden Mittelalter // Wolter von Plettenberg, der größte Ordensmeister Livlands. Lüneburg, 1985. S. 9-21; Kostrzak J. Ständeprobleme in Altlivland im 15. Jahrhundert // Anfänge der ständischen Vertretungen in Preussen und seinen Nachbarländern. München, 1992. S. 152; Misāns I. Wolter von Plettenberg und der livländische Landtag // Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland. Lüneburg, 2001. S. 55; Бебер Д. И. Организация сословно-представительных собраний в Ливонии. С. 118-131.

¹¹³ Дзярновіч А. І. «...In nostra Livonia». Т. 1. С. 9-21.

¹¹⁴ Kłodziński A. Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem 1556-7. S. 362-364; Neitmann K. Um die Einheit Livlands. Der Griff des Ordensmeisters Berndt von der Borch nach dem Erzstift Riga um 1480 // Deutsche im Nordosten Europas. Köln-Wien, 1991. S. 109-137; Jähnig B. Der Kampf des Deutschen Ordens um die Schutzherrschaft über die livländischen Bistümer // Ordines militares – Coloquia Torunensia historia. Ritterorden und Kirche im Mittelalter. Toruń, 1997. № 9. S. 97-111; Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. С. 60-65.

¹¹⁵ Angermann N. Am Vorabend des Livländischen Krieges Die Positionen der politischen Hauptkräfte Livlands gegenüber Russland // Балтийский вопрос в конце XV-XVI вв. : сборник научных статей. М, 2010. С. 32-39.

¹¹⁶ Так, например, в 1320 г. великий литовский князь Гедимин заключил с Ригой оборонительный союз против Ордена: Hellmann M. Die Erzbischöfe von Riga und Litauen vom 13. bis zum 15. Jahrhundert // Baltikum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury 12-18 wieku. Toruń, 1992. S. 128.

благодаря папским и императорским привилегиям¹¹⁷. По этой причине ливонские ландсгерры находились под покровительством двух самых высокопоставленных государей католической Европы. При этом архиепископы Риги, епископы Дерпта и Эзеля, с XIII в. являлись имперскими князьями, и в этом превосходили Ливонский орден, магистр которого получил титул прирожденного князя только в 1530 г.¹¹⁸

Многочисленные жалобы ливонских епископов во главе с архиепископом Риги на козни Ордена, адресованные папе и императору, в конце концов, принесли результат. 23 апреля 1366 г. была издана привилегия императора Священной Римской империи Карла IV, в которой подтверждался акт о пожаловании привилегии Рижскому архиепископу императором Генрихом VI (1191-1197). Согласно этому акту, содержание которого воспроизводится в привилегии 1366 г., по просьбе Рижского архиепископа Альберта I ему в виде марки были пожалованы Ливония, Леттия, Леал и острова вместе с о. Сааремаа. Вместе с тем ему были дарованы прерогативы имперского князя, чтобы управлять этими землями в соответствии со всеми уже имеющимися правами, привилегиями, иммунитетами, пожалованиями, конфирмациями, милостями, грамотами и т. д., среди которых чеканка собственной монеты, власть над городом Рига, право основания городов в любых удобных для этого местах, право на владение всеми ресурсами на подвластных территориях, а также право инфеодации, при условии, что земли архиепископа будут частью Империи и он будет всячески способствовать крещению местного населения¹¹⁹.

Из-за географической удаленности Священной Римской империи от

¹¹⁷ Hellmann M. Der Deutsche Orden in Livland // Die Rolle der Ritterorden in der mittelalterlichen Kultur. Toruń, 1985. S. 105-116; Selart A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden, Boston, 2015. S. 55-58.

¹¹⁸ Jähnig B. Der Deutsche Orden und die livländischen Bischöfen. S. 47-63; Вебер Д. И. Магистры Немецкого ордена в Ливонии в 1525-1561 годах. С. 113.

¹¹⁹ Carolus IV, Imperator confirmat Privilegia Archiepiscopatus Rigensis, eiusque defensionem, Daniae, Sveciae, Norvegiae, ac Poloniae Regibus, nec non Stetinensi, & Magnopolensi Ducibus committit, cum potestate procedendi, compescendi, & compellendi vice, & auctoritate Caesarea. 23. April, 1366 // CDPL. T. 5. № 55. S. 75-78.

ливонских земель и «сильной занятости императора» по желанию Рижского архиепископа Фромхольда Фюнфгаузена (1348-1369) в целях поддержания достоинства церкви и служителей его епархии были назначены хранители (*conservatores*) и исполнители (*executores*), а именно государи Дании, Швеции, Норвегии и Польши, герцоги Штеттинские и другие. Следует отметить, что в ранних документах обозначение носителя этого права не имело строго определенного термина, варьируясь в нескольких тождественных значениях – *conservator*, *protector*, *Beschützer*, *Schutzherr*, *Bewahrer*, получив свое унифицированное обозначение (*protector*) лишь к XVI в. Тем не менее, смысловое содержание этих понятий, закрепленное в императорских и папских актах, не оставляет сомнения в их тождественности. Эти государи и их законные преемники должны были содействовать соблюдению и сохранению привилегий епархии, осуществляя надзор от имени императора. Важно отметить, что право покровительства было пожаловано указанным государям, а не конкретным личностям, и являлось наследственным. Оно предполагало, как значится в вышеназванном документе, противодействие мятежам, охрану земель, движимого и недвижимого имущества Рижского архиепископа в городе и иных местах от посягательства сторонних лиц, а также «именем нашего величества наказывать [виновных] в соответствии с содеянным; и в соответствии с авторитетом нашего величества оказывать [архиепископству] любую помощь, какая бы не потребовалась»¹²⁰. В тексте особо оговорено, что властная функция покровителей сохраняла силу даже в период отсутствия Рижского архиепископа. Данная привилегия, аналогичная изначальному пожалованию Генриха VI, предполагала постоянное переутверждение и обновление, поэтому общая формула этих актов сохранилась и в более

¹²⁰ Carolus IV, Imperator confirmat Privilegia Archiepiscopatus Rigensis, eiusque defensionem, Daniae, Sveciae, Norvegiae, ac Poloniae Regibus, nec non Stetinensi, & Magnopolensi Ducibus committit, cum potestate procedendi, compescendi, & compellendi vice, & auctoritate Caesarea. 23. April, 1366 // CDPL. T. 5. № 55. S. 75-78. Перевод – Д. А. Бессуднов.

поздних жалованных грамотах, которые будут рассмотрены далее. В качестве причины назначения протекторов Рижской епархии названа необходимость защиты диоцеза, поскольку сам император не имел возможности надлежащим образом гарантировать права архиепископа. Принадлежащая императорам функция защитника Ливонии, которой они располагали со времен крестовых походов, передавалась таким образом католическим государям, дружественным Риге, к числу которых относился и король Польский. По мнению Ф. Конечного, обретение прав протектора Рижского архиепископства было на тот момент одной из наиболее желанных целей польского короля Казимира III Великого (1333-1370)¹²¹. Польский историк полагал, что статус протектора-консерватора был необходим королю для того, чтобы вывести Хелмнское епископство в Польше из-под контроля Рижских архиепископов и тем самым усилить там свое влияние. К тому же король получал законный повод вмешиваться в распри духовенства и враждебного ему Ордена в Ливонии, и тем самым извлечь выгоду в отношениях с обеими противоборствующими сторонами. Таким образом с минимальными затратами со стороны папы и императора Рижскому архиепископу была обеспечена защита его прав и привилегий от нападков Ордена.

Пожалование 1366 г. было подтверждено Вацлавом IV (1361-1419) в 1395 г.¹²². Общее содержание привилегии осталось прежним, но круг консерваторов епархии был заметно расширен за счет архиепископов Трирского, Майнского, Кёльнского и Магдебургского. Также право протекторства над рижским диоцезом переходило городским советам Риги, Любека, Дерпта и других городов. Примечательно, что в этом документе

¹²¹ Koneczny F. Kazimierz Wielki protektorem kościoła ryskiego // Pamiętnik słuchaczy Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków, 1887. S. 554-569.

¹²² Текст приводится в тразумптах более позднего времени: *Transumptum Literarum Venceslai Romanorum Regis, quibus Privilegia ab Antecessoribus suis Ecclesiae Metropolitanae Rigensi concessa innovata, & confirmata, eiusque tuitionem Daciae, Sveciae, Norvegiae, Poloniae Regibus & commendata. 1519* // CDPL. T. 5. № 99. S. 175-178; *Transumptum Literarum Caroli IV. Imperatoris, quibus cassationem Statutorum, in praedictum Personarum Ecclesiasticarum a quibusdam Magistratibus latorum. 1519* // CDPL. T. 5. № 100. S. 178-182.

прямо указано, что консерватор имеет полное право выступить против Ордена в случае, если тот ущемляет права архиепископа Рижского, что еще раз свидетельствует о целевой направленности данного правового акта. Заметим также, что в указанном документе в числе покровителей впервые назван великий князь Литовский. Обладая обширной и традиционной системой связей с ливонской знатью, Великое княжество Литовское играло весьма активную роль в противоборстве церкви и Ордена в Ливонии. Великие литовские князья, будучи заинтересованными в усилении своего влияния в Ливонии и особенно в Риге, традиционно поддерживали Рижского архиепископа, Орден же рассматривался как потенциальная угроза, которую надлежало ослабить, а в идеале – устранить.

В духе обозначившейся тенденции, Вселенский собор в Констанце 1416 г. признал великого Литовского князя Витовта протектором Дерптской епархии и наделил его функциями, аналогичными тем, что были названы в привилегии 1366 г.¹²³ 30 января 1427 г. по просьбе Рижского архиепископа Хеннинга Шарпенберга (1424-1448) и его капитула римским папой Мартином V (1368-1431) была выпущена булла, в которой Витовт провозглашался протектором также и Рижской епархии¹²⁴, обязанности которого соответствовали содержанию вышеуказанных императорских пожалований: протектор был обязан защищать католическую церковь, её права, свободы и имущество от посягательств неверных и мятежников, но теперь он осуществлял свою власть от имени апостольского престола, а не императора. В булле Мартина V открыто говорится о литовских интересах в Ливонии, где Витовт «обладает властью в землях» и потому лично заинтересован в сохранении свобод и прав Рижского архиепископа. Уже

¹²³ Der Ordens-Procurator zu Rom schlägt dem O. M. zu Livland zwei Wege... 1. Mai, 1416 // Index corporis. Bd. 1. № 733. S. 176; Der Ordens-Procurator versichert den H. M... 20. März, 1418 // Index corporis. Bd. 1. № 853. S. 197-198; P. Martin V. verlangt vom O. M. in Livland... 7. März, 1420 // Index corporis. Bd. 1. № 932. S. 212; P. Martin V. fordert den Grossherzog Witaut... 30. December, 1420 // Index corporis. Bd. 1. № 971. S. 220.

¹²⁴ Bulla Marcina V., mocą której poleca ks. L. Witoldowi wziąć kapitułę i kościół Rygański w protekcyą I obronę przeciwko napadom niewiernych, jakoteż przeciwko tym, którzy rzeczoną archidyecezyą z praw jej wyzuwają. 30 stycznia 1427 // Codex epistolaris Vitoldi. № 1266. S. 755-756.

через три года, в 1430 г. Витовт не преминул воспользоваться полученным правом, вмешавшись в конфликт Рижского архиепископа и ливонского магистра из-за о. Эзель (Сааремаа). В письме, направленном к немецкому королю Сигизмунду I Люксембургскому (1368-1437), Витовт обвинил Ливонский орден в вооруженном нападении магистра на земли Эзельского епископства, заявил о нарушении своих прав и потребовал судебного разбирательства, апеллируя к своему праву покровительства над Рижским, Ревельским и Эзельским диоцезами, что впоследствии привело к войне Ливонского ордена с Литвой и его поражению¹²⁵.

В 1435 г. права литовского князя и польского короля как протекторов Риги были подтверждены постановлением Базельского собора, согласно которому польско-литовский государь был обязан защищать права и свободы рижского диоцеза, а также «сохранять эти земли под своим могуществом» с благословения пап и разрешения императоров¹²⁶. Привилегия утверждалась двумя отдельными документами, предназначенными для великого Литовского князя¹²⁷ и для польского короля¹²⁸. Оба документа идентичны по своему содержанию и в целом повторяют общий смысл уже рассмотренных документов. Деятельность протектора по-прежнему была направлена в основном на защиту имущества и привилегий архиепископа, хотя Базельский собор расширил эту функцию, дополнив её обязанностью защищать не только светские, но и духовные прерогативы архиепископства. Подобное дополнение было весьма существенным, поскольку с момента вступления Базельских постановлений в силу польско-литовский государь получал в

¹²⁵ [Redewicz] poseł zakonu przy dworze kr. Zygmunta donosi w. mistrzowi, iż Witold kazał posłowi swemu Bartłomiejowi oskarżyć cały zakon a szczególnie Inflancki w sprawie biskupów tamecznych przed królem Rzymskim. 14 maja 1430 // Codex epistolaris Vitoldi. № 1412. S. 901-903.

¹²⁶ Literae Concilii Basiliensis, quibus Ecclesiam Rigensem protectioni Regis Poloniae commendat. 29. März, 1435 // CDPL. T. 5. № 79. S. 134. Перевод – Д. А. Бессуднов.

¹²⁷ Das Concil von Basel an den GF. Sigmund von Litauen. 25. März, 1435 // LECUB. Bd. 8. № 913. S. 546; Пташицкий С. Л. Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887. С. 148.

¹²⁸ Literae Concilii Basiliensis, quibus Ecclesiam Rigensem protectioni Regis Poloniae commendat. 29. März, 1435 // CDPL. T. 5. № 79. S. 134; Idem eandem Eccl. Protectioni Ducis Lithuaniae recomendat. 29. März, 1435 // Schirren C. Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen. № 156. S. 225; Das Concil von Basel an den Kg. von Polen. 29. März, 1435 // LECUB. Bd. 8. № 912. S. 545-546.

свое распоряжение действенный инструмент воздействия на положение дел внутри Рижского диоцеза. В частности, приобретение полномочий в сфере церковного права давало протектору возможность манипулировать кадровыми назначениями (например, назначением коадьюторов), дискредитируя неугодного кандидата, якобы нарушающего его права или продвигая нужную ему персону. Также примечательно то, что в постановлениях Базельского собора статус протектора оговаривался не для некой группы государей, а конкретно для правителей Польши и Литвы, что, очевидно, было обусловлено весьма активным участием Польско-Литовского государства во внутренних делах Ливонии. Вероятно, именно конкретика данной в акте формулировки обусловила тот факт, что в 1519 г. постановления Базельского собора были востребованы литовской стороной, скопированы и занесены в состав 525-й книги публичных дел Литовской Метрики как документ, посвященный теме протекторства и правовых основ статуса Великого княжества Литовского в отношении Рижского епископства¹²⁹.

Участие Польши-Литвы в ливонских делах отразилось и в тексте привилегии, обновленной императором Священной Римской империи Фридрихом III (1452-1493) в акте от 1481 г., где король польский и великий князь Литовский были обозначены первыми среди других протекторов Рижской епархии¹³⁰. Похожий порядок соблюдался и при последующих обращениях к данному правовому концепту, хотя при этом смысловое наполнение понятия «протектор» стало дополняться уточнениями. Источником полномочий протектора изначально выступали и императоры, и папы, по мере обострения противоречий между ними со стороны Священной

¹²⁹ Iłariene I. Kilka Zrodol dotyczacych protektoratu Wielkiego Księstwa Litewskiego nad arcybiskupstwem Ryskim // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 235-236.

¹³⁰ Kaiser Friedrich III. bestellt die Konige Casimir von Polen, Christiern von Danemark u. Schweden, den Grossfürsten zu Litauen und sonst alle seine (des Kaisers) u. des Heiligen Reichs Fürsten... 20. April, 1481 // Schirren C. Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen. № 151. S. 17.

Римской империи была произведена попытка кардинально изменить объект протекторства. В связи со смертью Рижского архиепископа Сильвестра Стодевешера (1448-1479) магистр ордена Бернд фон дер Борх (1471-1483) решил выдвинуть кандидатом на замещение должности архиепископа своего кузена Симона фон дер Борха, которого поддержал рижский капитул, что, однако, вызвало серьезный протест в Риме, а также в среде ливонских вассалов, стремившихся сохранять баланс сил между Орденом и архиепископом¹³¹. В итоге папа Сикст IV (1471-1484) в 1482 г. отлучил магистра от церкви и назначил единственным государем Риги южноитальянского епископа Стефана Грубе (1480-1483), которого, несмотря на его откровенно сомнительную репутацию, поддержали бюргеры Риги и ливонская знать. В ответ на это Орден направил к императорскому двору комтура Голдингена Герда фон Маллинкродта, которому удалось заручиться помощью Фридриха III (1452-1493) в разрешении этого дела. Император потребовал от Риги немедленно подчиниться магистру и признать его власть на все времена, угрожая в противном случае лишить их всех пожалованных императорами привилегий, а 20 апреля 1481 г. Фридрих III выступил с обращением к польскому королю и великому князю Литовскому Казимиру Ягеллончику, шведскому и датскому королю Кристиану I (1448-1481), князьям Империи и другим лицам, которые когда-либо были названы опекунами, защитниками и поручителями Рижского архиепископства. В этом обращении он потребовал поддержать провозглашение ливонского магистра Бернда фон дер Борха единственным государем Риги, а также призвал протекторов, как доверенных лиц императора, поддержать и при необходимости защитить магистра¹³². Таким образом, внутрививонский конфликт стал не только площадкой для борьбы за гегемонию между

¹³¹ Seraphim E. Geschichte von Livland. Bd. 1. Gotha, 1906. S. 154; Jähnig B. Der Kampf des Deutschen Ordens um die Schutzherrschaft. S. 97-111.

¹³² Kaiser Friedrich III. bestellt die Könige Casimir von Polen... 20. April, 1481 // Schirren C. Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen. № 151. S. 17.

магистрами Ордена и Рижскими архиепископами, но также еще одним поводом для конфронтации императоров и папства. Фридрих III, вопреки изначальной функции протекторов, предполагавшей защиту жизни, прав и имущества Рижского архиепископа, привлек их к упомянутому делу также для обеспечения прав магистра, а также его защиты. Однако традиционно поддерживавшая архиепископа Литва, равно как и другие протекторы и сами жители Риги, проигнорировали обращение Империи. Противоборство нового архиепископа Стефана Грубе и ливонского магистра в конечном счете вылилось в очередной виток кровопролитных внутренних войн.

Финальным актом юридического оформления статуса рижских протекторов стал указ от 12 января 1521 г., которым император Священной Римской империи Карл V вновь обновил старую привилегию о протекторстве. Согласно этому документу, поддержание и сохранение Рижского архиепископства, а также Дерптского, Эзельского, Курляндского и Ревельского епископств возлагалось на короля Дании, маркграфа Бранденбургского, герцога Мекленбургского, великого князя Литовского, великого магистра в Пруссии, магистра Ливонского ордена и магистраты ганзейских городов и в особенности Любек¹³³. По причине невозможности императора лично реализовывать эту свою функцию, упомянутые государи назначались покровителями и защитниками указанных земель, и обязались от лица императора осуществлять защиту и сохранение свобод и привилегий церкви в Ливонии и её самой, а также, с позволения императора, противодействовать тем, кто подрывает благополучие епископств в Ливонии. Протектор, согласно этому документу, являлся носителем императорской прерогативы, но только в отношении своего «подопечного» и его оппонентов. Интересно также, что в формуле привилегии упомянут только великий Литовский князь, а польский король отсутствует. Вероятной

¹³³ Kaiser Karl V. verordnet den König Christian II. Von Dännemark, den Markgrafen Joachim von Brandenburg, die Herzoge von Meklenburg, den Grossherzog von Litthauen, den H. M. von Preussen... 12. Januar, 1521 // MLA. T. 5. № 1. S. 127-129.

причиной тому являются напряженные отношения императора с Коронай Польской по причине невозобновления Венского договора 1515 г. и продолжения военных действий Польши с Тевтонским орденом в Пруссии, который считался вассалом римского императора. Кроме того, Польша активно уклонялась от участия в кампаниях Священной Римской империи против османов¹³⁴. Выведение на первый план литовского князя в качестве ливонского протектора было, вероятно, лишь выражением позиции императора по отношению к Польше. Сама по себе привилегия никак не влияла на статус польского короля, во-первых, поскольку тот являлся одновременно и великим князем Литовским и, во-вторых, текст привилегии не отменял более ранних документов, и польский король по-прежнему обладал правом протекторства, дарованным ему статутом 1366 г. Но в то же время, указание в качестве протектора только Литовского князя подкрепляло усилившуюся в XVI в. тенденцию Литвы к обретению собственной независимости от Короны Польской. Подобный жест императора был хорошим знаком для литовских магнатов, которые с момента рождения Сигизмунда II Августа в 1520 г. вынашивали идею об избрании его в качестве своего суверенного князя, который не являлся бы одновременно польским королём¹³⁵. Важно отметить, что возобновление прав великого князя Литовского как протектора в 1521 г. не было разовой декларацией, и в XVI в. фиксируется значительный рост интереса к концепту протекторства в высших кругах Литвы¹³⁶.

В итоге привлечение великого Литовского князя к разрешению конфликтов Рижских архиепископов с Ливонским орденом обрело свое окончательное правовое оформление, сложившись в рамках концепта

¹³⁴ Deggeller G. Karl V und Polen-Litauen. Ein Beitrag zur Frage der Ostpolitik des späten Kaisertums. Würzburg, 1939. S. 10-11.

¹³⁵ Gudavičius E. Lietuvos europėjimo kelias: istorinės studijos. Vilnius, 2002. S. 271-272.

¹³⁶ Pariene I. Kilka Zrodol dotyczacych protektoratu Wielkiego Księstwa Litewskiego nad arcybiskupstwem Ryskim // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 235-236.

протекторства. И хотя статус протектора предоставлял великому Литовскому князю и польскому королю инструмент воздействия на положение дел в «подопечных» землях, документальные и нарративные источники не свидетельствуют об активном его применении вплоть до XVI в. Согласно точке зрения М. Бискупа, с момента заключения второго Торуньского мира в 1466 г. вся Ливония воспринималась как сфера влияния исключительно Литвы, где в обязательном порядке надлежало установить протекцию великого князя¹³⁷. Однако за период до XVI в. сохранилось всего несколько упоминаний обращений литовских государей к этому правовому концепту из чего можно сделать вывод, что указанные намерения, если таковые действительно имели место, не занимали первых позиций в их политической стратегии.

Характерно, что аналогичные заявления со стороны польского короля относительно прав протекторства над Ливонией вплоть до XVI в. вовсе отсутствуют, что вызвано, судя по всему, крайне малой заинтересованностью в её политической жизни. Более-менее систематическое обращение к концепту протекторства и его постепенная активизация становится заметна с началом Реформации. Новое религиозное учение, распространившееся в германских землях, в 20-е годы XVI в. укоренилось и в Ливонии, особенно в городской среде. Последовавший раскол общества обнажил большое количество противоречий, ставших причиной дальнейших политических и социальных потрясений, раздробивших и без того не слишком прочное объединение ливонских земель. Рижская епархия в целом весьма показательна как пример широкого спектра внутренних конфликтов, раздиравших Ливонию с приходом Реформации. Внутри епархии имело место жесткое противостояние архиепископа и жителей города – для рижан, большую часть которых составляли протестанты, архиепископ являлся

¹³⁷ Biskup M. Livland als politischer Faktor im Ostseeraum zur Zeit der Kalmarer Union (1397-1521) // Der Deutsche Orden in der Zeit der Kalmarer Union 1397-1521. Bd. 10. Toruń, 1999. S. 130.

представителем папской власти и главным оплотом католицизма в регионе. Под знаменами борьбы с католическим духовенством и создания «единой Ливонии» против архиепископа Риги выступали в том числе и другие субъекты Ливонской конфедерации, которые стремились усилить свои позиции в непрекращающейся борьбе за гегемонию¹³⁸.

Наиболее последовательно против нового учения выступил Рижский архиепископ Иоганн VII Бланкенфельд (1524-1527), который открыто противопоставил себя населению Риги. Этим не преминул воспользоваться ливонский магистр Вольтер фон Плеттенберг (1494-1535). Поддержав горожан-протестантов, он тем самым обрел серьезного союзника в борьбе против архиепископа¹³⁹. В 1524 г. город добровольно перешел под единоличное управление магистра, а католические храмы подконтрольные архиепископу первыми подверглись разгрому. Понимая, что сила не на его стороне, Бланкенфельд надеялся обрести помощь у государя Польши и Литвы Сигизмунда I (1467-1548)¹⁴⁰. Будучи убежденным католиком, Сигизмунд относился к Реформации крайне негативно и его тревожило распространение лютеранства в Риге¹⁴¹, которая всегда находилась в фокусе его пристального внимания. С началом Реформации сложилась опасная ситуация, когда в ходе событий 1520-х годов серьезно пострадали позиции его потенциального сторонника и возникла угроза того, что новое учение через литовских купцов проникнет на территорию Польско-Литовского

¹³⁸ Классическим трудом по истории ливонской Реформации, освещающим все стороны конфессионального раскола, является работа Л. Арбузова: Arbusow L. Die Einführung der Reformation. 498 S. О развитии Реформации в Ливонии см. также: Karge P. Die Reformation und Gottesdienstordnung des Markgrafen-Erzbischofs Wilhelm von Riga vom März 1546 // Mitteilungen aus der Livländischen Geschichte. Riga, 1924. № 22. S. 120-161; Kühles J. Die Reformation in Livland - religiöse, politische und ökonomische Wirkungen. Hamburg, 2007. S. 35-42; Lange T. Zwischen Reformation und Untergang Alt-Livlands. 786 S.

¹³⁹ Селарт А. Иоганн Бланкенфельд и Мисюрь Мунехин. К истории ливонско-русских отношения в 1520-е гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб., 2011. № 1 (9). С. 157-165; Selart A. Johann Blankenfeld und Russland // Die baltischen Länder und Europa in der Frühen Neuzeit. Köln, 2015. S. 105–129.

¹⁴⁰ Instructio Legationis Nomine Sigismundi I. Regis Poloniae in Consilio eius secreto as Archiepiscopum Rigensem data. 1526 // CDPL. T. 5. № 104. S. 186; Sigismundi I. Regis Poloniae causam Rigensis Archiepiscopi agentis ad Valterum Magistrum Ordinis Literae. 1526 // CDPL. T. 5. № 105. S. 187; Instructio Legationis ad Valterum Magistrum, & omnes Status Livoniae Nomine Sigismundi I. Regis in consilio Eius secreto data. 1526 // CDPL. T. 5. № 106, S. 187-188.

¹⁴¹ Kłodziński A. Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem 1556-7. S. 360-361.

государства. В этой обстановке Сигизмунд впервые всерьез обратился к своему праву протекторства над Рижским архиепископством для оказания политического давления на Ригу, являвшуюся эпицентром распространения лютеранства в Ливонии и лояльно настроенный Орден. В своем ответе архиепископу король выразил обеспокоенность положением дел в Риге, поскольку диоцез, находящийся под его опекой и покровительством, оказался в распоряжении еретиков¹⁴². При этом он заявил, что не может использовать военную силу, поскольку тем самым он поставит под удар благополучие собственного народа, но в состоянии оказать дипломатическую помощь посредством писем и посольства к магистру¹⁴³.

В инструкции послам Сигизмунда, направленным в Ливонию для участия в заседаниях Вольмарского ландтага, польско-литовский государь указывал, что распространение Реформации в Германии является серьёзной угрозой для всего христианства и непосредственно касается как Великого княжества Литовского, так и Ливонии¹⁴⁴. Поскольку Сигизмунд I полагал поправными права Рижского архиепископа и епископа Дерпта, находившихся под его защитой и покровительством, он потребовал от ландтага возместить вышеуказанным прелатам причиненный ущерб. Кроме того, король отчетливо дал понять, что не потерпит ущемления прав Рижского архиепископа в будущем, в связи с чем он потребовал от магистра обеспечить главе ливонской церкви необходимую поддержку, чтобы склонить население Риги к признанию его власти. Ссылаясь на древность своих протекторских прав, Сигизмунд также указал магистру всеми силами препятствовать распространению лютеранского учения, предложив в том свою поддержку и пригрозив в противном случае использовать «иные

¹⁴² *Instructio Legationis Nomine Sigismundi I. Regis Poloniae in Consilio eius secreto as Archiepiscopum Rigensem data. 1526 // CDPL. T. 5. № 104. S. 186.*

¹⁴³ *Sigismundi I. Regis Poloniae causam Rigensis Archiepiscopi agentis ad Valterum Magistrum Ordinis Literae. 1526 // CDPL. T. 5. № 105. S. 186-187.*

¹⁴⁴ *Sigismundus, Rex Poloniae, Waltero, Magistro Livonie. 1526 // Acta Tomiciana. T. 8. № 36. S. 53-54; Legatio a Sigismundo, Rege, ad Joannem, Epum. Rigensem, in consilio suo secreto agenda. 1526 // Acta Tomiciana. T. 8. № 37. S. 54-55.*

методы», необходимые для обеспечения благополучия его подопечных. Впрочем, всего этого оказалось недостаточно чтобы остановить распространение Реформации в Ливонии, но архиепископ Бланкенфельд, покинувший страну чтобы обратиться к суду императора, высоко оценил поддержку, оказанную польско-литовским государем и продолжил переписку с Сигизмундом I, а также с епископом познанским и краковским Петром Томицим, при случае оказывая им помощь в Риме¹⁴⁵.

Этот исторический эпизод примечателен в первую очередь тем, что содержит прецедент вмешательства польско-литовского государя во внутреннюю политику Ливонии с использованием старинного концепта протекторства, который до того момента не был слишком активно задействован. Очевидно, что попытка короля устранить вековой внутриливонский конфликт, радикализированный распространением Реформации, вряд ли могла увенчаться успехом, однако она принесла другие, не столь очевидные, но при том не менее значимые результаты. Обращение польского короля к положению о его протекторстве в отношении Рижской епархии не было оспорено Вольмарским ландтагом, давшим молчаливое согласие на позиционирование его в этом качестве в полном соответствии с императорскими и папскими пожалованиями. Кроме того, выступление представителей польско-литовского государя способствовало его большему сближению с Рижским архиепископом, который в условиях Реформации как никогда нуждался в поддержке и был готов принять её откуда угодно, в том числе и от главного врага Польско-Литовского государства, России¹⁴⁶. В виду этого можно допустить, что оказание поддержки Бланкенфельду Сигизмундом II Августом на Вольмарском ландтаге имело целью пресечение наметившегося сближения Рижского архиепископа с Москвой. Так или

¹⁴⁵ *Responsum nomine Sacrae Regiae Maiestatis datum Reverendissimo Domino Archiepiscopo Rigensi. & September, 1526 // CDPL. Т. 5. № 103. S. 185-186; Petrus Tomicius, epus. Crac., vicecancellarius, archiepiscopo Rigensi. 1527 // Acta Tomiciana. Т. 9. № 116. S. 119-120.*

¹⁴⁶ Селарт А. Иоганн Бланкенфельд и Мисюръ Мунехин. С. 157-165.

иначе, но с того момента Рижские архиепископы начинают в открытую ориентироваться на Вильно и Краков, оказывая польско-литовским государям всестороннюю помощь и координируя с ними свои действия.

Внешне- и внутреннеполитическое положение Польско-Литовского государства, сложившееся в последующие годы, способствовало существенному усилению политико-правового потенциала протекторства, что в конечном итоге позволило польскому королю в разрешении ливонских проблем перейти из разряда сторонних арбитров в ряды активных фигурантов. Надо, однако, учитывать еще и то обстоятельство, что польские стратегические расчеты, нацеленные на укрепление позиций польской Короны в Ливонии, а в перспективе и на ее инкорпорацию в состав коронных владений, формировались под воздействием более раннего опыта, связанного с поглощением Польшей государства Тевтонского ордена в Пруссии, который явился стартовым механизмом той цепочки событий, что в конечном итоге привели Ливонию к утрате независимости.

§3. Ливонский вопрос в политике польско-литовских государей в первой половине XVI в.: предпосылки и мотивирующие факторы.

Как было показано, Польско-Литовское государство было связано с Ливонией долгой историей взаимоотношений. Однако до XVI в. вмешательство польских королей и великих князей литовских во внутренние дела Ливонии не принимало таких масштабов, какие оно получило с приходом к власти Сигизмунда I и его сына, Сигизмунда II Августа. В этой связи необходимо выяснить чем именно была вызвана особая активность польско-литовских государей в отношении Ливонской конфедерации в этот период.

Получив возможность участвовать в балтийской торговле благодаря присоединению Западной Пруссии и установлению вассальной зависимости Пруссии Восточной, Королевство Польское обрело широкий канал сбыта для своей сырьевой продукции, чего, однако нельзя сказать в отношении Великого княжества Литовского, в распоряжении который имелся лишь узкий проход к Балтийскому морю через Жемайтию. В то же время в непосредственной близости от северной литовской границы располагались важнейшие торговые артерии и богатые портовые города Ливонии, в первую очередь, ганзейская Рига, которая всегда была объектом повышенного коммерческого интереса Польско-Литовского государства. Контроль над Ригой не только обеспечивал доступ к ганзейскому рынку, но также позволял получать огромные прибыли за счет транзитной торговли в бассейне Даугавы¹⁴⁷. Связь литовских городов с Ригой была невероятно сильной, что не раз подтверждалось изысканиями историков¹⁴⁸. Рост зернового

¹⁴⁷ Heyde J. Die Livlandpolitik der polnisch-litauischen Adelsrepublik. S. 335.

¹⁴⁸ Karwowski S. Weielenie Inflant do Litwy i Polski. S. 92; Jasnowski J. Mikołaj Czarny Radziwill. S. 131; Küttler W. Das Verhältnis der Stadt Riga zu Polen-Litauen in der Zeit des Livländischen Krieges // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas. Berlin, 1967. Bd. 10. S. 282; Павулан В. В. Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути. С. 87; Dundulis B. Lietuvos užsienio politika XVI a. Wilna, 1971. S. 156.

производства в XVI в., обусловленный расширением земельных владений польско-литовской знати, актуализировал вопрос о его выгодном сбыте. Справедливости ради стоит отметить, что весьма значительное влияние экономического фактора на характер политической стратегии Польско-Литовского государства в отношении Ливонии не всегда находит признание в кругу исследователей. Подобный подход был, в частности, оспорен немецким ученым В. Кирхнером, который поставил под сомнение значимость экономической мотивации в политике польско-литовских государей, полагая, что как Польша, так и Литва, мало что могли получить от приобретения Ливонии в плане торговли и производства¹⁴⁹. Данной позиции противоречит тот очевидный факт, что в середине XVI в. страны Восточной Прибалтики располагались в месте сосредоточения важных торговых путей, соединяющих Восточную, Центральную и Западную Европу. Значимость даугавского торгового пути много раз рассматривалась в исторических исследованиях - как в отечественных¹⁵⁰, так и в зарубежных¹⁵¹. Значение даугавского торгового пути оценивалось в Польше-Литве столь высоко, что Сигизмунд II Август даже вынашивал фантастическую идею об объединении реки Неман и Даугавы при помощи канала¹⁵². Поэтому с Кирхнером можно

¹⁴⁹ «Political ambitions of the Germans, Swedes, and Russian were perhaps unconsciously, but nevertheless powerfully stimulated by economic necessities <...> [Poland-Lithuania, on the contrary,] as an agricultural country, had little to gain from the possession of Livonia» - Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 197-198.

¹⁵⁰ Тихомиров И. А. Торговые и мирные сношения русских княжеств с Ливонией в XIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1876. Ч. 185. № 5. С. 162-174; Тихомиров И. А. Торговые сношения Полоцка с Ливонией // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1877. Ч. 194. № 12. С. 232-239; Муравская Е. И. Из истории торговых связей Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII-XV вв. // Известия Академии Наук Латвийской ССР. Рига, 1961. № 2. С. 7-44; Хорошкевич А. Л. Договоры Полоцка 1405-1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики // Археологический ежегодник за 1962 год. М., 1963. № 4. С. 79-87; Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII вв.: Экономические связи с Русью и другими территориями. Рига, 1965. 144 с.

¹⁵¹ Hildebrand H. Das deutsche Kontor zu Polozk // Baltische Monatsschrift. Riga, 1873. Bd. 22. № 4. S. 342-381; Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse. Berlin, 1905-1906. Bd. 1-2. 474, 561 S.; Schröder H. G. Der Handel auf der Düna im Mittelalter // Hansische Geschichtsblätter. München, Leipzig, 1917. Bd. 23. № 44. S. 23-156; Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Lübeck, 1922. 572 S.; Hollihn G. Die Stapel- und Gästepolitik Rigas in der Ordenszeit (1201-1562). Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte Rigas in der Hansezeit // Hansische Geschichtsblätter. Leipzig, 1935. Bd. 60. S. 91-207; Dąbrowski J. Baltische Handelspolitik Polens und Litauens im XIV-XVI Jh. // Conventus primus historicorum Balticarum. Riga, 1938. S. 286-291; Benninghoven F. Rigas Entstehung. und der frühhanseische Kaufmann. Hamburg, 1961. 168 S.; Doroszenko W. W. Eksport Rygi na Zachód w okresie przynależności do Rzeczypospolitej (1562-1620) // Zapiski Historyczne. Toruń, 1966. T. 31. S. 7-44.

¹⁵² Forstreuter K. Die Memel als Handelsstraße Preußens nach Osten. Königsberg, 1931. S. 12-13.

согласиться лишь отчасти, приняв во внимание тот очевидный факт, что данный регион первоначально мало значил для Польской короны в силу географической удаленности, а, главное, из-за наличия собственного широкого доступа к балтийскому рынку через Данциг и Кёнигсберг, хотя одновременно балтийские порты Ливонии имели большое значение для Великого княжества Литовского.

Вторым мотивом, побуждавшим польско-литовских государей к усилению своих позиций в Ливонии, стало противодействие России. В процессе собирания русских земель к владениям великих Московских князей были присоединены Новгородская и Псковская «вечевые республики», благодаря чему русские купцы получили доступ к торговле с городами Ливонии, вслед за чем великий князь Иван III начал борьбу за земли с русским православным населением, находившимися под властью литовских государей, что, как и претензии Московского великого князя на звание «государя всея Руси», у них одобрения не снискало¹⁵³. Эскалации русско-литовского конфликта в первой половине XVI в., сопровождавшейся ростом напряженности в отношениях двух государств и войнами, включая Стародубскую войну 1534-1537 гг.¹⁵⁴, не могли положить конец даже мирные договоры. Ливония, в свою очередь, в силу географического положения оказалась на стыке соперничающих держав – положение само по себе крайне опасное – и была вынуждена постоянно лавировать между ними¹⁵⁵. Увеличившееся в 50-х гг. XVI в. давление России на Ливонию породило у литовцев серьезные опасения относительно экспансионистских планов русского царя, рассчитанных на приобретение доступа к балтийской

¹⁵³ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV-начала XVI в. М., 1980. С. 87-88; Хорошкевич А. Л. Польско-литовско-русские отношения в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна // *Russland, Polen und Österreich in der frühen Neuzeit*. Wien, Köln, Weimar, 2003. S. 41-43; Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.-СПб., 2006. С. 49-70; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 8-9.

¹⁵⁴ Кром М. М. Стародубская война 1534-1537. История русско-литовских отношений. М., 2008. С. 80-95.

¹⁵⁵ Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt. S. 97-133.

торговле¹⁵⁶. Обоснованность подобных опасений остается и сейчас вопросом дискуссионным¹⁵⁷, но в любом случае налицо широкое распространение слухов об опасности, которой подвергнется вся Европа в случае, если «варвары-московиты» благодаря балтийским водным путям получат возможность приобретать современное оружие, стратегическое сырье и специалистов¹⁵⁸.

Решение проблемы, связанной с получением контроля над восточно-прибалтийским регионом раньше, чем это сделает соперник, и связанной с этим активизации политики на ливонском направлении требовали от польско-литовских государей стабилизации отношений с Крымским ханством и Турцией, чему способствовали достижения польско-литовской дипломатии на южном направлении. В 1553 г. был обновлен мирный договор с Портой, воспрепятствовавший набегам татар и турок на земли Короны, а в 1556 г. его дополнило соглашение с Крымом о заключении союза против России¹⁵⁹. Значительным успехом стало также заключение в 1556 г. шестилетнего перемирия с Иваном IV¹⁶⁰, что, вкуче с нормализацией ситуации на южной границе, предоставило польско-литовскому государю значительную свободу в деле укрепления своего влияния на ливонские земли.

Вступление царского войска на территорию Ливонии в январе 1558 г. коренным образом ухудшило ситуацию, поскольку возникла угроза русского наступления на Литву с севера. Уже в апреле 1559 г. Сигизмунд Август

¹⁵⁶ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004. С. 159; Kirby D. Northern Europe in the early modern period. P. 72.

¹⁵⁷ Филлошкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. С. 601-611.

¹⁵⁸ Rechtfertigung des Landmarschalls Jasper von Munster gegenüber den livländischen Ständen wegen seiner polnischen Bündnispolitik. Ende 1557/Anfang 1558 // GStA PK, XX, HA HVA. №. 2135. S. 2a-17a; Королюк В. Д. Ливонская война. С. 29-32; Tiberg E. Moscow, Livonia and the Hanseatic League 1487-1550. Stockholm, 1995. P. 246; Urban W. Livonian Crusade. P. 503-504.

¹⁵⁹ Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции в середине XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв. М., 1979. С. 80-81; Греков И. Б. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 259; Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного // История внешней политики России (конец XV – XVII век). М., 1999. С. 139-142.

¹⁶⁰ Historia dyplomacji Polskiej. Warszawa, 1982. S. 683-685; Шульц Д. Влияние литовско-московских войн на отношения Литвы и Польши в 1492-1569 гг. // Исторический вестник. М., 2014. Т. 7 (154). С. 214.

обратился к панам-рада с вопросом об ускорении выплаты налогов для обеспечения обороны пограничных с крепостей, а именно, Полоцка и Витебска¹⁶¹, что является прямым доказательством того, насколько серьезно воспринимали литовцы такую перспективу. Возможное утверждение России в ливонских землях не предвещало ничего хорошего для Польско-Литовского государства не только в геополитическом плане. По мнению М. К. Любавского, укрепление позиций царя в Ливонии могло привести к утрате контроля Великого княжества Литовского над торговлей в Белоруссии и частично в самой Литве¹⁶². В условиях напряженной борьбы между Литвой и Россией за западнорусские земли Ливония приобрела значение стратегически важной позиции в борьбе за территории современных Беларуси и Украины¹⁶³. Возможное появление русского флота на Балтийском море, слухи о котором распространялись в Западной Европе, не устраивало также и поляков, поскольку тем самым могла возникнуть серьезная угроза для Данцига¹⁶⁴, хотя такой поворот событий в тех условиях был маловероятен¹⁶⁵. Географическое расположение Ливонии позволяло держать в сфере внимания северные районы России, а в перспективе – создать широкую площадку для вооруженной борьбы с ней¹⁶⁶. Впрочем, до середины XVI в. конфронтация Польши-Литвы и России выражалась скорее в обоюдном стремлении распространить свое влияние на Ливонию до того, как это сделает соперник, что дает основание полагать, что Польско-Литовское государство не преследовало целью развязать военный конфликт, особенно в масштабах, которые в конечном счете приняла Ливонская война. Данный тезис, предложенный Э. Тибергом¹⁶⁷, дает убедительное объяснение пассивной

¹⁶¹ Лист, писанный до князей бискупов и иных некоторых панов рады, около отправки мистра Ифлянскогую 1559 г. // Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900. Приложение. № 35. С. 95-97.

¹⁶² Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 259.

¹⁶³ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI-начале XVII в. М., 1973. С. 10.

¹⁶⁴ Oakley S. P. War and Peace in the Baltic 1560-1790. London, New York, 1992. P. 8.

¹⁶⁵ Филлюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. С. 601-611.

¹⁶⁶ Янушкевич А. Н. Ливонская война. С. 27-28.

¹⁶⁷ Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 83-84.

военной политике и уклонению от начала боевых действий, характерных для курса Сигизмунда II Августа на начальном этапе войны.

Два вышеназванных фактора - экономическая выгода и противодействие России - фигурируют в историографии почти повсеместно¹⁶⁸, хотя в оформлении интереса польско-литовских государей к Ливонии прослеживается влияние и других обстоятельств - например, проблема Ордена как «неблагополучного соседа» и многочисленные перипетии, касающиеся ливонско-литовской границы, о чем шла речь в одном из предыдущих разделов. Интерес представляет также гипотеза, озвученная В. Кирхнером, согласно которой, включение Ливонии в сферу интересов Польско-Литовского государства предопределялось системой взаимоотношений составлявших его автономий. С момента заключения в 1386 г. династической унии, положившей начало его существованию, польская шляхта не расставалась с мыслью дополнить ее отношениями зависимости Великого княжества Литовского от Польской Короны. Поводов к тому было несколько. Во-первых, Литва интересовала Польшу в качестве надежного союзника в борьбе с турецкой экспансией, и потому ее предложения касательно заключения этой реальной унии постоянно сопровождалась доводами о строительстве совместного оборонительного рубежа¹⁶⁹. Во-вторых, польское дворянство, испытывавшее затруднения в связи с нехваткой земли в самой Польше, расценивало Литву с ее большими земельными ресурсами как возможное решение проблемы¹⁷⁰. Процесс полонизации великокняжеских земель продолжался уже длительное время,

¹⁶⁸ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 89-93; Tiberg E. Moscow, Livonia and the Hanseatic League 1487-1550. Stockholm, 1995. P. 246; Elliott J. H. Europe Divided 1559-1598. P. 47-49; Urban W. Livonian Crusade. P. 503-504; Heyde J. Die Livlandpolitik der polnisch-litauischen Adelsrepublik. S. 335; Янушкевич А. Н. Ливонская война. С. 27-28; Kirby D. Northern Europe in the early modern period. P. 72 и другие.

¹⁶⁹ Довнар-Запольский М. В. Польско-литовская уния на сеймах до 1569 г. М., 1897. С. 2-23; Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 291; Frost R. I. The Polish-Lithuanian Union, 1386-1795 // British Academy Review. London, 2013. Vol. 21. S. 7-9; Шульц Д. Влияние литовско-московских войн на отношения Литвы и Польши. С. 198-225.

¹⁷⁰ Backus O. P. The problem of Unity in the Polish-Lithuanian State // Slavic Review. Pittsburgh, 1963. Vol. 22. № 3. S. 411-431.

несмотря на попытки литовской знати законодательно пресечь его. Экономическое внедрение польского дворянства в хозяйственную сферу Великого княжества Литовского сопровождалось активной интеграцией польского элемента в его политическую и культурную структуры, в результате чего в XV и XVI вв. вопрос об унии стал всё чаще подниматься на заседаниях вальных сеймов. Вместе с тем подчинение Великого княжества Литовского Польской Короне не соответствовало устремлениям литовских магнатов, желавших сохранить независимость Литвы¹⁷¹. К сторонникам этой идеи принадлежали, в частности, ярый защитник суверенитета Литвы виленский воевода и канцлер Великого княжества Ольбрахт Гаштольд, воевода Виленский Николай Радзивилл, епископ Вильно Иоанн и многие другие литовские паны-рада, которые, в частности, добивались от Сигизмунда II Августа, чтобы тот короновался короной князя Витовта и тем самым укрепил политический престиж Великого княжества Литовского, особенно в разрешении вопросов, связанных с унией¹⁷².

Надо сказать, что в окончательном слиянии Польши и Литвы не был заинтересован и сам правитель Польско-Литовского государства. Как известно, его строй представлял собой конституционную монархию, сочетавшую в себе элементы монархии, демократии и олигархии¹⁷³. Данная модель, характеризующаяся широкими правами и привилегиями шляхты, предполагала активное участие во власти большого числа представителей привилегированных сословий, за что и получила наименование «шляхетской демократии»¹⁷⁴. Созывавшиеся для решения важнейших политических вопросов сеймы, посредством принимаемых наказов, влияли на решения

¹⁷¹ Королюк В. Д. Ливонская война. С. 26-27; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 21-22.

¹⁷² Lukšaitė I. Reformacija Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ir Mažojoje Lietuvoje. Vilnius, 1999. P. 27, 57-58; Dubonis A. The Lithuanian Metrica // Lithuanian Historical Studies. № 7. Vilnius, 2002. P. 128-133.

¹⁷³ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. С. 153-167.

¹⁷⁴ Голенченко Г. «Шляхетская демократия» в Великом княжестве Литовском XVI-XVIII вв. // Белоруссия и Россия: Общество и государства. М., 1998. С. 31-56.

правительства¹⁷⁵, а король как лицо, выполнявшее в ходе заседаний сеймов функции председателя, вынужден был балансировать между аристократией и устремлениями мелкой и средней шляхты во внутренней политике, а также между интересами Польши и Литвы во внешнеполитических вопросах. Вследствие этих особенностей политического устройства Польско-Литовского государства польский король получал наибольшую свободу собственной власти только в случае сохранения политического равновесия Польши и Литвы, что позволяло ему играть на их внутренних противоречиях и влиять на положение дел в обоих государствах. Усиление Польши в XVI в. поставило на повестку дня вопрос о заключении новой унии и включении Литвы в ее состав, что нарушало эту систему и лишало польского короля возможности укреплять свою власть посредством игры на польско-литовских противоречиях. Подобные соображения заставляли Сигизмунда II Августа придерживаться намерения защищать автономию Литвы, что он подчеркивал в своей корреспонденции¹⁷⁶. Его стремление сохранить изначальный статус Великого княжества Литовского также отчетливо проявилось во время обсуждения проблемы унии на сеймах в Петрокове и Люблине, где он, несмотря на слабые позиции Литвы, лично гарантировал, что ни одно решение по этому вопросу не будет принято без одобрения литовцев¹⁷⁷.

В историографии вообще отмечается исключительная активность Сигизмунда II Августа в Великом княжестве Литовском, особенно в плане внутренней политики¹⁷⁸. Это объясняется более сильными позициями господаря по отношению к знати по сравнению с той же Польской

¹⁷⁵ Таутавичюс А., Юргинис Ю., Ючас М. История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 94-95; Флоря Б. Н. Центральная Европа // История Европы. М., 1993. Т. 3. С. 237.

¹⁷⁶ Theiner A. *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis Vaticanis*. Romae, 1861. Bd. 2. P. 466-467.

¹⁷⁷ Semkowicz W. A., Kutrzeba S. *Akta unji Polski z Litwa, 1385-1791*. Krakow, 1932. S. 189-192.

¹⁷⁸ Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 201-202; Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. S. 46; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 21-23; Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kunevičius A. The History of Lithuania before 1795. P. 229; Heyde J. *Kość niezgody*. S. 159-160; Urban W. *Livonian Crusade*. P. 504; Гудаевичус Э. История Литвы: с древнейших времен до 1569 г. С. 566-567 и другие.

Короной¹⁷⁹. Ливония должна была стать тем элементом, который бы уравновесил экономически сильную Польшу и теряющую свои позиции Литву¹⁸⁰, а Сигизмунд II Август сохранил бы полноту своей власти благодаря игре на противоречиях между двумя частями собственной державы. Надо сказать, что подобные перспективы развития ситуации прекрасно осознавались и в самой Польше. В своем письме к прусскому герцогу Альбрехту польский гетман Ян Тарновский вполне ясно дал понять, что главная цель Польши в ливонской политике – предотвратить намечающееся территориальное расширение Литвы¹⁸¹. Подобная позиция объясняется именно стремлением не допустить усиления позиций Великого княжества Литовского в решении вопроса о намечающейся унии, что противоречило интересам Сигизмунда. Учитывая тот факт, что в условиях существующей на тот момент государственной системы правитель для полноценной реализации собственной власти был вынужден играть на противоречиях во взаимоотношениях Польши и Литвы, нарушение подобного баланса было бы равно утрате значительной части политического влияния. Присоединение ливонских земель к Великому княжеству Литовскому должно было выправить соотношение сил, предотвращая поглощение Литвы Польской Короной и сохранив тем самым политические позиции монарха.

Немаловажным как для Польши, так и для Литвы, являлся вопрос о возможности освоения ливонских земель, продуктивные качества которых были всем доподлинно известны. Стремление получить ливонские поместья заметно, в частности, в прошениях литовцев к своему государю в начальный период Ливонской войны¹⁸². Эти просьбы, как правило, не получали

¹⁷⁹ Jurgela C. R. History of the Lithuanian Nation. New York, 1948. P. 214; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 22-23.

¹⁸⁰ Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 202.

¹⁸¹ Bogatynski W. Stosunek Polski do Litwy w sprawie Inflant (r. 1560) // Przegląd Historyczny: dwumiesięcznik naukowy. Warszawa, 1915. T. 19. № 9. S. 109-113.

¹⁸² Ответы великаго князя Сигизмунда Августа на просьбы и заявления княжат панят и всей шляхты Великаго Княжества Литовскаго, представленныя ему на Виленском сейме. 1559 // РИБ. Т. 30. № 12. С. 270-271.

удовлетворения, поскольку Сигизмунд II Август, находившийся в сложном внешнеполитическом положении, предпочёл не испытывать лояльность ливонской знати ущемлением ее землевладельческих прав. Земельная теснота, недостаток доходных должностей и званий в Польше служили стимулом к постоянному пополнению польско-литовского наемного войска жолнерами¹⁸³, и этот людской ресурс был впоследствии использован польско-литовским государем при размещении гарнизонов крепостях и замках Ливонии¹⁸⁴.

Таким образом ливонский вопрос во внешней политике польско-литовских монархов первоначально был нацелен на удовлетворение потребности в территориальном расширении, которая вполне проявила себя в постепенном расширении территории Литвы и смещении границы на север на протяжении XIV-XVI вв. Немаловажным фактором, стимулировавшим активность польских королей в «ливонском вопросе», была необходимость противодействовать России, интерес которой к Ливонии в XVI в. неизменно усиливался, что предопределило необходимость взять ливонские государства под свой контроль прежде, чем это сделает противник, по возможности, избегая вооруженной конфронтации. Присоединению Ливонии к Великому княжеству Литовскому отводилось заметное место в политических расчетах короля Сигизмунда II Августа, касающихся перспектив включения Литвы в состав Польского королевства на условиях подданства. Король, не желавший подобного исхода, намеревался восстановить политический баланс Польши и Литвы, оказав последней поддержку путем предоставления литовской шляхте ливонских портов для вывоза продукции их поместий, а также возможности удовлетворить ее потребности в расширении землевладения и получения должностей за счет гарнизонной службы на территории Ливонии.

¹⁸³ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 291.

¹⁸⁴ Stancelis V. The annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania. P. 25-26.

Глава 2. Подготовительный этап инкорпорации.

§1. «Прусский фактор». Роль герцога Альбрехта Прусского в ливонских событиях.

Как известно, с момента подписания второго Торуньского мира 1466 г. Орденская Пруссия пребывала в зависимости от Польской Короны. Верховные магистры Немецкого ордена на протяжении многих лет вели безуспешную борьбу с польско-литовскими государями за освобождение от этой зависимости: нарушали принятые финансовые обязательства и уклонялись от принесения присяги. От новой войны Орден спасало лишь покровительство императора Священной Римской империи Максимилиана I (1508-1519) и беспокойная обстановка внутри самой Польши¹⁸⁵. В 1511 г. магистром Ордена стал Альбрехт Бранденбург-Ансбахский (1511-1568), который продолжил политику неповиновения и вступил в отношения с московским великим князем Василием III (1505-1533), пытаясь создать антигеллонскую лигу, в которую также должна была войти и Священная Римская империя¹⁸⁶. Однако планы магистра были сорваны подписанием в 1515 г. Венского трактата, согласно которому, в обмен на ряд уступок со стороны Сигизмунда, император заключал с ним мир и обязывался более не поддерживать Орден в его стремлении уклониться от исполнения обязательств, принятых в 1466 г. В ответ на это Альбрехт в 1519 г. начал войну против Польской Короны, однако попытка военного реванша оказалась неудачной¹⁸⁷. Подписав в 1521 г. перемирие в Торунь, Альбрехт

¹⁸⁵ Forstreuter K. Vom Ordenstaat zum Fürstentum. Geistige und politische Wandlungen im Deutschordenstaate Preussen unter den Hochmeister Friedrich und Albrecht (1498-1525). Kitzingen am Main, 1950. S. 40-45; Halecki O. A history of Poland. New York, 1966. P. 107-109; Biskup M. Geneza i znaczenie holdu pruskiego 1525 roku // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1975. № 4. S. 410; Historia dyplomacji Polskiej. S. 619-621.

¹⁸⁶ Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С. 309; Лобин А. Н. Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517-1522 гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб., 2014. № 1. С. 11-26.

¹⁸⁷ Более подробно о войне 1519-1521 см.: Tyszkiewicz J. Ostatnia wojna z Zakonem Krzyżackim 1519-1521. Warszawa, 1991. 200 s.

надеялся выиграть время чтобы добиться поддержки Священной Римской империи, однако не смог преуспеть и в этом.

Пытаясь хотя бы частично сохранить свою власть, он был вынужден пойти на радикальные меры. Вопреки воле императора, он провёл секуляризацию орденских владений – распустил Орден, создав на его месте светское герцогство и, приняв лютеранство, провозгласил себя его наследственным правителем, признав вассальную зависимость от Королевства Польского¹⁸⁸. Своими действиями Альбрехт полностью разрывал свои прежние связи со Священной Римской империей и передавал себя под власть польского короля, но сумел при этом сохранить значительную часть собственной автономии¹⁸⁹. Подобный расклад не мог устраивать Сигизмунда Старого, который, кроме раздражающей необходимости считаться с новоявленным прусским герцогом, являлся еще и убежденным католиком, боровшимся против распространения лютеранства в польской части Пруссии и Данциге. Однако он был вынужден принять условия Альбрехта, поскольку внешнеполитическая ситуация требовала сосредоточения сил в Венгрии, где назревал серьезный конфликт с турками¹⁹⁰. Договоренность была достигнута и 10 апреля 1525 г. экс-магистр Альбрехт принёс присягу на верность на рыночной площади в Кракове.

Изменение статуса Пруссии породило ряд противоречий. Одно из них было связано с нежеланием императора Карла V признать её переход под власть польского короля, поскольку со времен крестовых походов Пруссия, наряду с Ливонией, находилась под покровительством Империи, и Габсбурги считали её имперским леном¹⁹¹. Между тем разрыв отношений с

¹⁸⁸ Jähnig B. Albrecht von Brandenburg-Ansbach und die Säkularisation des Deutschen Ordens in Preußen // Vorträge und Forschungen. 2011. S. 90-99; Jähnig B. Die Anfänge der evangelischen Landeskirche im Herzogtum Preußen zur Zeit von Herzog Albrecht // Preußen und Livland im Zeichen der Reformation. Osnabrück, 2014. S. 15-56; Вебер Д. И. Формирование конфессиональных границ Польши и ВКЛ. С. 251-252.

¹⁸⁹ Makiła D. Prusy Książęce a Korona Polska po 1525 roku. Prowincja czy protektorat // Prusy i Inflanty między Średniowieczem a Nowożytnością. Państwo – społeczeństwo – kultura Toruń, 2003. S. 63-72.

¹⁹⁰ Halecki O. A history of Poland. P. 110-114.

¹⁹¹ Halecki O. A history of Poland. P. 107-109.

императором и необходимость в обретении нового покровителя превратили непокорного магистра в примерного вассала и потому экс-магистр и первый герцог Прусский Альбрехт после событий 1525 г. проявлял лояльность к польскому королю¹⁹², став одним из наиболее деятельных проводников политики Ягеллонов в Балтийском регионе и одним из самых активных участников «ливонского дела».

Вероятнее всего внимание прусского герцога к Ливонии было в значительной мере обусловлено династическими интересами и личными амбициями. По предположению отдельных ученых, с присоединением Пруссии к Короне Польской для экс-магистра открылась возможность при помощи Польши-Литвы объединить под своей властью земли Тевтонского и Ливонского орденов и расширить тем самым владения Гогенцоллернов на побережьях Балтики¹⁹³. Согласно одной из наиболее интересных теорий, выдвинутой польским историком К. Лепшим, герцог вынашивал фантастический план создания суверенного государства Гогенцоллернов, которое простиралось бы от Вислы до Даугавы¹⁹⁴. В похожем ключе рассуждал также К. Гурский, полагавший, что Альбрехтом двигало стремление реставрировать под своей властью тевтонское орденское государство¹⁹⁵. Отчасти мотивацию поведения герцога можно еще объяснить особенностями взаимоотношений между прусским и ливонским подразделениями Тевтонского ордена, поскольку независимое положение ливонского магистра, который в орденской иерархии занимал более низкое положение, чем верховный магистр, могло восприниматься экс-магистром как нечто недопустимое. Немаловажно также, что с момента секуляризации

¹⁹² Ярким примером тому был отказ герцога от регалий, присланных императором Священной Римской империи: *Instruction für Wolf, Herr zu Heideck, und Georg Klingenberg, Botschafter des Herzogs in Preussen...* 16. Februar, 1526 // *Index corporis*. Bd. 2. № 2933. S. 209.

¹⁹³ Kłodziński A. *Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem 1556-7*. S. 374-375; Vetulani A. *Lenno pruskie od traktatu krakowskiego do śmierci księcia Albrechta 1525-1568*. Kraków, 1930. S. 58; Olewnik J. *Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant*. S. 395-396.

¹⁹⁴ Lepczy K. *Wojna o Inflanty i powstanie wielonarodowościowej Rzeczypospolitej szlacheckiej. Pierwsze wolne elekcje* // *Historia Polski do roku 1764*. Warszawa, 1957. S. 235.

¹⁹⁵ Górski K. *Polska w ziewisku Bałtyku*. Gdańsk, 1947. S. 117.

Тевтонского ордена в Пруссии руководство Ливонского ордена находилось в конфронтации с Альбрехтом Бранденбургским¹⁹⁶. Бытовало даже мнение, что ливонский магистр Плеттенберг намеревался присоединить Пруссию к ливонскому орденскому государству¹⁹⁷, что никак не могло устраивать ни Альбрехта, ни польского короля. С позиций последнего, поддержка прусского герцога была направлена на упрочение связи Прусского герцогства и Польской Короны¹⁹⁸, в то время как сам герцог был заинтересован в обретении сильного защитника, способного оградить его от посягательств Ливонского ордена и Священной Римской империи¹⁹⁹.

1525 год коренным образом изменил характер отношений Ливонии и Пруссии. До этого времени Ливонский орден считался одним из подразделений Тевтонского ордена и формально подчинялся его магистру, однако с 70-х годов XV в. он обрел фактический суверенитет и проводил независимую политику²⁰⁰. Вскоре после секуляризации Ордена в Пруссии Вольтер фон Плеттенберг предпринял попытку стать верховным магистром Немецкого ордена, однако предпочтение было отдано главе имперского подразделения Вальтеру фон Кроненбергу, после чего Ливонский орден стал существовать полностью автономно. Он не попадал под условия второго Торуньского договора и потому польский король не имел над ним никакой власти. Тем не менее, Ливонский орден пытался отмежеваться от Пруссии, чтобы не разделить её участь и не попасть под влияние Польши²⁰¹. Вместе с

¹⁹⁶ Форстен Г. В. Балтийский вопрос. Т. 1. С. 70; Herrmann A. Der Deutsche Orden unter Walter von Kronberg (1525-1543). Bonn-Godesberg, 1974; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 396.

¹⁹⁷ Arbusow L. Die Einführung der Reformation. S. 494; Christophorus Konarski Alberto in Prussia duci refert nova ex Augusta de imperatoris conatibus, de magistro Theutonicorum Ordinis et de legatione Stanislai Łaski. 20. Januar, 1548 // Elementa ad Fontium Editiones. T. 38. № 1052. S. 3-4; Stanislaus Bojanowski, secretaries regius, Alberto in Prussia duci de rerum statu in Polonia prolixius refert, praesertim de procerum quorundam et nobilitatis erga regem indignation; mittit aliqua nova ab exteris regionibus. 1549 // Elementa ad Fontium Editiones. T. 38. № 1137. S. 91.

¹⁹⁸ Małłek J. Poland in the face of the Lutherisation of Prussia // The Military Orders and the Reformation: Choices, State building, and the Weight of Tradition. Hilversum, 2006. P. 38-40.

¹⁹⁹ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. S. 14.

²⁰⁰ Arnold U. Livland als Glied des Deutschen Ordens in der Epoche Wolters von Plettenberg // Wolter von Plettenberg. Der grösste Ordensmeister Livlands. Lüneburg, 1985. S. 28-31; Hellmann M. Der Deutsche Orden in Livland. S. 105-116.

²⁰¹ Hellmann M. Die Stellung des livländischen Ordenszweigs. S. 6-13; Hellmann M. Deutsche Orden und die Stadt Riga // Stadt und Orden: das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preussen und im

тем в 20-30-х годах XVI в. существовало множество проблем внутри самой Ливонии, где Орден продолжал вести борьбу с епископатом за объединение страны под своей властью. Реформация, которая в этот период в Ливонии набирала темп, сопровождаясь активизацией политически влиятельных сословий, рыцарства и городов, и тем самым вносила в эту борьбу особую напряженность. Герцог Альбрехт не хотел выпускать Ливонию из сферы своего внимания и не терял надежды на восстановление утраченного единства и использование ливонских орденских ресурсов в своей политике. В 1526-1527 гг. Альбрехт совместно с Сигизмундом I предпринял попытку урегулирования дипломатических отношений с Ливонией в целях разрядки политической напряженности в отношениях с Ливонским орденом, но безуспешно²⁰². Альбрехт также предлагал магистру последовать его примеру и осуществить секуляризацию Ордена в Ливонии, но тот отказался²⁰³.

Новая возможность расширить свое влияние в Ливонии представилась с избранием 6 февраля 1528 г. на должность Рижского архиепископа Томаса Шонинга. Вакантным оставалось место его коадьютора, который, согласно традиции, после смерти архиепископа занял бы этот высокий пост. Чтобы укрепить свои позиции в борьбе с Орденом, Шонинг решил последовать совету своего предшественника Бланкенфельда и назначить своим коадьютором персону княжеского рода. Свой выбор он остановил на брате прусского герцога, Вильгельме Бранденбургском, что вызвало сопротивление Ордена. Данный случай сам по себе был беспрецедентен – должность коадьютора должен был получить прирожденный князь, связанный кровным родством не только с немецкой знатью, но и с домом Ягеллонов, что серьезно

Deutschen Reich. Marburg, 1993. S. 32; Urban W. Livonian Crusade. P. 504; Вебер Д. И. Магистры Немецкого ордена в Ливонии в 1525-1561 годах. С. 113.

²⁰² Quednau H. Livland im politischen Wollen Herzog Albrechts von Preußen. Leipzig, 1939. S. 34-35.

²⁰³ Arnold U. Hochmeister Albrecht von Brandenburg-Ansbach und Landmeister Gotthard Kettler. Ordensritter und Territorialherren am Scheideweg in Preußen und Livland // The Military Orders and the Reformation. Choices, State Building, and the Weight of Tradition. Hilversum, 2006. S. 19-23; Kreem J. Der Deutsche Orden und die Reformation in Livland // The Military Orders and the Reformation: Choices, State Building, and the Weight of Tradition. Hilversum, 2006. S. 43-57.

укрепляло позиции архиепископа в противостоянии с Орденом. В исторической литературе эпизод с избранием Вильгельма на должность коадьютора рассматривается, как правило, в контексте ливонской внутривосточной борьбы, участием же в ней иноземных государей уделяется лишь небольшое внимание (исключение составляет лишь герцог Прусский). А между тем еще в 1435-1521 гг. в документах, касающихся процедуры избрания коадьютора, можно найти развитие темы защиты Рижской епархии от происков противников, которую мы проследили в императорских постановлениях XIV-XVI вв. (см. §2 предыдущей главы).

Чтобы укрепить позиции Вильгельма в коадьюторском деле, 15 сентября 1529 г. Альбрехт Бранденбургский заключил оборонительный союз с Рижским архиепископом, направленный против всех тех, кто угрожал епархии и выступал против назначения коадьютором архиепископа Вильгельма Бранденбургского²⁰⁴. В этом тексте говорится, что герцог пошел на этот шаг «ввиду того, что в прежние времена, издавна и до сей поры высокочтимое епископство Рижское само по себе, а также по распоряжению и приказу императорского величества во все времена имело прусских государей в качестве консерватора (*Conservator*) <...> таким образом мы должны быть обязаны указанного господина архиепископа, капитул, рыцарство, г. Ригу, их землю, людей, подданных и все к этому относящееся от всех или каждого насильственного посягательства, нападения и преступного поведения <...> мы обязаны охранять и защищать подобно тому, как мы защищаем своих собственных родичей и подданных, и они должны справедливо, полностью и должным образом сохраняться при своем состоянии, чести, привилегиях и правах, а насильственные деяния должно, по

²⁰⁴ Schutzbündniss des Herzogs Albrecht mit dem Ertzbischof von Riga, gegen alle Anfechtungen wegen der von Ersterem übernommenen Conservatur des Erzstifts und der Coadjutur seines Bruders, des Markgrafen Wilhelm. 15. September, 1529 // M.L.A. Bd. 5. № 8. S. 144-146.

возможности, предотвращать»²⁰⁵.

Всё вышеперечисленное, согласно документу, составляет содержание «консерватуры» (*Conseruatur*), которая также определяется немецким термином «покровительство» (*beschutzung*). Как видно из приведенной цитаты, консерватура связана с обязательствами государя в отношении своих подданных, но в определенных случаях может распространяться на подданных других государей. В данной конкретной ситуации, упор был сделан на исторический прецедент («...в прежние времена, издавна и до сей поры...»). Кроме того, особый акцент был сделан на то, что кандидатура маркграфа Вильгельма Бранденбургского была выдвинута по просьбе архиепископа и поддержана его капитулом и сословиями епархии. Однако в том же тексте есть указание, что герцог не вправе принимать решения кроме как «по указанию нашего милостивого государя любезного дяди и брата его королевского величества короля Польского, Великого князя Литовского, нынешнего королевского величества короля Датского, со всеми этими королями мы частично связаны подданством, состоим в родстве, а частично - договорами»²⁰⁶.

Как следует из текста, речь идет исключительно о светских функциях, типичных для средневекового государя – защите подданных и гарантии их привилегий. Источником прав консерватора являлась воля императора, однако реализовывать их Альбрехт мог только с согласия других государей, которые также принадлежали к числу покровителей епархии. Договор предусматривал оказание военной поддержки, а также помощи «всем, на что [герцог] может быть способен и что может предоставить в помощь и поддержку на воде и на земле». Со своей стороны, герцог Альбрехт обязался оказывать поддержку при условии, что епископ будет осуществлять

²⁰⁵ Schutzbündniss des Herzogs Albrecht mit dem Ertzbischof von Riga... 15. September, 1529 // MLA. Bd. 5. № 8. S. 144-145. Перевод – Д. А. Бессуднов.

²⁰⁶ Schutzbündniss des Herzogs Albrecht mit dem Ertzbischof von Riga... 15. September, 1529 // MLA. Bd. 5. № 8. S. 145. Перевод – Д. А. Бессуднов.

финансирование и снабжение предоставленного ему военного контингента. Договор приобретал силу только в случае назначения Вильгельма коадьютором²⁰⁷ и его условия могли быть расторгнуты в случае конфликта епископа и герцога²⁰⁸. Назначение Вильгельма коадьютором Рижского архиепископа в данном документе тесно связано с понятием «консерватуры» герцога Альбрехта («...мы же со своей стороны будем действовать исходя из этой консерватуры (*Conseruatur*) и коадьютуры (*Coadjutur*)...»)²⁰⁹, что дало основание некоторым историкам считать оборонительный договор архиепископа с Пруссией основной целью Шонинга в коадьюторском вопросе²¹⁰.

Сигизмунд I, в свою очередь, не остался в стороне от назначения рижского коадьютора, что следует из его письма от 1529 г., адресованного магистру Ливонского ордена, архиепископу и капитулу Риги. В этом послании польский король, позиционируя себя как протектор-консерватор, на чьих плечах лежит обеспечение благополучия епархии, указывал на необходимость назначения достойного коадьютора, которого он видит в кандидатуре Вильгельма Бранденбургского²¹¹. Надо полагать, поддержка Сигизмунда I была просчитанным политическим ходом, имевшим целью продемонстрировать своё расположение к своему вассалу, герцогу Альбрехту, и тем самым сгладить факт несоблюдения польским королем некоторых пунктов Краковского договора 1525 г., а также участием короля

²⁰⁷ Schutzbündniss des Herzogs Albrecht mit dem Ertzbischof von Riga... 15. September, 1529 // MLA. Bd. 5. № 8. S. 145-146.

²⁰⁸ Schutzbündniss des Herzogs Albrecht mit dem Ertzbischof von Riga... 15. September, 1529 // MLA. Bd. 5. № 8. S. 145.

²⁰⁹ Thomas, erwählter Erzbischof von Riga, erwählt, postulirt, erfordert und nimmt an Markgrafen Wilhelm von Brandenburg zu seinem Coadjutor und künftigen Nachfolger, unter Festsetzung der künftigen ökonomischen und Regierungs-Verhältnisse desselben. 1529 // MLA. Bd. 5. № 9. S. 146-147. Перевод – Д. А. Бессуднов.

²¹⁰ Karge P. Berufung des Markgrafen Wilhelm zum Coadjutor des Rigaschen Erzbischofs. Ein Betrag zur Reformationgeschichte // Baltische Monatsschrift. Riga, 1906. Bd. 61. S. 154; Arbusow L. Die Einführung der Reformation in Liv-, Est- und Kurland. Leipzig, 1921. S. 759.

²¹¹ Botschaft des Königs von Polen: 1) an den E. B. von Riga und sein Capitel, selbige von feindlichen Gesinnungen gegen ihn abmahnd und seinen Dank bezeugend für die Erwählung seines Neffen, des Markgrafen Wilhelm, zum Coadjutor des Erzbisthums; 2) an den Meister in Livland, denselben gleichfalls von feindlichen Unternehmungen gegen ihn und den E. B. abmahnd und den Coadjutor, Markgrafen Wilhelm, ihm empfehlend. 1529 // MLA. Bd. 5. № 2. S. 130-131.

во внутренних делах Рижского архиепископства содействовать укреплению его авторитета в Ливонии. Кроме того, это заявление короля и апелляция к статусу протектора стали своего рода реакцией на попытку герцога выступить в качестве единственного протектора Рижского епископства – и этот жест не остался незамеченным. В «Мемориале», который в том же 1529 г. был передан польскому королю через герцога Альбрехта, архиепископ выразил пожелание, чтобы Сигизмунд I согласился с назначением коадьютора и тем самым стал гарантом его договора с Альбрехтом²¹².

Вмешательство польско-литовского государя во внутриливонские дела было для архиепископа тревожным знаком: заключая договор с прусским герцогом, Томас Шонинг вступал в отношения с равным себе государем, однако в случае реализации претензий Сигизмунда I на участие во внутренних делах епархии ни о каких равноправных отношениях речи быть не могло. Вероятно, именно поэтому в акте назначения Вильгельма коадьютором Томас Шонинг официально объявил именно герцога Альбрехта консерватором Рижской епархии, а его брата Вильгельма своим коадьютором. В акте утверждения вновь было указано, что прусские государи издавна являлись консерваторами епархии, в соответствие с распоряжениями и приказами германских императоров. При этом полагалось, что польский король и датский короли могли лишь одобрить или не одобрить указанное назначение²¹³. Как следует из документа, функции защитника Рижской епархии возлагались на герцогов Пруссских как

²¹² Des Rig. Electus Thomas Memorial zu den Anträgen an den König von Polen durch den Markgrafen Albrecht, betreffend die polnische Protection des Erzstifts, die Erlassung der Theilnahme an der Gränzberichtigung mit dem O. M., die Verhältnisse der Coadjutur. 1529 // MLA. Bd. 5. № 13. S. 153-154.

²¹³ Thomas, erwählter Erzbischof zu Riga, erklärt, dass, da der Markgraf Albrecht, Herzog von Preussen, die Conservatur des Rig. Erzstifts auf sein Ansuchen übernommen, er auch dessen Bruder, den Markgrafen Wilhelm, Domherrn von Mainz und Köln, zu seinem Coadjutor angenommen, und sich der gegenseitigen Hülfleistung halben mit dem Herzoge verbunden habe. 1529 // MLA. Bd. 5. № 10. S. 147-149; Instruction für Mennicke von Schierstädt, Vogt auf Samland, um der Ritterschaft des Erzstifts Riga, Namens des Herzogs Albrecht und Markgrafen Wilhelm, anzuzeigen, dass der Letztere die Coadjutur angenommen habe, und derselben allen Schutz zu versichern. 1530 // MLA. Bd. 5. № 15. S. 156-158.

носителей консерватуры, польский же король по сути дела был отодвинут на задний план. Вскоре после назначения Вильгельма коадьютором архиепископ вновь заявил, что именно герцог Прусский является «хранителем» (*conservator*) Рижской епархии²¹⁴, что также повторилось в инструкции послам архиепископа на Вольмарский ландтаг 1530 г., где Томас Шонинг особо выделил герцога Альбрехта среди других консерваторов²¹⁵.

Очевидно, архиепископ рассчитывал на дальнейшую поддержку со стороны Альбрехта и помощь в его конфликте с гражданами Риги и ливонским магистром Вольтером фон Плеттенбергом, о чем явно свидетельствует ход его переговоров с представителем герцога Меннике фон Штирштедтом²¹⁶. Что же касается Альбрехта, то с утверждением Вильгельма в должности коадьютора он отказался от дальнейшего сближения с Шонингом и приступил к укреплению собственного влияния в Ливонии путем поддержки сторонников Реформации и особенно её лидера Иоганна Ломюллера²¹⁷. Вильгельм же должен был стать проводником его политики и способствовать укреплению позиций прусского дома в Ливонии²¹⁸. Чтобы младший брат успешно закрепился на полученной должности герцог Альбрехт в 1530 г. направил в Ливонию своего посланца Меннике фон Штирштедта, поручив ему склонить вассалов архиепископа, а через них и всех прочих представителей ливонского и эстонского рыцарства, к признанию его статуса²¹⁹. Заинтересованный в продвижении брата Альбрехт в период 1533-1534 гг. сумел наладить новые и активизировать старые контакты, вступив в переписку по поводу ливонского дела с высшими

²¹⁴ Thomas, erwählter Erzbischof zu Riga... 1529 // MLA. Bd. 5. № 10. S. 147- 149.

²¹⁵ Instruction des Erzbischofs Thomas von Riga für seine Gesandten zum Landtage zu Wolmar, hauptsächlich auf die Ernennung des Coadjutors bezüglich. 19. Februar, 1530 // MLA. Bd. 5. № 18. S. 163-169.

²¹⁶ Auszüge aus Briefen an den Herzog Albrecht vom Jahre 1530, den Erzbischof Thomas und den Coadjutor, Markgrafen Wilhelm, betreffend. 1530 // MLA. Bd. 5. № 17. S. 161- 163; Antwort der Ritterschaft des Erzstifts Riga, dem Botschafter des Herzogs Albrecht und Markgrafen Wilhelm, Mennicke v. Schierstädt. 15. Juni, 1530 // MLA. Bd. 5. № 19. S. 169- 171.

²¹⁷ Johann Lohmüller schreibt dem Herzog Albrecht, wie er wegen des zu Lübeck geschlossenen Vergleichs in Riga verfolgt worden, wie er sich gerechtfertigt, und was er weiter in der Sache der Coadjutor des Markgrafen Wilhelm ausgerichtet habe. 18. Oktober, 1530 // MLA. Bd. 5. № 36. S. 214-221.

²¹⁸ Quednau H. Livland im politischen Wollen Herzog Albrechts. S. 20-22.

²¹⁹ Instruction für Mennicke von Schierstädt... 1530 // MLA. Bd. 5. № 15. S. 156-158.

должностными лицами Великого княжества Литовского - великим канцлером и виленским воеводой Ольбрахтом Гаштольдом, виленским епископом Иоанном, великим гетманом и каштеляном Вильно Ежи Радзивиллом, знатными магнатскими семьями (Ходкевичами, Олековичами, Остиками, Острожскими), а также старостами и епископами жмудскими, сопровождая адресованные им письма различными ценными подарками²²⁰. В итоге, способствуя утверждению Вильгельма, он смог заручиться поддержкой ряда представителей литовской элиты, что само по себе укрепило позиции и авторитет Литвы в решении последующих вопросов, касающихся отношений архиепископа и магистра – и данная тенденция получила дальнейшее развитие со вступлением на литовский и польский престол Сигизмунда II Августа.

Находясь в феврале и марте 1530 г. по случаю коронации Сигизмунда II в Кракове, Альбрехт писал Сигизмунду I по вопросу об избрании архиепископа и коадьютора в Риге. В его письме имеется указание на изыскания в архивах, проводимые герцогом по вопросу о протекторстве – и Альбрехт заявлял, что он лично ознакомлен с рядом документов, касающихся протекции, а также утверждающих привилегии, права и свободы Рижского архиепископа²²¹. К сожалению, из текста письма невозможно однозначно судить, о каких именно документах идет речь. Однако в личном архиве герцога Альбрехта можно найти целый список, датированный 1530 г., в котором указаны некоторые документы и акты, подобранные герцогом по вопросу избрания Шонинга и Вильгельма, часть которых касается протекторства над Рижским архиепископством²²² - первой в этом списке идет

²²⁰ Quendau H. Livland im politischen Wollen Herzog Albrechts von Preußen. Leipzig, 1939. S. 142; Szymaniak W. Polscy i litewscy korespondenci księcia pruskiego Albrechta Hohenzollerna w latach 1525-1548. Toruń, 1993. S. 45-51; Szymaniak W. Rola dworu polskiego w polityce zagranicznej Prus Książęcych // Studium z dziejów dyplomacji Prus Książęcych w Polsce w latach 1525-1548. Bydgoszcz, 1993. S. 93-94.

²²¹ Herzog Albrecht an den König von Polen Sigismund I. Februar/März, 1530 // GStA PK, XX, HA HBA D. № 75. S. 2a-6a.

²²² Verzeichniss der Urkunden zur Wahl Thomas Schönings zum Erzbischof von Riga, zum Koadjutoramt Markgraf Wilhelms und zu andered Sachen. 1530 // GStA PK, XX, HA HBA D. № 66. S. 1a-4a.

привилегия Карла V от 1521 г., рассмотренная выше. К сожалению, в своей переписке герцог крайне редко указывает название того или иного акта, что затрудняет их идентификацию, поскольку юридический статус протектора был официально закреплен во многих документах, копии или оригиналы которых вполне могли быть в распоряжении прусского герцога, хотя тому не имеется прямых свидетельств. Вполне вероятно, что знакомство с оригиналами и получение указанных копий происходило при посредничестве королевского канцлера Кшиштофа Шидловецкого (1467-1532), с которым Альбрехт поддерживал дружеские отношения и который вполне мог доверить герцогу документы из архива королевской канцелярии в Кракове²²³.

Находясь в феврале и марте 1530 г. по случаю коронации Сигизмунда II в Кракове, Альбрехт писал Сигизмунду I по вопросу об избрании архиепископа и коадьютора в Риге. В его письме имеется указание на изыскания в документации, которые проводил герцог по вопросу о протекторстве – Альбрехт при этом заявлял, что он лично ознакомился с рядом документов, касающихся протекции и утверждавших привилегии, права, свободы Рижского архиепископа²²⁴. Кроме Альбрехта, архивные изыскания по поводу протекторства проводили и сами литовцы. В 1519 г. были собраны и включены в состав Литовской метрики постановления Базельского собора 1435 г., касающиеся правового подтверждения статуса великого князя Литовского как протектора Рижского архиепископства²²⁵, что подтверждает интерес литовской стороны к данному вопросу. Поиск соответствующих актов производился, очевидно, с целью укрепления позиций Альбрехта Бранденбургского и Сигизмунда I в ливонском вопросе. Участие в изысканиях Альбрехта принимал виленский епископ Иоанн,

²²³ Małłek J. Die Politik des Herzogtums Preussen gegenüber Polen zur Zeit Herzog Albrechts (1525-1568) // Historisches Jahrbuch. 1978. Bd. 97/98. S. 263.

²²⁴ Herzog Albrecht an den König von Polen Sigismund I. Februar/März, 1530 // GStA PK, XX, HA HBA D. № 75. S. 2a-6a.

²²⁵ Pariene I. Kilka Zrodel dotyczacych protektoratu Wielkiego Księstwa Litewskiego nad arcybiskupstwem Ryskim // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 235-236.

который оказал помощь агенту герцога Миколаю Нипшицу. В письме Нипшица к Альбрехту от 2 марта 1534 г. говорится, что архиепископ из своего расположения к Альбрехту и Вильгельму готов выслать копии большого количества папских булл и императорских привилегий, а также постановлений Всеобщего собора в Базеле и многих других документов, доказывающих, что Рижская епархия и некоторые другие диоцезы были отданы под протекторство великого князя Литовского, которому вверялась их защита и оборона²²⁶. Упомянутые документы впоследствии, в 1555 г., предоставили аргументы в пользу привлечения к разрешению ливонских проблем другого протектора Рижского архиепископства, датского короля Кристиана III (1503-1559)²²⁷.

Из информации, содержащейся в переписке герцога Прусского, можно понять, что к середине 30-х гг. XVI в. им было обнаружено большое количество старинных актов, часть которых, вероятно, при помощи архиепископа Вильно была получена из архива виленского капитула. К сожалению, невозможно установить характер этих документов, за исключением двух, упомянутых в переписке - постановлений Базельского собора от 1435 г. и привилегии Карла V 1521 г. Корреспонденция герцога по этому вопросу свидетельствует о весьма интенсивном поиске исторических корней протекторства, что дает основания полагать, что до 30-х годов XVI в. такая работа вряд ли кем-либо производилась. Юридические акты, подтверждающие древность прав великого князя Литовского и короля Польского как протекторов Рижской епархии, и среди прочего императорская привилегия 1366 г.²²⁸ могли оказаться весомыми доводами в

²²⁶ Nicolaus Nibschitz, Alberto, duci Prussiae. 1534 // Acta Tomiciana. T. 16. № 145.

²²⁷ Werbung Herzog Albrechts bei Herzog Johann Albrecht von Mecklenburg in der Rigaer Koadjutorsache durch Christoph Bötticher, Sekretär Erzbischof Wilhelms von Riga. Mai/Juni, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA D. № 1670. S. 2a-14b; Instruktion an Christoph Bötticher für seine Sendung nach Dänemark. 30. April, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA D. № 1674. S. 2a-8a; Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 4. September, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA D. № 1699. S. 1a-3a.

²²⁸ Carolus IV. Imperator confirmat Privilegia Archiepiscopatus Rigensis, eiusque defensionem, Daniae, Sveciae, Norvegiae, ac Poloniae Regibus, nec non Stetinensi, & Magnopolensi Ducibus committit, cum potestate procedendi, compescendi, & compellendi vice, & auctoritate. 23. April, 1366 // CDPL. T. 5. № 55. S. 75-78.

пользу правомочности их вмешательства во внутриливонские дела, в частности, в споры по поводу «коадьюторского дела». Учитывая явную взаимосвязь этого дела с архивными изысканиями документов по протекторату, произведенными одним из ведущих его фигурантов, герцогом Прусским Альбрехтом, можно утверждать, что протекторство не было формальностью, но имело смысл как правовая категория, обладающая большим весом в силу своего древнего происхождения, а также императорского и папского авторитета. В расследованиях Альбрехта по протекторству надо особо отметить подчеркнутое внимание к Сигизмунду I именно как к великому князю Литовскому, и тому есть ряд причин. Во-первых, Литва не имела отношения к заключению Краковского договора 1525 г. и потому не ассоциировалась с секуляризацией и инкорпорацией Орденской Пруссии, в отличие от Польши, чьи действия вызывали в Ливонском ордене негативную реакцию. Во-вторых, Великое княжество Литовское имело более давние и интенсивные связи с государствами Ливонской конфедерации, нежели Польша, и куда активнее участвовало в судьбе Ливонии. Также следует учитывать намерение Сигизмунда I крепче привязать Ливонию именно к Литве, о чем уже говорилось в предыдущем параграфе.

Очередной раунд борьбы Рижского архиепископа и Ливонского Ордена в конце 20-х – начале 30-х гг. XVI в. вновь сделал актуальным вопрос о протекторате-консерватуре. Характерной особенностью этого момента стало то, что на роль протектора Рижской епархии попытался заявиться герцог Прусский, стремившийся таким образом узаконить назначение своего брата Вильгельма Бранденбургского коадьютором Рижского архиепископа. В этом качестве герцог Альбрехт фигурирует в договоре о взаимопомощи с архиепископом Томасом Шонингом 1529 г., и это был первый случай упоминания протекторства-консерватуры не в декларативном, а в юридическом документе, причем в контексте вполне конкретных обязательств договаривающихся сторон. Судя по всему, тем самым Альбрехт

привлек к данной теме внимание своего сюзерена, Сигизмунда I, поскольку тот вскоре сам решил выступить как протектор Рижской епархии, и герцог безропотно уступил ему это звание, занявшись поиском обоснований правомочности польского короля пользоваться соответствующими прерогативами. По мере знакомства с копиями и оригиналами древних правовых актов о протекторстве стал понятен скрытый потенциал этого концепта, при должном использовании способного стать эффективным инструментом ливонской политики польско-литовских государей. В своей корреспонденции Альбрехт отмечал, что «цель и объем использования королём своей защитно-государственной функции невозможно определить»²²⁹, что предоставляло тому фактически неограниченные возможности влияния на ливонские дела. Факт его вмешательства в избрание рижского коадьютора породил у членов Ордена и ливонского рыцарства сильные опасения, что за назначением Вильгельма последует заключение неравноправного союза Ливонии с Сигизмундом I, а затем и установление зависимости от Польско-Литовского государства²³⁰. Видимо по этой причине ливонские сословия поначалу проигнорировали положения данного права, а затем попытались оспорить полномочия протекторов в коадьюторском деле²³¹. Как показало время, их опасения были отнюдь не безосновательными, однако внешне- и внутривполитическая ситуация,

²²⁹ «...als das sich ire mt. das Juris Conservatorj anders wen es wer alters herkomen oder irer mt. geburen muchte gebrauchen, were auch freunde zuhoren, das man ire mt. so eden zil und maß furschreiben wille, wie dan der artickel lautet, wie wen ire mt. sich des Confirmatory anmassen und gebrauchen solde». Bedenken zu den eingebrachten Abschiedsartikeln auf dem Wolmarer Landtag. Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1787. S. 2a.

²³⁰ Schreiben der Ritterschaft des Erzstifts Riga an die Ritterschaften der andern Stifte, auch in Harrien und Wierland, die ursachen der Berufung des Markgrafen Wilhelm zum Coadjutor des Erzbischofs Thomas betreffend. 1530 // MLA. Bd. 5. № 16. S. 158-160; Auszüge aus Briefen an den Herzog Albrecht vom Jahre 1530, den Erzbischof Thomas und den Coadjutor, Markgrafen Wilhelm, betreffend. 1530 // MLA. Bd. 5. № 17. S. 160-163.

²³¹ Bedenken zu den eingebrachten Abschiedsartikeln auf dem Wolmarer Landtag. Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1787. S. 1a-1b; Antwort der Ritterschaft des Erzstifts Riga, dem Botschafter des Herzogs Albrecht und Markgrafen Wilhelm, Mennicke v. Schierstädt. 15. Juni, 1530 // MLA. Bd. 5. № 19. S. 169-171; Antwort des Raths der Stadt Riga, dem Mennicke von Schierstädt, Landvogt auf Samland und Botschafter des Herzogs Albrecht, gegeben auf die Anzeige der Erwählung des Markgrafen Wilhelm zum Coadjutor, und das Anerbieten zur Vermittelung der Streitigkeiten zwischen der Stadt und dem Erzbischof. 24. Juni, 1530 // MLA. Bd. 5. № 20. S. 171-172; Aufsatz derjenigen Artikel, welche nach dem Beschluss der Ritterschaft des Erzstifts Riga, der zum Coadjutor erwählte Markgraf Wilhelm von Brandenburg, vor seiner Ankunft in Livland, versichern und versiegeln sollen. 25. Juli, 1530 // MLA. Bd. 5. № 26. S. 190-191.

позволившая Польско-Литовскому государству в полной мере воспользоваться потенциалом данного политико-правового концепта, сложилась в Ливонии лишь к середине XVI в.

Таким образом, последовав примеру своего вассала, герцога Альбрехта, Сигизмунд I использовал свой статус протектора для того чтобы принять непосредственное участие в разрешении коадьюторского вопроса в Рижском архиепископстве, поддержав выгодного для себя кандидата вопреки желанию Ордена и ливонских сословий. Это стало первым шагом к распространению влияния Польско-Литовского государства на ливонские земли, однако на тот момент проблема инкорпорации ливонской территории в состав Польско-Литовского государства еще не стояла. Возможно, сказалась неподходящая политическая обстановка, поскольку после заключения Краковского договора 1525 г. отношения Польши со Священной Римской империей всё еще оставляли желать лучшего и активная политика польского короля в землях, считавшихся имперским леном, вполне могла обернуться политическим кризисом²³².

²³² Historia dyplomacji Polskiej. S. 671-674.

§2. План инкорпорации.

В 1539 г. умер архиепископ Томас Шонинг, и его преемником, несмотря на сопротивление рижского магистрата, был провозглашен Вильгельм Бранденбургский (1539-1563). Ситуация несколько стабилизировалась лишь в октябре 1546 г. после подписания договора в Ноермюллене, согласно которому нового главу ливонской церкви официально утвердили как государя Риги без права духовной юрисдикции, поскольку подавляющее число рижан к тому времени уже исповедовали протестантизм²³³. Он оказался вынужден считаться с их скрытым противодействием, равно как и с отсутствием лояльности у формально подчиненных ему ливонских прелатов, которые стремились использовать образовавшийся вакуум власти в свою пользу²³⁴. В этой ситуации для архиепископа Вильгельма крайне важным стало сближение с новым королем Польши и великим князем Литовским Сигизмундом II Августом, а также с датским королем Кристианом III, к которым он обращался с просьбами поддержать Рижское архиепископство в качестве его протекторов. Апеллируя к древнему праву, он надеялся получить от своих покровителей защиту от своих многочисленных недоброжелателей и прежде всего от нападков Ордена, участвовавших в годы правления магистра Генриха фон Галена (1551-1557)²³⁵. Положение Ливонского ордена, являвшегося наиболее влиятельным среди ливонских ландсгерров, в 30-х – начале 60-х гг. XVI в. неоднозначно оценивается в историографии. Традиционным является представление о его глубоком кризисе, слабости и бесперспективности его

²³³ Karge P. Die Reformation und Gottesdienstordnung des Markgrafen-Erbischofs Wilhelm von Riga vom März 1546 // Mitteilungen aus der Livländischen Geschichte. Riga, 1924. № 22. S. 120-161; Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 16-20; Kühles J. Die Reformation in Livland - religiöse, politische und ökonomische Wirkungen. Hamburg, 2007. S. 35-42; Kasekamp A. A history of the Baltic states. Basingstoke-New York, 2010. P. 39-42; Lange T. Zwischen Reformation und Untergang Alt-Livlands. S. 141-146.

²³⁴ Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde. S. 276.

²³⁵ Форстен Г. В. Балтийский вопрос. Т. 1. С. 74-79.

дальнейшего существования²³⁶, однако в работах современных историков можно обнаружить мнение, что в то время он все еще не исчерпал своих возможностей в качестве ландсгерра и по-прежнему был способен исполнить ведущую роль в переустройстве ливонской государственности²³⁷.

Внешнее давление на Ливонию со стороны ближайших соседей к середине столетия стало еще более ощутимым, чем в его начале. Сохранялась угроза нападения со стороны Швеции и Дании, и в 1551 г. из-за слухов о возможной шведской агрессии в Ливонии проводились спешные военные приготовления²³⁸. Вполне реальные черты стала приобретать угроза вторжения со стороны России: во время русско-ливонских переговоров 1554 г. царь Иван IV Васильевич (1533-1584) выдвинул требование уплаты Дерптом «юрьевской дани», угрожая в противном случае начать войну²³⁹. Не в лучшем состоянии находились также отношения ливонского магистра с Польско-Литовским государством. Регулярные вооруженные нападения на приграничные литовские земли, организуемые комтуром Дюнабурга Вильгельмом Фюрстенбергом²⁴⁰ и аналогичные мероприятия в Ливонии,

²³⁶ Основой аргументации сторонников этой концепции является предрасположенность к консервации орденового уклада, проявившая себя в деятельности верховных магистров, начиная с конца XIV в., что привело к его внутреннему разложению, усугублявшегося внутренними раздорами: Форстен Г. В. Балтийский вопрос. Т. 1. С. 79-83; Королюк В. Д. Ливонская война. С. 22-23; Biskup M. Wendepunkt der Deutschordensgeschichte // Beiträge zur Geschichte des Deutschen Ordens (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 36). Marburg, 1986. S. 9-13; Górski K. Studia i szkice z dziejów Państwa Krzyżackiego. Olsztyn, 1986. S. 25; Arnold U. Reformansätze im Deutschen Orden während des Mittelalter // Reformbemühungen und Observanzbestrebungen im spätmittelalterlichen Ordenswesen. Berlin, 1989. S. 149-151; Davies N. God's Playground. New York, 2005. S. 116-117 и другие.

²³⁷ Ливонские сословия, выдвигая требования о секуляризации, не выступали против господствующего положения Ордена: Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde. S. 275; Kreem J. Der Deutsche Orden und die Reformation in Livland S. 49.

²³⁸ Bericht über das Einreiten des neuen Ordensmeisters Heinrich von Galen in Riga und andere Ereignisse. 1551 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1544. S. 1a-3b.

²³⁹ Шаскольский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. Сборник статей. М., 1961. С. 389-391; Selart A. Der «Dorpatener Zins» und die Dorpat-Pleskauer Beziehungen im Mittelalter // Aus der Geschichte Alt-Livlands: Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag. Münster, 2004. S. 11-37; Попов В. Е., Филюшкин А. И. Русско-ливонские договоры 1554 года. 2010 С. 109-130. Резкий тон царя касательно «юрьевской дани» нашел свое отражение и в материалах письменного архива герцога Альбрехта: Korrespondenz zwischen Zar Iwan IV. von Moskau und den livländischen Herren und Ständen. 1557/1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2185. S. 2a-32a.

²⁴⁰ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 4. Oktober, 1551 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1536. S. 1a-5b.

которыми прославился троцкий воевода Николай Радзивилл²⁴¹, придавали отношениям Ордена и Сигизмунда II Августа ощутимую напряженность. Проблема границы многократно поднималась в переписке²⁴², однако предложение Вильгельма об очередном определении границ посредством избранных комиссаров было отвергнуто ливонскими сословиями²⁴³. Очевидно, что сословия саботировали это начинание из-за участия в нем Вильгельма, католического архиепископа и подопечного польско-литовского монарха, а также родного брата герцога Альбрехта Прусского, которого многие в Ливонии воспринимали как ренегата²⁴⁴. Кроме того, архиепископ Вильгельм показал себя сторонником создания альянса, направленного против России, в который должны были войти Ливония, Польско-Литовское государство, Дания и Швеция, что, без сомнения, ухудшило бы отношения Ливонии с Россией, одним из главных ее торговых партнеров, и потребовало введения новых налогов, что шло вразрез с интересами ливонских сословий²⁴⁵. Помимо этого, Ливония, сохранявшая свое конфедеративное устройство, продолжала оставаться ареной политического соперничества ландсгерров, что дестабилизировало внутреннюю обстановку и по мере развития «битвы за Балтику» могло обернуться для страны серьезной угрозой.

Точное время появления плана инкорпорации Ливонии Польско-Литовским государством определить довольно трудно, поскольку, по

²⁴¹ Sigismundus, Rex Polonie, Valtero de Platenberg, Magistro Cruciferorum in Livonia. 1517 // Acta Tomicianae. T. 4. № 83. S. 127; Heinrich von Galen, Meister des Deutschen Ordens in Livland, an Erzbischof Wilhelm. 30. März // GStA PK, XX, HA HBA. № 1572. S. 1a-1b; Erzbischof Wilhelm an Heinrich von Galen, Meister des Deutschen Ordens in Livland. 9. April, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1573. S. 1a-1b; Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 18. Oktober, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1590. S. 1a-5b.

²⁴² Christoph Sturtz, Kanzler Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht. 27. Juli, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1581. S. 1a-2a; Herzog Albrecht an Christoph Sturtz, Kanzler Erzbischof Wilhelms. August, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1588. S. 1a-2a; Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 21. Januar, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1603. S. 1b-3a; Johann Wagner, Sekretär Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht. Mai/Juni, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1613. S. 1a; Johann Wagner, Sekretär Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht. 26. Juli, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1629. S. 1a-1b; Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 4. September, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA D. № 1699. S. 3a, а также другие.

²⁴³ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 21. Januar, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1603. S. 1a-3b.

²⁴⁴ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 7. August, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1634. S. 4b; Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 18. Juni, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2229. S. 3a.

²⁴⁵ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 21. Januar, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1603. S. 3b.

очевидным причинам, его существование держалось в тайне. Предложения такого рода высказывались еще в 1525 г.²⁴⁶, однако в качестве более-менее оформленной концепции такой план был предложен Сигизмунду II Августу герцогом Прусским Альбрехтом Бранденбургским лишь в 1552 г. во время их встречи в Крупишках и Брайтенштейне²⁴⁷. Во время переговоров Альбрехт предложил королю объединить Ливонию с Польшей, Великим княжеством Литовским и Пруссией на условиях сходных с положениями Краковского договора 1525 г.²⁴⁸ Сигизмунд II Август отнесся к этой идее весьма благосклонно, что послужило стимулом для её дальнейшей разработки, которая длилась примерно два года. В августе 1554 г. в Вильно прибыл один из доверенных лиц прусского герцога Асвер фон Брандт с секретным документом, содержащим доработанный план инкорпорации ливонских земель в Польско-Литовское государство²⁴⁹.

План прусского герцога заключался в том, чтобы с опорой на существующие прецеденты, связанные с протекторством польско-литовского государя над Рижской епархией, избрать для архиепископа Вильгельма коадьютором представителя какого-либо аристократического рода, что нарушало постановление (рецесс) Вольмарского ландтага 1546 г., запрещавшее избирать князя на указанную должность. Подобное назначение, с другой стороны, укрепило бы положение Вильгельма, хотя столь очевидное нарушение закона не могло не спровоцировать вмешательство со стороны Ордена, как это было в 1529-1530 гг., что давало Сигизмунду II Августу веские основания вмешаться в конфликт на правах протектора Рижского

²⁴⁶ Małłek J. Prusy Książęce a Prusy Królewskie w latach 1525-1548: studium z dziejów polskiej polityki księcia Albrechta Hohenzollerna. Warszawa, 1976. S. 102; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 393-395; Филюшкин А. И. Польско-пруссский план инкорпорации Ливонии в 1552-1555 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб., 2011. Сер. 2. Вып. 2. С. 24-25.

²⁴⁷ Die Berichte und Briefe des Rats und Gesandten Herzog Albrechts von Preussen Asverus von Brandt. Bd. 5. Hameln, 1953. № 201, № 202. S. 507-510; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 397-398; Филюшкин А. И. Польско-пруссский план инкорпорации Ливонии. С. 24-25.

²⁴⁸ Die Berichte und Briefe des Rats und Gesandten Herzog Albrechts von Preussen Asverus von Brandt. Bd. 5. Hameln, 1953 № 192. S. 481.

²⁴⁹ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. S. 29.

архиепископа²⁵⁰ и использовать эту ситуацию для разрешения приграничных споров с Великим княжеством Литовским²⁵¹. Предполагалось также привлечь к делу короля Дании Кристиана III, который получал прекрасную возможность потребовать от Ордена возвращения некогда принадлежавших Дании Гаррии (Харьюмаа) и Вирлянда (Вирумаа)²⁵², что должно было усилить ощущение политической изоляции и общей несостоятельности Ордена. Первичным результатом совместных усилий, по мнению герцога, должно было стать заключение союза между Ливонией и Польшей-Литвой, укрепление позиций архиепископа во внутриливонских делах и политическое ослабление Ордена, что вкупе с угрозой русского вторжения и давлением со стороны Дании убедило бы ливонские сословия добровольно принять помощь польского короля как протектора, после чего Орден был бы секуляризован, а Ливония включена в состав Польско-Литовского государства²⁵³.

В соответствии с планом, предложенным герцогом Пруссии, предполагалось избегать боевых действий, впрочем, необходимо было поддерживать видимость надвигающегося военного конфликта с Орденом, чтобы принудить его принятию выдвинутых коалицией условий. Возможность вооруженного противодействия Ордену принималась во внимание, поскольку в этом случае Сигизмунд II Август как протектор, обязанный защищать права и собственность своего подопечного, получал карт-бланш на использование против Ордена военной силы. Однако такой вариант признавался крайне нежелательным и был таким, в первую очередь, для Сигизмунда II Августа. План назначения коадьютора, зависящего от

²⁵⁰ Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 398-399; Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde. S.276-279; Филюшкин А. И. Польско-пруссский план инкорпорации Ливонии. С. 27-28.

²⁵¹ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 4. Oktober, 1551 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1536. S. 1a-5b; Johann Wagner, Sekretär Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht. Mai/Juni, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1613. S. 1a-2a; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 398-399; Филюшкин А. И. Польско-пруссский план инкорпорации Ливонии. С. 27-28.

²⁵² Die Berichte und Briefe des Rats und Gesandten Herzog Albrechts von Preussen Asverus von Brandt. Bd. 5. Hameln, 1953. № 194. S. 482-490.

²⁵³ Ibid.

дома Ягеллонов, идеально подходил политической стратегии Польско-Литовского государства, которое стремилось занять доминирующую позицию в Балтийском регионе и прежде всего в южной части Ливонии²⁵⁴. Рациональность предложения герцога заключалась еще и в том, что оно предполагало мобилизацию военных сил в Литве, а это было необходимо не только в целях возможного вооруженного конфликта с Орденом, но также ввиду очевидной активизации России на ливонском и литовском направлениях²⁵⁵. Слабость этого проекта, отмеченная самим польским королем, заключалась в том, что сильное политическое давление со стороны Польско-Литовского государства могло подтолкнуть Ливонию к объединению с Россией²⁵⁶. Впрочем, с учетом требования выплаты русскому царю непосильной для ливонцев «юрьевской дани», вероятность этого была невелика. Последующие события доказали, что расчет на ухудшение отношений между Ливонией и царем, заложенный в основу прусского проекта, был весьма дальновидным.

Нельзя было также исключать, что Ливония, будучи довольно рыхлым государственным образованием с крайне нестабильной системой внутренних отношений, в условиях внешнего давления попросту развалилась бы на части, которые достанутся ближайшим соседям - Швеции, Дании или России²⁵⁷. В этой ситуации для Сигизмунда было крайне важно удержать под своим контролем Рижское архиепископство и город Ригу, представлявшие наибольшую ценность. Содействовать тому должен был бы все тот же статус протектора Рижского архиепископства, а также личные родственные связи архиепископа Вильгельма Бранденбургского и его коадьютора с польским

²⁵⁴ По мнению Э. Тиберга «ливонский вопрос» был тесно связан с борьбой за гегемонию в славянских землях, что предопределило большее значение южных регионов Балтики: Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 85-87.

²⁵⁵ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561 S. 145; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 68; Янушкевич А. Н. Ливонская война. С. 39-43.

²⁵⁶ Е. Олевник отмечает, что подобные действия также не вписывались и в планы герцога Альбрехта: Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 399.

²⁵⁷ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. S. 63-64.

королем. В конечном счете план был положительно принят Сигизмундом II Августом. Кроме того, в ходе переговоров Асвер дважды встречался с великим литовским канцлером Николаем Радзивиллом Черным²⁵⁸, но поскольку их встречи были строго конфиденциальны их содержание невозможно установить. Впрочем, учитывая степень вовлеченности рода Радзивиллов во внутренние ливонские дела и его роль в дальнейших событиях, вполне можно допустить, что во время этих встреч происходило обсуждение прусского плана инкорпорации Ливонии.

Таким образом, идея ликвидации Старой Ливонии, впервые проявившая себя после заключения Краковского договора 1525 г., в 50-е годы XVI в., приобрела вполне конкретные черты²⁵⁹. В своём письме к герцогу от 14 июля 1554 г. советник архиепископа Вильгельма Георг Таубе констатировал невозможность сохранения независимости Ливонии при существующих обстоятельствах и необходимость передать ее Польше-Литве, невзирая на ее статус имперского лена. По его мнению, Империи не оставалось ничего другого, кроме как смириться с тем, что ливонские земли в любом случае достанутся либо России, либо Дании, либо Польско-Литовскому государству²⁶⁰.

Архиепископ Вильгельм попытался воспользоваться сложной внешнеполитической ситуацией и на Вольмарском ландтаге 1554 г. предложил ливонским сословиям самим обратиться за помощью к Польско-Литовскому государству, заключив с ним союз²⁶¹. Его предложение было отвергнуто, и затем последовал весьма острый встречный вопрос, как поведет себя архиепископ в случае вторжения польско-литовских войск на ливонские земли? Ответ был дан вполне однозначно: в случае нарушения

²⁵⁸ Die Berichte und Briefe des Rats und Gesandten Herzog Albrechts von Preussen Asverus von Brandt. Bd. 5. Hameln, 1953. № 194. S. 488-490; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 398-399; Филюшкин А. И. Польско-пруссский план инкорпорации Ливонии. С. 27.

²⁵⁹ Mañek J. Prusy Ksiązęce a Prusy Królewskie w latach 1525-1548: studium z dziejów polskiej polityki księcia Albrechta Hohenzollerna. Warszawa, 1976. S. 102.

²⁶⁰ Georg Taube an Herzog Albrecht. 14. Juli, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1626. S. 2b-4a.

²⁶¹ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 21. Januar, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1603. S. 3b-4b.

магистром старой границы с Литвой или ущемления прав польского короля как протектора архиепископ и другие прелаты не будут оказывать поддержку Ливонскому ордену. Сближение архиепископа с его главным политическим противником, таким образом, представлялось маловероятным. Обостряла положение и позиция Сигизмунда II Августа, который настаивал на скорейшем проведении ревизии границы и возвращении захваченных Орденом литовских пограничных земель, угрожая в случае промедления применить «иные меры»²⁶². Любопытно что Вильгельм, памятуя о недавнем бойкотировании всех его инициатив, был готов согласиться на посредничество в вопросе о границах, но лишь в том случае, если ему будет предоставлено официальное ходатайство всех ливонских сословий, включая Орден, вместе с солидной суммой в 20 тысяч гульденов²⁶³.

В своем письме к Альбрехту от 7 августа 1554 г. Вильгельм охарактеризовал сложившееся положение, отметив рост напряженности в связи с проблемами литовско-ливонской границы, но вместе с тем выразив и некоторое облегчение ввиду того, что свою поддержку архиепископу и прусскому герцогу обещал датский король Кристиан III, в то время как Орден не располагал большим количеством солдат и крепостей, что давало надежду на его сговорчивость в вопросе о заключении с Польско-Литовским государством союзного договора или полного подчинения Ливонии Сигизмунду II Августу²⁶⁴. Однако надежды прелата не оправдались, и в 1555 г. Орден ратифицировал перемирие с Россией, запрещавшее Ливонии вступать в союз с противниками русского царя, в числе которых значилось и Польско-Литовское государство, что стало еще одним препятствием сближения Ливонии и Великого княжества Литовского на этом этапе²⁶⁵.

²⁶² Johann Wagner, Sekretär Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht. Mai/Juni, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1613. S. 1a-2a.

²⁶³ Johann Wagner, Sekretär Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht. Mai/Juni, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1613. 1b-2a.

²⁶⁴ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 7. August, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1634. 1a-3b.

²⁶⁵ Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 86.

Вероятность введения польских войск в Ливонию активно обсуждалась в дипломатической переписке²⁶⁶, но по-прежнему воспринималась как нежелательная мера, поскольку требовала большого вложения средств, которыми Сигизмунд не располагал²⁶⁷. Из-за особенностей политического строя Польско-Литовского государства изыскание королем средств на военные нужды было сопряжено с большими сложностями, вызванными сопротивлением большей части шляхты, не заинтересованной ни в чем, кроме дальнейшего расширения своих сословных привилегий²⁶⁸. Кроме того, главным стимулом для участия в военных предприятиях для польского и литовского дворянства могло стать только приобретение новых земельных владений, но на это не был готов пойти ни сам архиепископ Вильгельм, ни прочие ливонские сословия. Забегая вперед, можно сказать, что в итоге все они оказались в стороне от решения «ливонского вопроса», и дальнейшие события развивались в соответствии с проектом герцога Альбрехта, который предполагал создание посредством политических манипуляций острой кризисной ситуации в Ливонии, единственным выходом из которой стало бы ее присоединение к Польско-Литовскому государству²⁶⁹.

В документах из архива герцога Альбрехта можно обнаружить также упоминание и о других лицах, ответственных за создание внутренней смуты в Ливонии. Так, например, там есть указание на участие в событиях 1555-1556 гг. некоторых литовских магнатов и в особенности представителей семейства Радзивиллов²⁷⁰. На их активность в ливонских делах указывает и

²⁶⁶ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 21. Januar, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1603. S. 1b-4a; Johann Wagner, Sekretär Erzbischof Wilhelms, an Herzog Albrecht. Mai/Juni, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1613. S. 1a-2a; Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 7. August, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1634. S. 1b-2a; Bedenken Christoph Böttichers zu seiner Unterredung mit Herzog Albrecht. Frühjahr, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1671. S. 2b-4a; Erzbischof Wilhelm an Flerzog Albrecht. 22. August, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1698. S. 1a-3a; Die Erzbischof Wilhelm in Ronneburg übergebenen Bedenken König Sigismunds II. August. Januar/Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1771. S. 1a-3a, а также другие.

²⁶⁷ Stancelis V. The annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania. P. 24.

²⁶⁸ Sucheni-Grabowska A. Zygmunt August. S. 507-508.

²⁶⁹ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 7. August, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1634. S. 1a-3b; Филюшкин А. И. Польско-прусский план инкорпорации Ливонии. С. 28-29.

²⁷⁰ «...ire mt. sich gnediglich und frundlich erbotten dem hern Rad(zi)willen, fursten in Oliha und woywoden zur Wilna, auffzuladen (wie dan gescheen), weil s. h. dy empter an der Eyflendischn grenitzen halten, das do e. h.

тот факт, что в случае отсутствия или занятости короля дела Рижского архиепископа и коадьютора по поручению государя курировал канцлер Великого княжества Литовского Николай Радзивилл Черный²⁷¹, являвшийся, среди прочего, одним из самых последовательных сторонников независимости Литвы. Кроме того, Николай Радзивилл Черный имел в этом деле личный интерес, поскольку являлся владельцем большого числа земель в приграничной с Ливонией зоне и резонно был заинтересован в их преумножении²⁷². Для ливонских сословий была вполне очевидна его связь с организацией нападений на приграничные ливонские земли с целью грабежа и захвата собственности²⁷³, что, учитывая аналогичные действия Ордена по отношению к литовскому порубежью²⁷⁴, выглядит вполне правдоподобно. В похожем ключе по отношению к Ордену вел себя и шведский король Густав I Ваза, который в надежде на поддержку со стороны ливонцев, начал войну против русских, но потерпел поражение, заключив невыгодный для себя мирный договор²⁷⁵ и потому не испытывал тёплых чувств к магистру, не оказавшему ему помощи. Однако ключевой фигурой для реализации подготовленного плана инкорпорации все же должен был стать кандидат на должность коадьютора Рижского архиепископа.

ethwas beschwerlichs (vorsriffte oder sie sumsth rathe und holff bedorffen worden, das e.h. abwesens ko.mt. s.h. besuchen und ausprechen solte und mochte, der worde alles was moglich an stand irer ko. mt. aufrichthen und vortstellen, und nicht wieder dan ire mt.sollen thun worden treulich rathen, das sie aber vom Coadiutor des Meister(s) hat ergabenn werden, nicht tzweifelende, was und helkten, solichs haben s.h. sich gegen uns und e.h. trulich zuthun zum hohesten erbotten». Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 4. September, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA D. № 1699. S. 2a-2b; Heinrich von Galen, Meister des Deutschen Ordens in Livland, an Wilhelm von Fürstenberg, Koadjutor des Meisteramts in Livland. 14. Juli, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1866/1. S. 1a-2a.

²⁷¹ См. сноску 270.

²⁷² См. сноску 270.

²⁷³ Heinrich von Galen, Meister des Deutschen Ordens in Livland, an Erzbischof Wilhelm. 30. März // GStA PK, XX, HA HBA. № 1572. S. 1a-1b; Erzbischof Wilhelm an Heinrich von Galen, Meister des Deutschen Ordens in Livland. 9. April, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1573. S. 1a-1b; Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 18. Oktober, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1590. S. 3b-5b.

²⁷⁴ Sigismundus, Rex Polonie, Valtero de Platenberg, Magistro Cruciferorum in Livonia. 1517 // Acta Tomiciana. T. 4. № 83. S. 127; Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 4. Oktober, 1551 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1536. S. 1a-4b; Дэмаркация 1542 г. // LM-560/3. С. 17-23.

²⁷⁵ Arnell S. Die Auflösung des livländischen Ordensstaates. Das schwedische Eingreifen und die Heirat Herzog Johans von Finnland 1558-1562. Lund, 1937. S. 16; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 23.

§3. Проблема протекторства в контексте «коадьюторского дела».

Название «коадьюторская война» закрепилось в историографии за ярким и во многом показательным эпизодом ливонской истории, связанным с кризисом власти в 1556-1557 гг. В историографии она обычно рассматривается как заключительный аккорд противостояния Ливонского ордена и Рижских архиепископов в борьбе за политическое лидерство внутри Ливонской конфедерации, осложненной вмешательством ряда европейских государств и назреванием вооруженного конфликта Ливонии с Россией²⁷⁶. Внешне этот внутриливонский конфликт напоминает тот, что имел место в 1529-1530 гг., поскольку в обоих случаях поводом послужило избрание архиепископом Рижским своего коадьютора, соправителя и последующего преемника, из лиц княжеского происхождения. Прецедент, созданный избранием на эту должность маркграфа Вильгельма Бранденбургского в 1529 г., породил раскол среди ливонских ландсгерров и сословий, чьи отношения и без этого были напряженными вследствие влияния Реформации, а также оптимизировал условия для вмешательства иностранных государей, герцога Прусского Альбрехта и короля Сигизмунда II Августа, во внутренние дела Ливонии. В одном из предыдущих разделов уже говорилось о том, что именно тогда польско-литовский государь впервые опробовал на практике обращение к статусу протектора Рижской епархии для усиления своего влияния в Ливонии и сумел добиться успеха. События 1556-1557 гг., отчасти напоминая ситуацию 1529-1530 гг., все же отличались по своему смысловому наполнению, что помимо прочего дает возможность проследить изменение содержательного наполнения понятия «протекторства».

Первое упоминание о кандидате на коадьюторскую должность можно

²⁷⁶ Karwowski S. Wcielenie Inflant do Litwy i Polski. S. 21-33; Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 35-40; Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. S. 28-89; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 401-407, Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 85-95; Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 151-184.

обнаружить в письме архиепископа Вильгельма Альбрехту Бранденбургскому от 18 октября 1553 г., в котором, помимо соображений по поводу критической ситуации на границе между Литвой и Ливонией, он намекнул герцогу на его юного брата Кристофа Мекленбургского (1538-1592) и высказал намерение ходатайствовать перед императором о выдаче мандата, запрещающего Ордену и прочим ливонским прелатам препятствовать его избранию коадьютором²⁷⁷. Особо оговаривалась финансовая поддержка коадьютора со стороны датской Короны²⁷⁸. Мекленбургский герцог, заинтересованный в том, чтобы пристроить своего брата на должность и за счет этого расширить влияние своего дома в Ливонии, поддержал инициативу Рижского архиепископа²⁷⁹.

В конце декабря 1553 г. архиепископ Вильгельм подтвердил герцогу Иоганну Альбрехту свое решение и попросил его направить опытного человека к императорскому двору для противодействия возможным махинациям Ордена²⁸⁰. Письмо Вильгельма герцогу Прусскому от 4 января 1554 г. дает понять, что сопротивление ожидалось также со стороны капитула и сословий Рижского диоцеза, которые видели в назначении князя на должность коадьютора угрозу своим привилегиям и не желали создавать прецедент нарушения рецесса (постановления) Вольмарского ландтага 1546 г., запрещавшего подобные действия²⁸¹. К тому же, было понятно, что за представителем Мекленбургского дома стоит связанный с ним родством

²⁷⁷ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 18. Oktober, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1590. S. 1a-5b; см. также: Schirmacher F. W. Johann Albrecht I Herzog von Mecklenburg. Wismar, 1885. S. 286; Форстен Г. В. Балтийский вопрос. Т. 1. С. 73-74; Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. С. 149-151; Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 152-153.

²⁷⁸ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 18. Oktober, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1590. S. 1a-2a; Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 5. April, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1665. S. 2a-4a; Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 24. November, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1737. S. 1a-2b.

²⁷⁹ Schirmacher F. W. Johann Albrecht I Herzog von Mecklenburg. S. 286; Форстен Г. В. Балтийский вопрос. Т. 1. С. 73; Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 152-153.

²⁸⁰ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 29. Dezember, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1596. S. 1a-2a. Продвижением своего кандидата в Священной Римской империи и при папском дворе занимался также и герцог Альбрехт - Schirmacher F. W. Johann Albrecht I Herzog von Mecklenburg. S. 287-289, 337; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 402.

²⁸¹ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 29. Dezember, 1553 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1596. S. 1a-2a.

герцог Прусский²⁸², хлопотавший об одобрении кандидатуры Кристофа при папском дворе, а также польский король²⁸³. Последний весьма одобрительно отнесся к предстоящему назначению и всячески ему содействовал уже на первом этапе²⁸⁴. Сословия епархии, в свою очередь, равно как и Ливонский орден под руководством магистра Галена, отдавали предпочтение сближению с Россией, а не с Польско-Литовским государством²⁸⁵.

Поиском помощи со стороны европейских государей архиепископа заставило заниматься усиление Ордена, который сумел заручиться поддержкой епископов Дерпта и Эзеля, Германа Весселя и Иоганна фон Мюнгхаузена²⁸⁶, и проводил мероприятия по усилению своих вооруженных сил, о чем, в частности, сообщал герцогу Прусскому Альбрехту советник и доверенное лицо Вильгельма Георг Таубе²⁸⁷. В этой связи архиепископ вынашивал планы военной кампании против Ордена с участием Дании и Польши, которые, как значится в его инструкции Таубе, должны были совместно напасть на Ливонию и обеспечить капитуляцию гарриенско-вирляндского дворянства, а также Риги, Ревеля и Пернау. Необходимо было также во избежание осложнений усилить военное присутствие вдоль

²⁸² Кроме уже указанных документов, на это указывают материалы переписки прусского герцога и его брата Вильгельма: *Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht*. 18. Oktober, 1553 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 1590. S. 3a-5b; *Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht*. 5. April, 1555 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 1665. S. 1a-3b; *Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht*. 24. November, 1555 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 1737. S. 1a-2b; *Kirchner W. The rise of the Baltic question*. P. 35-36.

²⁸³ *Schirmmacher F. W. Johann Albrecht I Herzog von Mecklenburg*. S. 287-289, 337.

²⁸⁴ В частности, в 1554 г. в целях поддержки Кристофа Сигизмунд II Август организовал несколько посольств в Ливонию и Священную Римскую империю. Копии посольских инструкций сохранились в письменном архиве герцога Альбрехта: *Instruktion für den polnischen Gesandten an das Domkapitel zu Riga*. August, 1554 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 1638. S. 1a-7b; *Qualifikation und Werbung des in der Koadjutorsache nach Livland abzufertigenden polnischen Orators*. November, 1555 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 1729. S. 1a-6a; *Private Instruktion des polnischen Königs an Caspar Luntzki für dessen Sendung an das Rigaer Domkapitel*. Januar/Februar, 1556 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 1773. S. 1a-6b; *Nebeninstruktion für den an den Meister Heinrich von Galen abgeschickten polnischen Orator*. Januar/Februar, 1556 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 1773/1. S. 1a-4b; *Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde*. S. 283.

²⁸⁵ На это есть указание в материалах герцогского архива: *Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht*. 4. Januar, 1554 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 1599. S. 1a-3b; *Instruktion für den an König Sigismund II August von Polen abgeordneten herzoglichen Gesandten Ahasver von Brandt*. Juni, 1555 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 1690. S. 3b.

²⁸⁶ *Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht*. 3. Juni, 1554 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 1615. S. 1a-3a. Политическая изоляция архиепископа Вильгельма, в частности, привела к тому, что он не смог даже провести на должность Дерптского епископа своего протеже Петра фон Тизенхаузена и вынужден был смириться с избранием тесно связанного с Орденом Германа Весселя.

²⁸⁷ *Georg Taube an Herzog Albrecht*. 25. Juli, 1554 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 1628. S. 1a-2a.

литовской границы. По мнению Вильгельма, польско-литовский государь должен был взять Курляндию до Дюнабурга и Дюны поскольку «Орден в действительности не обладает достаточной силой <...> следует надеяться, что его подданные, видя его поражение, быстро поднимутся против [него]»²⁸⁸. На этот случай Альбрехт и Вильгельм изыскивали правовую лазейку, с помощью которой было бы возможно присоединить подданных Ордена к Польско-Литовскому государству²⁸⁹. Трудно сказать, подлежали ли все эти замыслы реализации или нет, но они бесспорно свидетельствуют о большой обеспокоенности касательно военных приготовлений магистра и весьма агрессивного настроения архиепископа в этой связи.

Неоспоримое доказательство ослабления позиций Ордена Вильгельм видел в инициативе комтура Дюнабурга Готхарда Кетлера и вице-канцлера Иоганна Фишера, высказавшихся, подобно самому архиепископу, в пользу присоединения Ордена к союзу с королем польским и прочими «могущественными людьми», направленному против Москвы²⁹⁰. Также архиепископу стало известно, что ливонский магистр Гален собирается просить герцога Прусского о заключении договора с имперским магистром Вольфгангом Шуцбаром (1543-1566) об оказании помощи Ливонскому ордену²⁹¹. Крайне невыгодным для планов Вильгельма оказалось то, что датский король Кристиан III, начавший войну с Шотландией, не собирался вмешиваться в ливонские дела и потому предпочел отказаться от своих претензий на Северную Эстонию, сославшись на отсутствие прямого родства с Вальдемаром IV (1340-1375), продавшим эти земли Ордену в 1346 г., и даже закрыв глаза на вооруженные нападения Ордена в области Колк

²⁸⁸ Erzbischof Wilhelm an Flerzog Albrecht. 22. August, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1698. S. 2a-3a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

²⁸⁹ Erzbischof Wilhelm an Flerzog Albrecht. 16. Juli, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1693. S. 2a-9b.

²⁹⁰ Werbung des Meisters des Deutschen Ordens an Erzbischof Wilhelm durch seine Gesandten Gotthard Kettler, jetzigen Komtur von Dünaburg, und Johann Fischer, Vizekanzler des Deutschen Ordens. 5. Juli, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1693\2. S. 1a-3a.

²⁹¹ Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde. S. 281-282.

(Северная Эстония)²⁹².

Мысль о том, что устранение конфликта с Орденом потребует вмешательства иностранных государей, в корреспонденции Вильгельма Бранденбургского прослеживается почти повсеместно. И если надежды архиепископа на поддержку со стороны Дании оказались напрасными, они в полной мере оправдались в отношении Польско-Литовского государства. В 1554 г. Сигизмунд II Август направил рижскому капитулу посольство, снабдив его особой инструкцией, где отмечалось плачевное состояние архиепископства вследствие непрекращающихся интриг Ордена, который ныне стремится настоять на выборе для Рижской епархии своего коадьютора и тем самым заполучить власть над ней²⁹³. В этой связи король напомнил членам капитула, что он как великий князь Литовский на основании папских декретов, постановлений вселенских соборов и волеизъявления Рижских архиепископов выступает в качестве протектора-консерватора Рижского диоцеза, то есть обладает статусом, который после объединения Польши и Великого княжества Литовского перешел и к польскому королю. Исходя из этой обязанности и по просьбе подопечных, он решил «милостиво защитить почтенный капитул и всю Рижскую епархию во всех её прерогативах, свободах, благе и взять [их] под свою руку»²⁹⁴. Сославшись на прецедент участия своего предшественника как протектора в избрании коадьютором

²⁹² Werbung Herzog Albrechts bei Herzog Johann Albrecht von Mecklenburg in der Rigaer Koadjutorsache durch Christoph Bötticher, Sekretär Erzbischof Wilhelms von Riga. Mai/Juni, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA D. № 1670. S. 2a-14b; Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. S. 30-32; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 402.

²⁹³ «Als den obersten Aduarat aller Kerchen gelangen lassen, in was merglicher bauffelikeit das vilgemelte Erzstifte Riga sonderlich vor allen andern Kirchen und Bischofthumben zu Leifland I stunde und uei derselben bauffelikeit in kein ander wege mocht gerathen warden, dan das ihre Key-r mat. bei dem Capittel zu Riga, daran weren das durch dasselbe Capittel einer fürstliches geboren stams zu einem Ertzbischoffe irwele wurde, durch wem aber solichs damales behindert, hette sich das Capittel wol zu irinnern, damitte denne dem Capittel ahn ihrer herlikeit und freien Wahle nicht der geringst eintrag geschen». Instruktion für den polnischen Gesandten an das Domkapitel zu Riga. August, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1638. S. 2a-3a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

²⁹⁴ «Worneben sich dan ir ko. Mat. motu proprio selbst erbitten (darumb man sonsten viel wunders thun und lassen solte, dasselbe in weg zu bringen) das wird capittel und gantzer Ertzstift zu Riga bei solicher seiner herlikeit gedei und wolfart gnedigst zu schutzen und zuhanthaben, welchs man billig mit hogester dancksagung gegen Gott Almechtigen und diesselbe ko. mat. anzunehmen sich darnach zu richten und zu halten». Instruktion für den polnischen Gesandten an das Domkapitel zu Riga. August, 1554. // GStA PK, XX, HA HBA. № 1638. S. 5a-6b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

Вильгельма в 1529 г., Сигизмунд II Август положительно характеризовал Кристофа Мекленбургского и высказал надежду, что капитул изберет его на эту высокую должность, «чтобы быть в праве и всегда иметь убежище у его королевского величества»²⁹⁵. В инструкции король обещал «как природный консерватор и протектор <...> защищать и управлять ими»; в силу чего капитулу следовало «отказаться от всякого сопротивления в этих делах, сохранять преданность его королевскому величеству и тем самым обеспечить себе спасение и благоденствие», обещав, что «всем противникам грозит наказание»²⁹⁶. Факт же нарушения подобным назначением ливонской правовой нормы, зафиксированной в Вольмарском речессе 1546 г., Сигизмунд II Август оправдывал тем, что принятие речесса, запрещавшего избирать коадьютором природного князя, не было согласовано с ним как с протектором, вследствие чего соблюдать его он не намерен²⁹⁷. В обмен на поддержку в деле избрания коадьютора Рижского архиепископа польский король потребовал признания себя единственным протектором епархии с тем, «чтобы его королевское величество оказался свободен от переговоров и обязательств в отношении Московита»²⁹⁸. В свое отсутствие Сигизмунд передоверял ведение «ливонского дела» Николаю Радзивиллу Черному, чтобы тот «постарался сделать все необходимое <...> и ничего того, что не будет угодно его королевскому величеству»²⁹⁹.

²⁹⁵ «...ir zuflucht haben sollen, schutz und trost bei irer ko. Mat. stets zu befinden». Instruktion für den polnischen Gesandten an das Domkapitel zu Riga. August, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1638. S. 6b-7a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

²⁹⁶ «Do es auch widersachern leidt wehre» // Instruktion für den polnischen Gesandten an das Domkapitel zu Riga. August, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1638. S. 7b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

²⁹⁷ «Quod si inde (RPV) molestiae seu gravaminis aliquid imminet, nos pro fidei et munerii nostri debito in conservanda electione tali potentia auxilio et consilio ei non defuturos esse pollicemur» // Sigismund II. August, König von Polen, an Erzbischof Wilhelm von Riga. Juni, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1684. S. 1a; Sigismund II. August, König von Polen, an Erzbischof Wilhelm und Kapitel und Räte des Erzstifts Riga. Juni, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1686. S. 1a.

²⁹⁸ «...das man handlungen also richte, das ire ko. mt. des Muscowites frey sein» // Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 4. September, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA D. № 1699. S. 1b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

²⁹⁹ «...ire mt. sich gnediglich und frundlich erbotten dem hern Rad(zi)willen, fursten in Oliha und woywodon zur Wilna, auffzuladen (wie dan gescheen), weil s. h. dy empter an der Eyflendischen grenitzen halten, das do e. h. ethwas beschwerlichs (vorsriffte oder sie sumsth rathe und holff bedorffen worden, das e.h. abwesens ko.mt. s.h. besuchen und ausprechen solte und mochte, der worde alles was moglich an stand irer ko. mt. aufrichthen und vortstellen, und nicht wieder dan ire mt. sollen thun worden treulich rathen, das sie aber vom Coadiutor des

Из всего вышесказанного следует, что отказ короля Дании от участия в разрешении внутриливонских проблем был использован польско-литовским государем для обретения статуса единственного протектора Рижского архиепископства, что нашло благожелательный отклик у Вильгельма и Альбрехта Бранденбургского. Дебаты вокруг коадьюторства Кристофа Мекленбургского предоставили польскому королю возможность, подобно своему отцу в 1529-1530 гг., использовать этот рычаг для демонстрации своего права корректировать ливонскую политику и сдерживать самостоятельность ливонских сословий. Хочется также обратить внимание на тот факт, что архиепископ Вильгельм, как было сказано, «утрясал» вопрос о назначении своего коадьютора в империи (через герцога Иоганна Альбрехта Мекленбургского) и в папской курии (через герцога Прусского), и если последнее являлось обязательным в церковных делах, то первое определенно указывает на сохранение в Ливонии представлений об императоре как о ее «защитнике» (*Schutzpfleger*), существовавших там со времен крестовых походов³⁰⁰. В этом случае становится понятен акцент на пожаловании прав и обязанностей протектора Рижской епархии польско-литовским государям папами и императорами, который постоянно присутствует в их посланиях, касающихся этого вопроса.

Такова была обстановка, при которой в очередной раз после событий 1529-1530 гг. в Ливонии обозначился «коадьюторский вопрос». Кристоф прибыл в архиепископскую резиденцию Кокенгаузен 25 ноября 1555 г. в сопровождении мекленбургских советников, обер-секретаря Бальтазара Ганса, приданного ему герцогом Альбрехтом, и небольшого вооруженного отряда для отражения возможной враждебности со стороны Ордена³⁰¹, чего

Meister(s) hat ergabenn werden, nicht tzweifelende, was und helkten, solichs haben s.h. sich gegen uns und e.h. trulich zuthun zum hohesten erbotten». Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 4. September, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA D. № 1699. S. 2a-2b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

³⁰⁰ Hellmann M. *Altlivland und das Reich*. S. 61-75.

³⁰¹ Grefenthal B. *Liffländische Chronica*. S. 117; Olewnik J. *Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant*. S. 403.

опасался архиепископ Вильгельм³⁰². Его прибытие действительно ознаменовало собой новое обострение внутренней борьбы в Ливонии, начало которой положили споры по поводу Вольмарского рецесса 1546 г., запрещавшего ландсгеррам предоставлять административные должности лицам княжеского происхождения³⁰³. В этой связи надо обратить внимание на позицию герцога Альбрехта Прусского, который вел себя в коадьюторском деле крайне осторожно и удерживал брата от открытого конфликта с ливонскими сословиями, но в вопросе о Вольмарском рецессе, как это следует из инструкции герцогскому послу к Сигизмунду Августу от 1555 г., выступал за его отмену³⁰⁴. Тем самым он выступал на стороне короля польского, курфюрстов и князей Священной Римской империи, которые, по его словам, воспринимали рецесс как принижение своего достоинства. Среди доводов значилось и то, что избрание коадьютором, а затем и архиепископом персоны низкого происхождения неизменно сопровождалось усилением произвола Ордена³⁰⁵. В дискуссии следовало также принимать в расчет вероятность апелляции магистра к «Bulla Habitus» 1451 г., согласно которой церковную должность в Рижском архиепископстве мог получить лишь член Ордена³⁰⁶, что полагалось отклонить аргументом, что сам Орден в своей духовной жизни, делах и политике этому правилу не следует³⁰⁷. Вместе с тем, будучи уверенным, что назначение Кристофа Мекленбургского коадьютором и дальнейшее сближение Польско-Литовского государства, Пруссии и Ливонии ввиду нависшей над последней «русской угрозы» являются жизненной необходимостью³⁰⁸, Альбрехт не хотел предпринимать

³⁰² Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 7. August, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1634. S. 3a.

³⁰³ Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 36.

³⁰⁴ Instruktion für den an König Sigismund II August von Polen abgeordneten herzoglichen Gesandten Ahasver von Brandt. Juni, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1690. S. 1a-6b.

³⁰⁵ Instruktion für den an König Sigismund II August von Polen abgeordneten herzoglichen Gesandten Ahasver von Brandt. Juni, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1690. S. 4a.

³⁰⁶ Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde. S. 283.

³⁰⁷ Memorial in der Rigaer Koadjutorsache an Balthasar Gans, Obersekretär der Kanzlei Herzog Albrechts. Oktober, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1710. S. 1a-2a.

³⁰⁸ Instruktion für den an König Sigismund II August von Polen abgeordneten herzoglichen Gesandten Ahasver von Brandt. Juni, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1690. S. 5a.

решительных шагов прежде, чем получит одобрение протекторов архиепископства и своих родственников³⁰⁹. И здесь мы снова возвращаемся к теме протекторства. В скором времени рижский синдик Иоганн Ломюллер, посланный Вильгельмом в Вильно к воеводе Николаю Радзивиллу, доставил обещание Сигизмунда II Августа поддерживать кандидатуру Кристофа Мекленбургского посредством посольств и посланий³¹⁰. Однако члены капитула уклонялись от прямого ответа³¹¹. Вместе с тем усилия архиепископа все же принесли некоторые плоды, так как ему удалось вынести вопрос о пересмотре Вольмарского рецесса на суд других ливонских сословий. И хотя в конце декабря 1555 г. имя претендента на место коадьютора архиепископа Вильгельма еще мало кому было известно, решение о назначении следовало принять уже при следующей встрече капитула, то есть 24 января 1556 г.³¹² Тогда же предстояло определиться с полномочиями будущего коадьютора. Бальтазар Ганс в связи с этим выразил сомнение по поводу реальности совместного правления архиепископа, постоянно пребывавшего в разъездах, и его коадьютора, и настаивал на передаче Кристофу епископского двора в Риге и ряда должностей при сохранении за Вильгельмом юрисдикции и прочих прерогатив, полагающихся ландсгерру³¹³.

30 декабря 1555 г. в Роненбург прибыл польский посол Каспар Ланский для переговоров с архиепископом, магистром, капитулом, а также мекленбургскими и прусскими послами³¹⁴. В архиве герцога сохранилась

³⁰⁹ Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 2. November, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1716. S. 3a.

³¹⁰ Von Johann Lohmüller im Namen des polnischen Königs verfaßtes Memorial an Erzbischof Wilhelm. November, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1724. 1b-2a; Von Johann Lohmüller im Namen des polnischen Königs verfaßtes Memorial an den Meister in Livland. November, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1725. S. 2a-2b; Memorial der von Johann Lohmüller überbrachten Werbung an Nikolaus Radziwill, Herrn auf Olyka und Woiwoden von Wilna. November, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1727. S. 1a-1b; Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde. S. 283.

³¹¹ Balthasar Gans, Obersekretär der Kanzlei Herzog Albrechts, an Herzog Albrecht. 8. Dezember, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1740. S. 2a-3b.

³¹² Balthasar Gans an Herzog Albrecht. 30. Dezember, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1749. S. 2a-3b; Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde. S. 284.

³¹³ Vor den kaiserlichen Kommissarien geschlossener Vertrag zwischen Erzbischof Wilhelm von Riga und dem Domkapitel einer- und der Stadt Riga andererseits. 16. Dezember, 1551 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1542. 1b-6a.

³¹⁴ Schirrmacher F. W. Johann Albrecht I Herzog von Mecklenburg. S. 340-341; Bergengrün A. Herzog Christoph von Mecklenburg. S. 45; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 404.

рукописная копия инструкции, данной ему королем³¹⁵, в комплексе с дополнительной инструкцией³¹⁶ и указанием по порядку ведения диспута о коадьюторе³¹⁷. Вступление к инструкции Ланскому представляет собой перечисление старых заслуг Рижского архиепископства, «которое некогда называлось епископством Ливонским и первоначально являвшееся государем всей Ливонии», однако, из-за козней Ордена пришедшее в упадок, вследствие чего «Папы и всеобщие соборы <...> назначили великого князя Литовского консерватором и протектором, а в позднейшие времена протекция над Ливонией была передана королю Польскому», что признавали архиепископы Риги Иоганн Бланкенфельд и Томас Шонинг³¹⁸. Польский посланник в первую очередь должен был конфиденциально обсудить с Вильгельмом предстоящие переговоры на предмет возможных изменений данных ему инструкций. Первостепенной его задачей оставалось убеждение членов соборного капитула в необходимости свободных выборов коадьютора и признания ими за польским королем прав консерватора и протектора; в этом случае «капитул со всем рижским диоцезом и с его округой окажутся в сфере единственной и законной королевской власти <...> и легко будет потом это дело у самого Папы, его императорского величества и у духовенства Империи и Ливонии привести к наилучшему исходу»³¹⁹. Для этого

³¹⁵ Private Instruktion des polnischen Königs an Caspar Luntzki für dessen Sendung an das Rigaer Domkapitel. Januar/Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1773. S. 1a-6b.

³¹⁶ Nebeninstruktion für den an den Meister Heinrich von Galen abgeschickten polnischen Orator. Januar/Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1773/1. S. 1a-4b.

³¹⁷ Qualifikation und Werbung des in der Koadjutorsache nach Livland abzufertigenden polnischen Orators. November, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1729. S. 1a-6a.

³¹⁸ «Summi itaque Pontifices, ac Concilia generalia hac merito perpendentes, Archiepatij illi Magnum Lithuaniae ducem, tanque vicinum in Conservatorem protectoremque constituerunt, Livoniae protectio postea temporis in Regem Poloniae, ut magnum Lithuaniae Ducem permirorparationem scilicet eius Magnj ducatus, eum Regno Poloniae devoluta est. <...> Quod quidem agnoscentes Revendissimj Dnj Joannes Blanckfeldus et Thomas Schoningeus, ac deinde Ill.mus princeps, dns Wilhelmus, Archiep.j Rigen., nostris temporibus predictum Poloniae regem, atque suum certum et legitimum conservatorem protectoremque, protuitione dominij inriumque et privilegior. eiusdem Archiepi.patus interpellarunt». Private Instruktion des polnischen Königs an Caspar Luntzki für dessen Sendung an das Rigaer Domkapitel. Januar/Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1773. S. 1a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

³¹⁹ «...et adhio est Capitulum, cum tota Rigen. diacesi ac e regione nimirum illud solatium, et legitimum regium interesse» <...> «Haec si obtinentur apud Capitulum, facile erit postea totum hoc negotium tum apud summum pontificem, tum etiam apud S. Caes. M. reliquosque imperii Livoniaeque statiis ad oblatum exitum perdere». Private Instruktion des polnischen Königs an Caspar Luntzki für dessen Sendung an das Rigaer Domkapitel. Januar/Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1773. S. 1b-2a, 5a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

надлежало чтобы «господин архиепископ очень сильно постарался иметь консервацию и протекцию, чтобы его королевское величество в этом случае ими обладал, и чтобы прочие, к этому не имеющие отношения и не подчиняющиеся в том, были бы отстранены [от дела]»³²⁰. Избрание представителя княжеского рода на должность рижского коадьютора преподносится здесь как основной элемент плана возрождения величия Рижского архиепископства, который некогда был предложен римским императором Карлом V архиепископу Иоганну Бланкенфельду и изложен в его завещании³²¹. Преемник Бланкенфельда Томас Шонинг попытался воплотить этот план при поддержке герцога Альбрехта путем избрания коадьютором Вильгельма Бранденбургского, однако Орден открыто противопоставил себя этому избранию и дело оказалось на волосок от войны³²². Теперь же Орден стремится нарушить привилегию свободных выборов и избрать рижским коадьютором своего кандидата, чтобы «взять в свои руки все прочие епархии <...> и благословенное Рижское архиепископство вместе с его свободами и прерогативами взять под свою власть»³²³. Ланский должен был убедить капитул, что уже отец Сигизмунда II Августа выступал в защиту свободных выборов, а теперь он сам будет их защищать, а потому им нечего бояться предлагаемого благодеяния³²⁴, поскольку «ныне Господь отдает само их спасение в их руки, а также особое

³²⁰ «...der her Ertzbischoff ersucht, in vleisign aufsegung, conservation und protectation zuhaben, damit de ko. Mat. in dyssen falle zu erheben und die anderen zu derhalben kein interesse haben und sich dennach dorein zulassen understehn, abzuhalten». Qualifikation und Werbung des in der Koadjutorsache nach Livland abzufertigenden polnischen Orators. November, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1729. S. 1a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

³²¹ «Als des her Iohannes Blankenfelt, hochstlichen gedechnid Ertzbischoffe desselben stiftes in segnen letzten, da her desselben seins Ertzstifts heche nuttorft und bestes myt hochstem gewyssen, bedacht und weder itzige keyserliche mat., als des ebeist heubt der geistliheit und hochsten advetus aller kirchen gefugen lassen, in wes mechtichte bine fellikeit des vilgemehr Ertzstifte Rige underlich vor allen unden kirchen und bischofthumen zu Leifland, stunde und wie derselben baufellikeit in kein ander wege machtgeratten warden, dan des ir key. Mat. bei dem wird». Qualifikation und Werbung... November, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1729. S. 1b-2a.

³²² Qualifikation und Werbung... November, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1729. S. 2a-2b; Private Instruktion des polnischen Königs an Caspar Luntzki... Januar/Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1773. S. 1a-3a.

³²³ «...die andere stifte zu Ihrer hant haben <...> und also zu dem das loblich. Ertzstifte zu Rige vellent umb seine freiheit und herlikeit under ihren gewalt zu bringen». Qualifikation und Werbung... November, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1729. S. 2b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

³²⁴ Private Instruktion des polnischen Königs an Caspar Luntzki... Januar/Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1773. S. 4b-5a.

Божье соизволение через настоящего короля Польского, который ныне больше, чем его великие предки, по их винам призван осуществлять консервацию и протекцию <...>, чтобы он капитул и всю Рижскую архиепархию с ее прерогативами, имуществом и благами при необходимости защищал и управлял ею»³²⁵.

В случае сопротивления капитула польский посол должен был руководствоваться дополнительной инструкцией³²⁶, в которой речь идет о методе ведения диспута о свободных выборах и уместной системе аргументов. Так, например, если капитул откажет Кристофу в избрании, ссылаясь на необходимость договоренности с магистром Ордена, Ланскому надлежало лично прибыть к нему чтобы для дальнейших переговоров. Послу строго наказывалось «в отношении прочих врагов упомянутого архиепископства, и в особенности против благословенного дворянства, ничего даже в малой степени враждебного не предпринимать»³²⁷. Противодействие Ордена следовало нейтрализовать ссылкой на постановления пап, даровавших Рижскому архиепископству право свободных выборов и протекторов, чье указание и пожалование, особенно в делах церкви, считается выше прочих³²⁸. Если же капитул согласится с избранием Кристофа, «то не важно будет, ответил ли господин магистр или

³²⁵ «Nu fuget got und betugt selbst ir hall zu iren henden, auch gotes sonderlichen schickung durch jtzige ko. Mat. zu Polen, welcher itzwes mehr und weiter dan seine kon. Mat. forfarn dises Ertzstiftes mechtige allhande not, wegen irer schulden conservation und protection thut besettigen und ihnen die eins nottorft gnedigest vorschlagen <...> das wir. Capittel und gantzen Ertzstifte zu Rige bei solcher seiner herlikeit, goden und wolfart nodigest zu schutzen und zuhandhaben». Qualifikation und Werbung... November, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1729. S. 2b-3a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

³²⁶ Nebeninstruktion für den an den Meister Heinrich von Galen abgeschickten polnischen Orator. Januar/Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1773/1. S. 1a-4b.

³²⁷ «Da sich aber das Capit. hirin beschwelich machen wolte, solichs auserhalbe vorwisen und wolbart der andern hern und stende zu leifland von wegen der bescheven bevelligung vorzu nehmen, da jegen hette sich der ko <...> liche orator, vormoge seiner neben instruction und seiner selbst vorstandnis und geschicklichkeit nach zu halten». Nebeninstruktion für den an den Meister Heinrich von Galen abgeschickten polnischen Orator. Januar/Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1773/1. S. 1a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

³²⁸ «...die ko. ma. zu polen als ein grosfurst zu Littauen mit grosen fug und rechte wider solich vermeinte unbillige bewilligung ein rad zuthun, schuldig sein, nachdem dieselbe bewilligung auserhalbe bebstlicher heilicheit und gemeinen consiliis und irer ko. Ma. vorwissen und volbort geschen und who ir ko. ma. hirzu wissend sul schweigen, wusten solichs zu k. ma. Bei babstlicher heiliheit gemeinen consiliis, Romischen Reiches, allen Ko.matt.en unnd potentaten der christenheit nicht zuvor anthworten». Nebeninstruktion für den an den Meister Heinrich von Galen abgeschickten polnischen Orator. Januar/Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1773/1. S. 2b-3a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

нет», поскольку его королевское величество пребывает в намерении полностью исполнить свой долг в отношении достохвального архиепископства, и потому ему не нужно ожидать решения в отношении Рижской архиепархии от других господ и сословий³²⁹. Сомнения ливонских сословий и возможное требование отказаться от статуса протектора надлежало отклонить на том основании, что предыдущие архиепископы просили и признавали консерватором для себя и своего архиепископства отца Сигизмунда Августа, Сигизмунда I, а потому все епископства и Немецкий орден в Ливонии должны подчиниться требованию папского свята́йшества о консервации³³⁰.

Таким образом, основу аргументации в защиту свободных выборов коадьютора и прочно с ними связанных прерогатив протекторов составляли, во-первых, древность права протекторства, унаследованного польским королем от своих предков, во-вторых, его происхождение от высших политико-правовых инстанций католического мира - пап, императоров и церковных соборов и, в-третьих, санкция Рижских архиепископов. Любопытно отметить, что в этой инструкции, как и в ряде других документов, указано, что изначально протекторство было даровано великому Литовскому князю и лишь позже перешло к польским королям. Однако привилегия императора Карла IV, о которой говорилось в одном из предыдущих разделов, прямо свидетельствует, что польские короли получили данную привилегию гораздо раньше, при Генрихе VI, то есть в конце XII в., когда на тот момент языческая Литва никак не могла выступать в качестве покровителя и защитника католической епархии.

Важным моментом аргументации было также упоминание исторического прецедента, касающегося намерения архиепископа Иоганна Бланкенфельда назначить своим коадьютором персону княжеского звания и

³²⁹ Qualifikation und Werbung... November, 1555 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1729. S. 4a-4b.

³³⁰ Nebeninstruktion für den an den Meister Heinrich von Galen abgeschickten polnischen Orator. Januar/Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1773/1. S. 3a-3b.

его осуществления Томасом Шонингом путем избрания на эту должность Вильгельма Бранденбургского. Протектор в данном контексте позиционировался как бескорыстный арбитр, следящий за соблюдением прав архиепископов по их же просьбе, нарушение которых, равно как и непризнание полномочий протектора в этом вопросе, расценивалось как нарушение воли пап и императоров. Отдельно указывалось, что Ланский не должен ничего предпринимать и побуждать к действиям против врагов архиепископства, ограничиваясь дискуссией, вести которую надлежало в соответствии с доводами, приведенными в данной инструкции³³¹.

Ланский был благосклонно принят архиепископом, однако согласия с ним не достиг, поскольку Вильгельм настаивал на более жестком поведении в отношении магистра, в то время как посол, руководствуясь полученными инструкциями, полагал вести себя более мягко³³². После переговоров с архиепископом Каспар Ланский вместе с мекленбургскими советниками и Бальтазаром Гансом направился к магистру в Венден с намерением передать ему требование польского короля как протектора Рижской епархии признать коадьютором Кристофа Мекленбургского, однако встретил там неласковый прием³³³. В конечном счете ни Ланский, ни мекленбуржцы не получили четкого ответа на свое обращение³³⁴. Магистр Гален пожелал сделать это лишь после обсуждения проблемы на ближайшем ландтаге на том основании, что речь шла об официальных посланиях, требующих общего обсуждения³³⁵.

Между тем Альбрехт во время своего пребывания в Варшаве получил от Вильгельма и Ганса известие о том, что капитул готов поддержать

³³¹ Nebeninstruktion für den an den Meister Heinrich von Galen abgeschickten polnischen Orator. Januar/Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1773/1. S. 1b-2a.

³³² Balthasar Gans an Herzog Albrecht. 18. Januar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA D. № 1755. S. 2a-9a.

³³³ Так, например, ему не предоставили почетного места за столом, а сам магистр издевался над послом, силой заставляя его пить и унижая его (Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 153).

³³⁴ Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 405.

³³⁵ Balthasar Gans an Herzog Albrecht. 18. Januar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA D. № 1755. S.8b-9a.

кандидатуру Кристофа³³⁶, а 28 января 1556 г. выборы его в коадьюторы совершились³³⁷. Хуже дело обстояло с попытками убедить Орден и другие ливонские сословия признать результат выборов в обход Вольмарского рецесса 1546 г. во время работы ливонского ландтага, созванного 1 марта 1556 г. в Вольмаре³³⁸. На этом ландтаге архиепископ Вильгельм заявил сословиям, что без его уведомления и одобрения они не смеют принимать окончательных решений и что без насущной необходимости не стоит вызывать гнев князей своим отказом отменить Вольмарский рецесс. Он решительным образом опроверг обвинения сословий в том, что Кристоф намерен использовать коадьюторскую должность в угоду своим амбициям, а также отказал им в праве что-либо предпринимать в отношении держав-защитниц Рижской епархии, то есть Польши и Дании, поскольку они «и против одного единственного города [Риги] ничего не могли поделать». Сословия аргументировали свое право участвовать в делах церкви заслугами дворянства, рыцарства и городов в христианизации Ливонии, к которой князья отношения не имели, но архиепископ отклонил этот довод как лживую выдумку. Он пожелал также увидеть оригинал привилегии императора Фридриха II 1245 г., на который ссылались представители ливонских сословий, поскольку, по его словам, не мог вспомнить его содержание. Кроме того, Рижский архиепископ указал на практику приглашения представителей княжеских семей в состав конвентов других немецких епархий³³⁹.

В ответных «21 требовании», составленных от имени сословий, они оспорили право польского короля в качестве протектора Рижского

³³⁶ Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm und Herzog Christoph von Mecklenburg. 23. Januar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1760. S. 1a-1b.

³³⁷ Henning S. Liffländische Churländische Chronica. F. 5a-5b; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 86; Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 154.

³³⁸ Antwort von Erzbischof Wilhelm auf die Propositionen der Herren und Stände. 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1795. S. 3b-8a; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 405.

³³⁹ Antwort von Erzbischof Wilhelm auf die Propositionen der Herren und Stände. 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1795. S. 5b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

архиепископства участвовать в назначении князей на должности в Ливонии, поскольку это означало бы отделение Ливонии от Священной Римской империи, которой та принадлежала, и ее подвластность польско-литовскому государю. Сословия потребовали от Рижского архиепископа отказаться от претензии на единодержавную власть в Ливонии, восстановить свободы Дерптского и Эзельского епископств, сделать уступки протестантской Риге в сфере духовной юрисдикции и ограничить власть будущего коадьютора пределами Рижской епархии. Кроме того, Кристоф должен был признать старые и новые привилегии города Риги и обязаться не ущемлять привилегии немецкого дворянства, рыцарства и городов, за исключением случаев, когда это будет признано необходимым решением ландтага³⁴⁰. Особенно неприятным сословия нашли требование Вильгельма в будущем без уведомления Рижского архиепископа не вступать в соглашение с русским царем и не посылать к нему посольств, усмотрев в том его попытку осуществлять внешнюю политику себе во благо³⁴¹. В отношении Кристофа в конечном счете был принят компромиссный вариант – ландтаг признал его коадьютором, ограничив его власть «21 требованием», помимо прочего запрещавших ему производить секуляризацию архиепископства и заключать соглашения с Польско-Литовским государством, государь которого, по мнению ливонских сословий, не обладал властью в решении внутренних ливонских дел³⁴².

Своеобразным ответом на работу Вольмарского ландтага 1556 г. стал постатейный критический разбор «21 требования», произведенный герцогом Альбрехтом. В частности, относительно неправомерности присвоения Сигизмундом II Августом звания протектора, было указано, что «невозможно

³⁴⁰ Schlußartikel der Herren und Stände, die den erzstiftischen Gesandten in Wolmar übergeben worden sind. März, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1797. S. 2a-5b; Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 202-203; Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. S. 34.

³⁴¹ Bedenken des polnischen Königs zu den das Erzstift Riga betreffenden Fragen. Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1788. S. 3b.

³⁴² Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 405; Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 154.

определить цель и объем использования королём своей защитно-государственной функции» и что у того «нет возможности отказаться от права консерватории, дарованного ему и его предкам курией, императорами и королями»³⁴³, в то время как «Орден и другие сословия много раз нарушали рецесс 1546 г. из-за чего тот потерял свою силу; кроме того он без весомой причины исключает природных немецких князей <...> что нельзя было осуществлять без уведомления польского короля и прочих консерваторов»³⁴⁴. При посредничестве составителей этого документа Альбрехт призвал Вильгельма и Кристофа к сотрудничеству с польским королем, в частности, уступать ему в спорах о границе, поскольку «польский король не может отступать от вечного мира <...> который Орден часто нарушал»³⁴⁵, приводя в качестве примера рейды Фюрстенберга в Литву, «что не может быть искуплено одними лишь разговорами»³⁴⁶. Герцог также отметил, что «король может в качестве консерватора и соседа обеих сторон [Ордена и архиепископа] сделать много доброго и способствовать устранению разногласий», а также посодействовать в устранении угрозы со стороны России, от которой «во благо всего христианства была бы организована

³⁴³ «...als das sich ire mat. des juris Conservatorj anders, dan es vor alters herkomen oder irer mst. geboren mochte gebrauchen, wer auch freunde zuhoren, das man ir mst. so elten zil und muß furschreiben wulle, wie dan der artickel lautet, wie wen ire mst. sich des Confirmatorij anmassen und gebrauchen solde, da irer mst. wurde vilmehr durch solchenn furschlag des artickels di hand geschlossen. Nun kanten sich ire mst. das Conservatorij so van Bebsten, Kaysern und Kunigen i.k.mst. vurfuren vortrauet und bemuhen und nun auff ir. mst. geerbetten, keines wegs ausseten oder begeben, so belangte es ir ko. mst. nicht allein, sunder es ginge mehr konige, Chur- und fursten auch andre stende zum hochstenn an, wegen hetten auch di deutschen Chur- und fursten, graven und heren nicht eyn geringes interesse bey dyssem artickel, nemblich das der beschwerliche punkt des Wolmarischen Recesse». Bedenken zu den eingebrachten Abschiedsartickeln auf dem Wolmarer Landtag. Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1787. S. 1b-2a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

³⁴⁴ «...das auch der ordo und ander stende den gerumbten Recess anno 1546 selbst vilfeldig verbrachen, ane das allen recht arbeit und pilligkeit nach verbindig und konige, curfursten, fursten, graven und herren aus schlossen, solche und stenderlich das es am verwissen und bewilligung der ko. Mat. und anderer mit Conservatoren geschen können, <...> ausgefaret werden mag». Bedenken zu den eingebrachten Abschiedsartickeln auf dem Wolmarer Landtag. Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1787. S. 12b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

³⁴⁵ «...so kaum auch di ko. mt. <...> dem ewigen derhalben brede <...> geschwarnen fried, deme di ordischen inn vilen vast zu iren gehandelt auch absehen <...> solchs ist so geringe nicht als sich villeicht, dy ordenlichen dancken lassen, das es durch blasse underhandlung abgelegt und gesatet werdenn konnth». Bedenken zu den eingebrachten Abschiedsartickeln auf dem Wolmarer Landtag. Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1787. S. 5b-6a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

³⁴⁶ См. сноску 345.

устойчивая и вечная оборона»³⁴⁷.

С похожим предложением на Вольмарском ландтаге выступил ландмаршал Ордена Яспер фон Мюнстер, предложивший заключить с Польско-Литовским государством союз против России. Мюнстер старался отговорить магистра и Вильгельма фон Фюрстенберга от заключения невыгодного для Ливонии мира с Иваном IV без уведомления королей Польши и Швеции, сославшись на обычаи предков, которые предпочитали начинать войну и проливать кровь, нежели делать такие большие уступки русским. Неправильное поведение ливонцев якобы приведет к тому, что враги им будут угрожать как со стороны Литвы, так и со стороны России одновременно. Эти и похожие высказывания Мюнстера дали основания руководству Ордена подозревать его в измене и отказать ему в избрании коадьютором магистра – им стал его противник, настроенный против сближения Ордена с Польско-Литовским государством Вильгельм фон Фюрстенберг, который вскоре сменил на посту умершего магистра Генриха фон Галена³⁴⁸. Глубоко оскорбленный подобным решением, Яспер фон Мюнстер в мае 1556 г. попытался захватить крепость Дюнамюнде, но, потерпев фиаско, бежал в Вильно с расчётом добиться помощи у Сигизмунда II Августа, сближение с которым, как он полагал, могло спасти Ливонию от нависшей «русской угрозы»³⁴⁹.

Архиепископ грезил о совместном выступлении с польским королем, герцогом Альбрехта и ландмаршалом Мюнстером против Ордена, опорным

³⁴⁷ «...der gemynen Christenheit zu gute beständigen und ewigen widerstand gescheen». Bedenken zu den eingebrachten Abschiedsartikeln auf dem Wolmarer Landtag. Februar, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1787. S. 6b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

³⁴⁸ Henning S. Liffendische Churlendische Chronica. F. 6a-6b; Grefenthal B. Liffendische Chronica. S. 118; Fabricius D. Livonicae Historiae compendiosa series. S. 467; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 406-407.

³⁴⁹ Romanowski J. N. Wojna Zygmunta Augusta z zakonem inflanckim r. 1557. S. 336; Бессуднов Д. А. Враг моего врага: политическая позиция Яспера фон Мюнстера накануне Ливонской войны // Křižovatku Slovanů. Praha, 2015. С. 147-152.

пунктом для чего должна была выступить сильная крепость Дюнамюнде³⁵⁰. Вильгельм, так и не заручившись поддержкой среди сословий, по совету брата начал боевые действия, и польский король в ответ на просьбы все того же Альбрехта стал проводить военные приготовления в целях поддержки главы Рижской церкви³⁵¹. Но Орден также не тратил время впустую. Дюнабургский комтур Готхард Кетлер был тайно направлен в Империю, чтобы с помощью ганзейских городов вербовать войска, которые должны были быть доставлены в Ливонию по морю³⁵². В то же время Вильгельм и его союзники так и не смогли договориться об одновременном выступлении против своего недруга; Сигизмунд II Август, невзирая на все увещания, по-прежнему оставался в бездействии³⁵³. Здесь, по-видимому, обнаруживает себя влияние советников короля, которые были заинтересованы в мирном разрешении инцидента, поскольку насильственные действия Польши против Ливонского ордена могли вызвать возмущение имперских сословий, что дало бы повод имперскому магистру активизироваться в борьбе с Польшей за земли бывшего орденского государства в Пруссии. Не исключено, что поведение Сигизмунда II Августа, как считает С. Хартманн, объяснялось его недоверием к литовскому дворянству и опасением, что ситуация могла негативно сказаться на существующей унии Литвы с Польшей³⁵⁴. В полном соответствии с этой позицией находится изготовленная в начале мая 1556 г. инструкция для польских послов, отправлявшихся в Ливонию с целью склонить Вильгельма, Кристофа и магистра к мирным переговорам. Интересно содержащееся в ней указание на готовность римского короля Фердинанда I и герцога Юлих-Клевского Вильгельма V посредничать в

³⁵⁰ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 21. Januar, 1554 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1603. S. 2b-3a; Verzeichniss der Häuser und Ordensgebietiger in Livland. 1555/1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1711. S. 1a-2b; Grefenthal B. Liffländische Chronica. S. 117-118.

³⁵¹ Grefenthal B. Liffländische Chronica. S. 117.

³⁵² Henning S. Liffländische Churländische Chronica. F. 5b; Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde. S. 288-289.

³⁵³ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 8. April, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1814. S. 3a; Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 203.

³⁵⁴ Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde. S. 289.

переговорах польского короля с Ливонским орденом³⁵⁵.

Однако ход событий пресек на корню все мирные инициативы. Бегство опального ландмаршала, консолидация противников архиепископской партии, которая утратила поддержку сословий даже в пределах епархии, укрепление военного потенциала Ордена, и, как завершающий аккорд, 10 мая 1556 г. был захвачен курьер, посланный Вильгельмом к Альбрехту с письмами, которые раскрывали план его совместных действий с Сигизмундом Августом против Ордена³⁵⁶. 8 июня Рига заявила о неподчинении архиепископу, а 16 июня к ней присоединились ливонские епископы. Войска Ордена под командованием коадьютора Вильгельма фон Фюрстенберга быстро захватили важнейшие замки архиепископства и прежде всего Кокенгаузен, где 30 июня оказались пленены архиепископ Вильгельм и коадьютор Кристоф³⁵⁷. Согласно посланию магистра Генриха фон Галена герцогу Альбрехту³⁵⁸, архиепископ отказался принять «ноту об отречении», подготовленную для него советниками, и в этой связи не вполне понятно, был ли он официально отрешен от власти или нет. Касательно плененного коадьютора, можно отметить, что он находился в лучших условиях в замке Трейден, как показывает его письмо к матери, герцогине Анне³⁵⁹. Магистр Генрих фон Гален, оказавшийся в роли победителя, переключил свое внимание на прусского герцога Альбрехта, стремившегося повлиять на дальнейшую судьбу своего брата, Вильгельма³⁶⁰. В вину герцогу Альбрехту магистр ставил попытки настроить польского короля против Ливонии и призвал ливонские сословия держать оборону против вражеского

³⁵⁵ Instruktion für den polnischen Gesandten. 2. Mai, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1817. S. 2b; Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 37-38.

³⁵⁶ Henning S. Liffendische Churlendische Chronica. F. 5b-6a; Grefenthal B. Liffendische Chronica. S. 117-118.

³⁵⁷ Henning S. Liffendische Churlendische Chronica. F. 7a-7b; Grefenthal B. Liffendische Chronica. S. 118; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 86; Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde. S. 290.

³⁵⁸ Heinrich von Galen, Meister des Deutschen Ordens in Livland, an Herzog Albrecht. 8. Juli, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1858. S. 2a-3b.

³⁵⁹ Herzog Christoph von Mecklenburg an seine Mutter, Herzogin Anna von Mecklenburg. 20. Juli, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1873. S. 1a-2b.

³⁶⁰ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. S. 34, 40-45.

вторжения, параллельно настраивая прусское дворянство против их господина, обвинив Альбрехта в агрессии по отношению к «оплоту христианства», то есть к Ливонии³⁶¹.

Видя полный провал планов архиепископа, Сигизмунд II Август проявил желание возобновить переговоры с Орденом и для этой цели вновь направил в Ливонию Каспара Ланского с тайными инструкциями. Однако по дороге тот был перехвачен отрядом розитенского комтура Вернера Шалль фон Белля и убит при попытке бегства, а секретные документы попали в руки Ордена³⁶². Содержимое этих бумаг прямо свидетельствовало о военных приготовлениях архиепископа и прусского герцога, направленных против Ордена, и также свидетельствовали об участии в том Сигизмунда II Августа. Случившееся сильно накалило обстановку, поскольку Польско-Литовское государство не могло оставить безнаказанной гибель своего дипломата³⁶³, в то время как Орден имел в своем распоряжении достаточно убедительных доказательств участия польско-литовского государя в заговоре Вильгельма³⁶⁴.

В сложившейся ситуации представители немецких князей предложили соперникам для урегулирования конфликта прибегнуть к третейскому суду датского короля. Предложение было отклонено, однако открытый конфликт все же удалось предотвратить³⁶⁵. В ноябре 1556 г. в Ливонию с предложениями мира прибыли датские послы, пытавшиеся вступить за архиепископа перед Орденом, но без особого успеха³⁶⁶. Попутно они посетили польского короля Сигизмунда II Августа и герцога Альбрехта, но польский король отказался от мирного урегулирования конфликта, выразив

³⁶¹ Heinrich von Galen, Meister des Deutschen Ordens in Livland, an den preußischen Adel. 5. Juli, 1556 // GStA PK, XX, HA HBA. № 1854. S. 2a-6a.

³⁶² Grefenthal B. Liffendische Chronica. S. 118; Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 38.

³⁶³ Henning S. Liffendische Churlendische Chronica. F. 7a.

³⁶⁴ Henning S. Liffendische Churlendische Chronica. F. 6b-7a.

³⁶⁵ Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 156.

³⁶⁶ Henning S. Liffendische Churlendische Chronica. F. 8b.

готовность выступить против Ордена при помощи войска³⁶⁷. Однако он явно лукавил - силовое решение ситуации по-прежнему было крайне нежелательно, поскольку могло подтолкнуть ливонские сословия к сближению с Россией; в то же время ведение войны требовало денег, необходимых для противодействия Ивану IV³⁶⁸. В итоге польско-литовский государь решил ограничиться демонстрацией силы, и летом 1557 г. польско-литовские войска под командованием Николая Радзивилла и отряды из Пруссии выдвинулись к ливонской границе и осуществили вылазку в районе Паланги³⁶⁹.

28 августа 1557 г. был подготовлен документ об объявлении войны Ордену, в котором Сигизмунд II Август обвинил магистра и Орден в том, что они «самовольно пошли на почтеннейшего господина Рижского архиепископа, нашего вассала (sic!) и двоюродного брата, несправедливой войной и незаслуженно пленили его и его владения, затем же вы преумножили [обиды] и нам самим, а именно, к старой обиде за наши границы, захваченные вами, добавились следующие», а именно, убийство Ланского, захват торговых кораблей под Дюнабургом, набеги ливонцев в приграничной зоне, в силу чего «как того требует наша честь и достоинство <...> по долгу протекции и братских уз, так и по поводу нарушения наших прав <...> мы постановили начать войну»³⁷⁰. По мнению К. Расмуссена, появление этого документа было вызвано осложнениями в переговорах с

³⁶⁷ Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 157.

³⁶⁸ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. S. 63-64.

³⁶⁹ «...kann ich underthenigklich mich vorhalts nach dem ich tzeitunge aus Leyfflandt gekohmen, wie das die gebietiger inn Curlanndt ihr volck, welchs sie hinder inenn lande gelassen habenn, dasselbe volck sollenn sie vullume hernoch bekorderet habenn zum hauffenn unnd soll auch warhafftingk sey, das der woiwode vann Polotzk einen Einfall inn Eyfflandt soll gethun habenn, unnd das das wahr sey. So ist der amptmann vann Palangen mit darbey gewesen werbher dann inn kurtz vierschienenn dagenn ein anzall viehns nach palangenn hatt dreibenn lassenn, zu denn so hat gemeldter amtmann sich geschrieben, das sie ettlich meyll weyts, hienein gestreiffet habenn, welches denn sonder allenn <...> E.G auch wolbewiest ist». Albrecht von Perbandt, Hauptmann von Memel, an Herzog Albrecht. 9. September, 1557 // GStA PK, XX, HA НВА. № 2087. S. 1a-1b; Grefenthal B. Liffländische Chronica. S. 120-121; Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. S. 70-71.

³⁷⁰ Цитата из документа приведена по переводу из совместной публикации А. И. Филюшкина и В. Е. Попова: Попов В. Е., Филюшкин А. И. Как начиналась Ливонская война? С. 198-199.

имперскими представителями³⁷¹, но не исключено, что тем самым король хотел оказать давление на ливонские сословия, сделав их более покорными своей воле в коадьюторском вопросе и таким образом реализовать свое право протектора, о котором он не уставал повторять в своей корреспонденции. Однако силовая акция возмутила императора, который потребовал от Сигизмунда II Августа и Альбрехта решить проблему мирными средствами³⁷². После этого король выступил с предложением мира на условиях освобождения архиепископа, возвращении ему захваченного Орденом имущества и возмещения расходов Польско-Литовского государства, включая содержание войск³⁷³.

Ситуация для Ордена складывалась неудачно, поскольку сил для отпора Сигизмунду II Августа не было. К тому же, ощутимо возросла угроза со стороны России³⁷⁴, а 30 мая 1557 г. скончался старый магистр Генрих фон Гален. В итоге Орден был вынужден принять предложение Сигизмунда II Августа, освободить Вильгельма и Кристофа, а также пойти на заключение ряда договоренностей. 14 сентября 1557 г. был подписан Позвольский договор, состоящий из нескольких отдельных соглашений³⁷⁵. Общее содержание этого документа уже получало освещение в исторической науке, однако обойти его вниманием мы не вправе, поскольку он неотрывно связан с заявленной проблематикой.

Первая часть договора представляет собой постановление о реституции архиепископа Вильгельма и его коадьютора, согласно которому те восстанавливались во всех своих должностях, а Кристоф признавался коадьютором Рижского архиепископа. Небольшой дипломатической

³⁷¹ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. С. 84.

³⁷² Grefenthal B. Liffländische Chronica. S. 119.

³⁷³ Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 158-160.

³⁷⁴ Бессуднов Д. А. Начало Ливонской войны в свете ливонских посольских дневников 1557 г. // Одиссос. Актуальные проблемы истории, археологии и этнологии. Одесса, 2012. С. 541.

³⁷⁵ Unter Vermittlung der Reichsgesandten geschlossener Friedensvertrag zwischen dem König von Polen einer- und dem Meister und den livländischen Ständen andererseits. 5. September, 1557 // GStA PK, XX, HA HBA, № 2084. S. 1a-4b; Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 38, 205-206; Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 168-183.

уступкой Ордену можно считать ограничение власти коадьютора положениями «21 требований», о которых говорилось выше. Вильгельм получал в свое распоряжение половину города Риги, все отобранное у него имущество и компенсацию за причиненный ущерб. Участие во внутриливонском конфликте польско-литовского государя объяснялось тем, что тот действовал «в силу кровных уз, связывающих его с его сиятельством [Вильгельмом], а также по долгу покровительства, <...> дабы вернуть архиепископу прежнее положение и оружием отомстить за свои обиды и несправедливости своим подданным в Великом княжестве Литовском, совершенные ливонцами»³⁷⁶.

Примечательно, что в историографии мотивацию действий Сигизмунда II Августа чаще всего объясняют его родственными связями с архиепископом, а существование между ними отношений покровительства упоминается довольно редко³⁷⁷. Вдобавок, в силу неизвестных причин из поля зрения историков выпадает также довольно остро стоящая проблема литовско-ливонского пограничья, немало способствовавшая эскалации конфликта между Ливонией и Польско-Литовским государством – в этой связи довольно вспомнить, что в перечне поводов к началу польско-литовских боевых действий против Ордена в декларации об объявлении войны эта проблема указана дважды, первым и последним пунктами³⁷⁸. О ее важности свидетельствует также внушительный объем соглашений о границах, занимающий почти половину всего Позвольского договора. Ливонским сословиям и Ордену вменялись в вину «убийство посла,

³⁷⁶ Unter Vermittlung der Reichsgesandten geschlossener Friedensvertrag zwischen dem König von Polen einer- und dem Meister und den livländischen Ständen andererseits. 5. September, 1557 // GStA PK, XX, HA HBA, № 2084. S. 2a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

³⁷⁷ Romanowski J. N. Wojna Zygmunta Augusta z zakonem inflanckim. S. 336-337; Kłodziński A. Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem 1556-7. S. 365, 371, 375; Kutrzeba S. Polska a Inflanty. S. 4; Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 198-199; Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant. S. 400-401; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 86; Heyde J. Kość niezgody. S. 161; Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 153; Sucheni-Grabowska A. Zygmunt August. S. 485-486; Kirby D. Northern Europe in the Early Modern Period. S. 70; Lange T. Zwischen Reformation und Untergang Alt-Livlands. S. 260-261.

³⁷⁸ Попов В. Е., Филюшкин А. И. Как начиналась Ливонская война? С. 198-199.

нарушение границ, частые набеги, ущерб, причиненный подданным [Сигизмунда II Августа], и конфискация товаров»³⁷⁹. Далее в договоре прямым текстом говорится о том, что «уже давно источником и рассадником всех распрей являются спорные и неопределенные границы между Великим княжеством Литовским и Ливонией, вследствие чего не раз случалось, что подданные обеих сторон совершали отсюда частые набеги»³⁸⁰, в другом же месте говорится о том, что «почти все споры и несправедливости происходили по причине границ»³⁸¹. В целях достижения компромисса договаривающиеся стороны приняли решение о новой ревизии границы избранными уполномоченными, причем все ранее отторгнутые территории каждой из сторон возвращались, следуя старой «линии Радзивилла», и они обязывались каждые три года проводить «пограничные встречи» и каждые пять лет обновлять рубежные знаки, чтобы «не было когда-либо нужды в них сомневаться»³⁸². Таким образом, была предпринята попытка решить проблемную ситуацию в пограничной зоне еще одной ревизией, что, исходя из результатов подобных мероприятий в прежние времена, вряд ли реально могло способствовать снижению напряженности на границе.

В заключенных соглашениях не забыли и об убийцах Каспара Ланского – все они должны быть схвачены и представлены на суд Сигизмунда Августа. Все товары и корабли подданных польско-литовского государя, захваченные в ходе смуты ливонцами, следовало возвратить; подтверждалось право свободного проезда для литовцев и поляков, освобождение их от всех пошлин и сборов, а также «полная свобода и возможность вести торговлю как в городе Риге, так и в других местах, так же, как и ливонцам в землях Священного королевского величества»³⁸³. Из формулировки привилегии не вполне ясно, распространялось ли на ливонских торговцев право

³⁷⁹ Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 175.

³⁸⁰ Ibid. С. 176.

³⁸¹ Ibid. С. 178.

³⁸² Ibid. С. 178.

³⁸³ Ibid. С. 179.

беспощинной торговли в Польско-Литовском государстве, либо же им предоставлялось только право свободного перемещения. Еще один не вполне ясный момент был связан с возмещением расходов, понесенных Сигизмундом II Августа во время похода к границе. Как показало исследование А. И. Филюшкина и В. Е. Попова, этот пункт, ранее выдвинутый польско-литовским королем, исчез из конечного текста договора, вследствие чего возникло предположение, что Польша позже заменила финансовые претензии к Ливонии требованием заключить военный союз против Москвы, однако документальных подтверждений тому нет³⁸⁴. Также стоит отметить, что в договоре ливонских ландсгерров с Сигизмундом II Августом не упоминается герцог Альбрехт³⁸⁵. Вероятнее всего, это определялось его положением вассала, выполнявшего долг в отношении сюзерена, который с правовых позиций не воспринимался самостоятельным фигурантом событий 1556-1557 гг.

Большой интерес представляет также раздел, касающийся России. В Позвольских соглашениях она вполне определенно представлена общим врагом Ливонии и Польско-Литовского государства, в случае нападения которого на одну из сторон, вторая обязана была оказать ей помощь; кроме того, ни одна из сторон не могла вступать в договорные отношения с царем без согласования с другой стороной³⁸⁶. Положение о поддержке союзника в случае нападения России, однако, вступало в силу только через 5 лет для Польско-Литовского государства и через 12 лет для Ливонии по причине того, что «в настоящее время существующие договоренности с Московским государством не допускают против них никаких враждебных действий»³⁸⁷.

³⁸⁴ Ibid. С. 159.

³⁸⁵ *Transactio inter Sacram Regiam Maiestatem Poloniae, & Magistrum, ac Status Livoniae*. 14. September, 1557 // CDPL. Т. 5. № 126. S. 210-215.

³⁸⁶ Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 164-165.

³⁸⁷ *Von den römischen Reichsgesandten abgehandelter Rezeß zwischen dem König von Polen einer- und dem Meister und den livländischen Ständen andererseits in causa restitutionis Archiepiscopi Rigensis*. 5. September, 1557 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2083. S. 2a-6a; *Unter Vermittlung der Reichsgesandten geschlossener Friedensvertrag zwischen dem König von Polen einer- und dem Meister und den livländischen Ständen andererseits*. 5. September, 1557 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2084. S. 3b.

Тем не менее, договор обязывал ливонских ландсгерров уведомлять польского короля о планах русского царя, а также пропускать через свою территорию литовских разведчиков³⁸⁸.

Два этих пункта, запрет на заключение договоров с царем и военная помощь Польско-Литовскому государству по прошествии 12 лет, требуют особого рассмотрения. Отсутствие реакции Священной Римской империи на вооруженное вмешательство Сигизмунда II Августа в «войну коадьюторов» наглядно продемонстрировало ее неспособность (или нежелание) содействовать Ливонии, которую называли её собственным леном. В стороне от ливонских проблем оставались также Швеция и Дания, вследствие чего государства Ливонской конфедерации оказались на стыке интересов Польско-Литовского государства и России без какого-то ни было внешнего прикрытия. Заключение Позвольского договора противоречило русско-ливонским договоренностям 1554 г., предписывавшим «земле Вифленской х королю Полскому и великому князю Литовскому не приставати никоторыми делы»³⁸⁹. Демонстрация силы со стороны Сигизмунда II Августа создавала впечатление, что у Рижского архиепископа и его коадьютора имеется потенциальный защитник, готовый в случае необходимости отстаивать их права с оружием в руках.

Ситуация середины XVI в. напоминала ту, в которой оказалась Ливония на рубеже 20-30-х гг., поскольку в обоих случаях поводом к внешнему вмешательству стал вопрос о назначении рижского коадьютора, избранным кандидатом оказывалось лицо княжеского достоинства, и в обоих случаях назначение сопровождалось активным вмешательством польско-литовского государя, выступавшего на правах протектора-консерватора. Однако эта идентичность проявляется лишь в общих деталях; на деле же обстоятельства получения Кристофом Мекленбургским коадьюторства

³⁸⁸ Offener Brief König Sigismunds II. August von Polen in Sachen des Friedens- und Bündnisvertrages mit dem Meister und den livländischen Ständen. 1557 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2070. S. 1a-2a.

³⁸⁹ Попов В. Е., Филюшкин А. И. Русско-ливонские договоры 1554 года. С. 119.

оказались для Ливонии куда серьезнее результатов назначения на эту должность Вильгельма Бранденбургского в 1529 г.

В обоих случаях речь идет об активности, направленной на усиление позиций польско-литовского государя в Рижском архиепископстве, однако данная деталь отображает лишь общий контекст происходившего, а не его суть. В обоих случаях эта активность проявила себя в разных формах. На рубеже 1520-1530-х гг. Сигизмунд I, желая поддержать нужного ему кандидата, ограничился декларацией, тогда как Сигизмунд II Август в 1556-1557 гг. наряду с заявлением о собственных правах развернул активную дипломатическую деятельность в отношении архиепископа Вильгельма, магистра Ордена, других государей Ливонской конфедерации, а также Священной Римской империи и других государств и, не ограничившись этим, прибегнул к военной акции. Итогом стало подписание польско-ливонского договора, первого за длительный отрезок времени, который зафиксировал успех польско-литовского государя, выступившего в роли протектора одного из ливонских ландсгерров, в правовом отношении. Вдобавок Сигизмунд II Август не ограничился пределами Рижского архиепископства, но своим вмешательством в дела Ордена в связи с судьбой опального ландмаршала Яспера фон Мюнстера, сделал пробную попытку выйти за эти рамки. Еще одной характерной чертой ситуации 1556-1557 гг. стало то, что свое право протектора Сигизмунд II Август намеревался реализовать в индивидуальном порядке, хотя с XIV в. в этом качестве фигурировали и другие государи. Примечательно также, что на основании своего протекторства польско-литовский государь посчитал себя вправе оспорить ливонскую правовую норму, Вольмарский рецесс 1546 г. – более ранние трактовки протекторства, как уже было показано в данном исследовании, подобной прерогативы не допускали. Добившись назначения Кристофа вопреки Вольмарскому рецессу, объявленному недействительным по причине того, что он не был скоординирован с волей протектора Рижской епархии, польско-литовский государь создал прецедент своего участия в

законотворчестве государств Ливонской конфедерации, что уже расходилось с представлениями о протекторстве как о форме сеньориальных отношений, каким оно представлялось в XIV-XV вв., но уже несло в себе элементы отношений подданства.

Положение дел в этот период оказалась тесно связано с внешнеполитическими проблемами Ливонской конфедерации. Многие балтийские державы в середине XVI в. стали проявлять повышенный интерес к Ливонии, в силу чего её взаимоотношения с Польско-Литовским государством оказались в сложной системе координат, образуемой интересами не только Священной Римской империи, формально включавшей Ливонию в свой состав, но также России, Дании и Швеции. Вероятно, факт принуждения ливонцев к подписанию Позвольского договора имел целью пресечение возможного сближения Ливонии с Россией, поскольку его подписанием ливонская сторона грубо нарушала свои обязательства по отношению к России, а именно, не вступать в отношения с Польско-Литовским государством и не заключать союза с противниками русского царя³⁹⁰. В дополнение можно также сказать, что при заключении Позвольского соглашения Сигизмунд II Август создал прецедент использования протекторства не только для защиты Рижского архиепископа и его подданных, но и в целях решения внешнеполитических задач Великого княжества Литовского, связанных с ливонско-литовской границей и противодействием России.

Подписание договора в Позволе создало дополнительный прецедент, который расширил полномочия протектора по отношению ко всей Ливонской конфедерации, предоставив новые возможности для правового взаимодействия и получив закрепление в юридическом документе, который при этом не являлся императорским либо папским постановлением, но продуктом воли исключительно польско-литовского государя. Таким

³⁹⁰ Шаскольский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. С. 397.

образом, политико-правовой концепт протекторства претерпел значимую трансформацию, получив некоторые черты, более характерные для современной концепции протектората как формы межгосударственных отношений, при которой протектируемое государство отчуждает в пользу своего протектора право осуществления части своих суверенных прав (обычно связанных с вопросами обороны и международных отношений) при условии сохранения собственной государственности и автономии в решении внутренних вопросов.

В конечном счете Ливония проиграла в борьбе с собой. Внутренние распри окончательно утвердили её в статусе «буферного» государства, судьба которого заключалась в том, чтобы быть поглощенным или Востоком, или Западом³⁹¹. Фатальная «война коадьюторов» показала ее внутреннюю слабость и привела к масштабному кризису, а заключенный 14 сентября 1557 г. Позвольский договор положил начало крушению Ливонии как самостоятельного государства. Направленный против России, договор нарушал русско-ливонские договоренности от 1554 г., согласно которым Ливония не имела права вступать в союз с Польско-Литовским государством, и, согласно мнению ливонских хронистов³⁹² и некоторых историков³⁹³, тем самым привел к развязыванию Ливонской войны, предоставив Ивану Грозному веский повод для военного вмешательства. Последний тезис был поставлен под сомнение шведским историком Э. Тибергом, который полагал, что русский царь просто не знал о заключении Позвольского соглашения³⁹⁴. Данное предположение представляется основательным, поскольку в 1556-1557 гг. шла русско-шведская война, и царю было откровенно не до Ливонии.

³⁹¹ Весьма удачным представляется сравнение Ливонской войны с итальянскими войнами 1494-1559 гг., сделанное А. И. Филошкиным: Filyushkin A. Livonian war in the context of the European wars of the 16th century. *Conquest, Borders, Geopolitics // Russian history*. 2016. Vol. 43. № 1. P. 6-21.

³⁹² Henning S. *Lifflendische Churlendische Chronica*. F. 10b; Balthasar Rüssow's *Livländische Chronik*. S. 107.

³⁹³ Королюк В. Д. Ливонская война. С. 27; Donnert E. *Der livländische Ordenstritterstaat und Russland*. S. 43-44; Czapliński W. *Nowa praca o kwestii baltyskiej w polowie XVI w.* // *Zapiski historyczne*. Torun, 1965. T. 30. S.78-83; Kappeler A. *Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes*. Frankfurt am Main, 1972. S. 111 и другие.

³⁹⁴ Tiberg E. *Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges*. S. 92-97, 213.

Однако факт сближения Ливонии с Сигизмундом II Августом был отмечен русским царем во время объявления войны ливонским землям в 1557 г.³⁹⁵ Само его наличие в документе свидетельствует о том, что Ивану IV было известно о ливонско-литовско-польском союзе, однако этот пункт был записан самым последним, из чего можно сделать вывод о его наименьшей значимости для царя. Тем не менее, вполне очевидно, что с заключением Позвольского договора в 1557 г. Ливония оказалась в весьма сложной ситуации. Конфедерация разделилась на сторонников архиепископа, поддерживавших политику сближения с Польско-Литовским государством, и сторонников магистра, более тяготевших к Москве. Одновременно с этим, были нарушены ранее заключенные договоренности с Россией, что вкупе с выдвинутым русским царем требованием уплаты «юрьевской дани» придавало «московитской угрозе» всё более реальные очертания.

³⁹⁵ Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 166-167.

Глава 3. «Вторжение московитов». Начало Ливонской войны.

§1. Январский поход. Изменения политики Сигизмунда II Августа в отношении Ливонии.

Следующий этап мероприятий по вовлечению Ливонии в орбиту политики польско-литовского государя связан с началом Ливонской войны. Обстановка, резко изменившаяся в 1558 г., повлияла на политическую стратегию Сигизмунда II Августа, и это стало заметно уже вскоре после начала военных действий в январе 1558 г.

В 1557 г. истекал срок исполнения требования по сбору Дерптом «юрьевской дани», который был определен при заключении русско-ливонского договора 1554 г. и в начале года в Москву прибыло ливонское посольство. Ливонцы явно рассчитывали, что им удастся оспорить претензии Ивана IV к Ливонии, однако не достигли в этом успеха. Осенью 1557 г. ливонские сословия направили в Москву еще одно посольство, вновь поднявшее вопрос о «юрьевской дани», стремившееся оспорить её или по возможности уменьшить ее объем, но оно также потерпело фиаско³⁹⁶. Воодушевленный успехами на восточном направлении и располагавший значительными военными силами, Иван IV решил осуществить карательную экспедицию в Ливонию, которая получила название «январский поход»³⁹⁷. Этот период Ливонской войны нашел довольно широкое отражение в

³⁹⁶ Хёрнер Т. Дневник ливонского посольства к царю Ивану Васильевичу // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1846. Кн. 4. С. 6-19; Отчет о переговорах ливонских послов с Алексеем Федоровичем Адашевым и диаком Иваном Михайловичем [Висковатым]. 28 апреля – 1 июня 1554 г. // Щербачев Ю. Н. Датский архив. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326-1690 гг. М., 1893. № 35. С. 16; Выдержка из докончания между царем (русскими приказными?) и ливонцами. 1554 г. // Щербачев Ю. Н. Датский архив. № 36. С. 16; Подробнее см.: Попов В. Е., Филюшкин А. И. Русско-ливонские договоры 1554 г. С. 117; Бессуднова М. Б. К предыстории Ливонской войны: Продолжение дневника ливонского посольства 1557 г. в Москву в Шведском государственном архиве // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2012. С. 153-171; Бессуднов Д. А. Начало Ливонской войны в свете ливонских посольских дневников 1557 г. С. 540-542; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 26-28.

³⁹⁷ Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 204-205.

русском летописании³⁹⁸, ливонских источниках³⁹⁹ и научных исследованиях⁴⁰⁰, что позволяет нам отказаться от детального отображения событий и сосредоточиться на отдельных проблемных моментах и сопутствующем им историческом контексте.

Как уже было сказано, попытка дипломатического разрешения назревающего конфликта между Ливонией и Россией, предпринятая ливонцами в 1557 г., закончилась неудачей, и 24 января 1558 г. русские войска перешли границы Ливонии и предприняли наступление на Дерпт⁴⁰¹. Уже Бальтазар Рюссов в своей хронике обратил внимание на демонстративный характер русских военно-оперативных действий, предполагавших широкий фронт наступления, мобильность продвижения войск, отсутствие оккупации, тактику «выжженной земли», и писал, что «русские пришли в Ливонию не с намерением покорить города, крепости или земли ливонцев, а только доказать им, что он [Иван IV Грозный] не шутит»⁴⁰². Трое суток простояв под Дерптом, русские войска двинулись на Нейгаузен (Новый городок, совр. Вастсейлину), Кириппе и Мариенбург (Алуксне), к «морю» (Чудскому озеру) за реку Омовжу (Эмайыги), на юг к Розитену (Резекне) и на Нарву, не удаляясь от границы далее, чем на один конный переход⁴⁰³.

В науке существует мнение, что, несмотря на ультиматум по поводу «юрьевской дани» ливонцы не слишком-то верили в возможность реального

³⁹⁸ ПСРЛ. Псковские летописи. Т. 5. Вып. 2. С. 235-237; ПСРЛ. Патриаршая или Никоновская летопись. Т. 13. С. 286-287; ПСРЛ. Львовская летопись. Т. 20. Ч. 2. С. 547-548, 581, 585; ПСРЛ. Книга степенная царского родословия. Т. 21. С. 655-656; ПСРЛ. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. Т. 30. С. 154; ПСРЛ. Холмогорская летопись. Т. 33. С. 138.

³⁹⁹ Henning S. Liffendische Churlendische Chronica. F. 11a-11b; Balthasar Rüssow's Livländische Chronik. S. 107; Fabricius D. Livonicae Historiae. S. 467; Johann Renner's Livländische Historien. S. 163.

⁴⁰⁰ Шаскольский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. Сборник статей. М., 1961. 380-391; Selart A. Der «Dorpatser Zins». S. 11-37; Попов В. Е, Филлюшкин А. И. Русско-ливонские договоры 1554 года. С. 118-129; Бессуднова М. Б. К предыстории Ливонской войны. С. 153-171; Бессуднов Д. А. Начало Ливонской войны в свете ливонских посольских дневников 1557 г. С. 540-543; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 29-35.

⁴⁰¹ Подробнее см. Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 29-32.

⁴⁰² Balthasar Rüssow's Livländische Chronik. S. 99-100; Johann Renner's Livländische Historien. S. 163-164.

⁴⁰³ Johann Renner's Livländische Historien. S. 163; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 32-33.

военного столкновения с Россией, в силу чего и не предпринимали никаких мер по подготовке обороны⁴⁰⁴. Подобного мнения придерживались и некоторые ливонские хронисты: так, например, Рюссов упрекал Орден и ливонских государей в бездействии, поскольку те даже во время нападения царского войска ничего не предприняли, ограничившись глухой обороной замков⁴⁰⁵. В данном случае налицо личная предвзятость хрониста, поскольку Рюссов, как протестантский пастор, был неприязненно настроен и к Ордену, и к католическому духовенству, в то время как архивные материалы отнюдь не свидетельствуют о бездействии ливонских государей накануне и в начальный период Ливонской войны. В сборнике К. Ширрена содержатся документы, свидетельствующие о том, что в октябре 1557 г. магистр активно вербовал солдат в Германии и сам находился близ русско-ливонской границы, опасаясь вторжения царского войска⁴⁰⁶. Реальность угрозы со стороны Ивана IV и необходимость сбора сил и средств для обороны страны отчетливо понимали в Риге, Ревеле и Дерпте⁴⁰⁷, и с началом «январского похода» магистр предпринимал усилия по осуществлению срочной мобилизации, пытаясь подготовить Ливонию к обороне⁴⁰⁸. Известны усилия орденских фогтов из Раковора (Вейсенштейна, совр. Пайде) и Нарвы⁴⁰⁹. Особенно интересными представляются сообщения об отрядах самообороны

⁴⁰⁴ Филюшкин А. И. Дискурсы Ливонской войны // *Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в пост-советском пространстве*. СПб., 2001. Ч. 4. С. 49-50; Попов В. Е., Филюшкин А. И. Русско-ливонские договоры 1554 г. С. 116.

⁴⁰⁵ Balthasar Rüssow's *Livländische Chronik*. 99-104.

⁴⁰⁶ Vollmacht des OM. Wilhelm von Fürstenberg für den Hauscomthur zu Riga Georg Siberg zu Vischlingen and Reich 22. Oktober, 1557 // *Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit*. T. 1. № 3. S. 4-5; *Der Dörptischen Meinungsäusserung über die nach Moscau abzufertigende Gesandtschaft*. 29. September, 1557 // *BUGL*. Bd. 1. № 44. S. 29-35; Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. *Россия времени Ивана Грозного*. М., 1982. С. 89-93.

⁴⁰⁷ *Bedenken der Städte Riga, Reval und Dorpat in Anbetracht der moskowitischen Bedrohung*. Februar/März, 1558 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 2192. S. 1b-15a.

⁴⁰⁸ *Bericht über die Verhandlungen auf dem Wolmarer Landtag*. März, 1558 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 2181. S. 8a-10a; *Fortsetzung der Verhandlungen auf dem Wolmarer Landtag*. März, 1558 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 2183. S. 2a, 5a; *Bedenken des Meisters Wilhelm von Fürstenberg in Anbetracht der moskowitischen Bedrohung*. Februar/März, 1558 // *GStA PK, XX, HA HBA*. № 2191. S. 1a-3b.

⁴⁰⁹ Из Вейсенштейна, например, навстречу силам Шигаля был выслан конный отряд на помощь дерптской епархии, однако он был быстро разбит: *Johann Renner's Livländische Historien*. S. 165; Ниенштедт Ф. *Ливонская летопись*. С. 13.

ливонского дворянства и крестьян⁴¹⁰, что можно считать ответной реакцией на разорение местности противником.

В целом, военные действия велись недолго, и весной 1558 г. царские войска вернулись в Псков. В ходе «январского похода» Ливонии был причинен серьезный ущерб, что было фатально в случае нового нападения, угроза которого была вполне реальна⁴¹¹. В такой обстановке начался новый этап мирных переговоров, инициатором которых стал царский воевода Шигалей, который посоветовал Дерптскому епископу не провоцировать царя на продолжение войны и как можно скорее направить послов в Москву, выплатить затребованную дань и заключить мир⁴¹². Ливонцы продолжать войну не хотели, а потому уже 1 марта ливонские послы прибыли к Шигалею, чтобы потом следовать в Москву⁴¹³. В ходе переговоров им удалось добиться заключения полугодового перемирия для сбора средств на выплату задолженностей по «юрьевской дани»⁴¹⁴.

Сложившаяся в Ливонии обстановка была исключительно непростой и требовала немедленного и взвешенного решения. С этой целью весной 1558 г. был созван ландтаг⁴¹⁵, на котором архиепископ Вильгельм выступил с предложением без согласования с Империей искать помощи соседних государств и в особенности Польско-Литовского государства, куда уже было отправлено посольство архиепископа⁴¹⁶. Также Рижский архиепископ призвал ливонских государей признать польско-литовского государя

⁴¹⁰ Johann Renner's *Livländische Historien*. S. 165-167.

⁴¹¹ Erste Meinungsäusserung des OM. über die in Folge der Relation der aus Russland zurückgekehrten Gesandten zu fassenden Beschlüsse. 14. März, 1558 // *BUGL*. Bd. 1. № 73. S. 102-104; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 34.

⁴¹² Ниенштедт Ф. Ливонская летопись. С. 14.

⁴¹³ Henning S. *Lifflendische Churlendische Chronica*. F. 12a; ПСРЛ. Патриаршая или Никоновская летопись. Т. 13. С. 287; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 34-35.

⁴¹⁴ Року 58 месеца Марца 24 дня, от Князя Великого с тым листом пришли посланцы на имя: Роман Василювич да Михайло Иванов. 24 марта 1558 г. // Книга посольская. Т. 1. № 89. С. 140-141; От Господара тым гоньцом отправа. 3 апреля 1558 г. // Книга посольская. Т. 1. № 90. С. 141; Грамота царя Ивана IV Василювича к магистру, архиепископу рижскому, епископу дерптскому и всем епископам и людям в Ливонии, опасная для ливонских послов, из Москвы, от марта 1558 г. // Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 1. № 23. С. 40-41.

⁴¹⁵ Ниенштедт Ф. Ливонская летопись. С. 14.

⁴¹⁶ Tagebuch und Bericht der Rigaschen Gesandten auf dem Landtage zu Wolmar. März, 1558 // *BUGL*. Bd. 1. № 71. S. 67-100.

протектором не только Рижской епархии, но и всей Ливонии, после чего, по мнению Вильгельма, Сигизмунд II Август примет на себя военные расходы и возьмет в свои руки переговоры с Иваном IV, способствуя скорейшему заключению мира⁴¹⁷. Эта инициатива была неоднозначно воспринята ливонскими сословиями, поскольку, как свидетельствуют рецессы этого представительного собрания, сословия хоть и склонялись к мирному урегулированию конфликта с Россией и скорейшему возобновлению торговли, они не вполне доверяли польско-литовскому государю⁴¹⁸. В итоге предложения Вильгельма не нашли достаточной поддержки; ландтаг постановил собрать требуемую царем сумму и удовлетворить требования Ивана IV в сфере торговли.

Вскоре после мартовского ландтага началась подготовка ливонского посольства в Москву⁴¹⁹. Одновременно предпринимались меры по преодолению разрушительных последствий «январского похода»⁴²⁰. В поисках финансовой поддержки магистр обращался к городам⁴²¹, что дает повод говорить о серьезных финансовых затруднениях Ордена и неспособности преодолеть их самостоятельно. Впрочем, усилия магистра принесли плоды, и ему всё же удалось, несмотря на разорение части ливонских земель, собрать необходимую сумму⁴²². Однако нужный момент был упущен, поскольку к тому времени перспектива получения от ливонцев денег уже не соответствовала амбициям русского царя, взявшего курс на присоединение ливонских земель к России.

⁴¹⁷ Rembert Gilsheim an den OM. Wilhelm Fürstenberg. 2. Februar, 1558 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 1. № 22. S. 65-66.

⁴¹⁸ Bericht über die Verhandlungen auf dem Wolmarer Landtag. März, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2181. S. 6b; Fortsetzung der Verhandlungen auf dem Wolmarer Landtag. März, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2183. S. 3a-4a; Tagebuch und Bericht der Rigaschen Gesandten auf dem Landtage zu Wolmar. März, 1558 // BUGL. Bd. 1. № 71. S. 67-100.

⁴¹⁹ Geleitsbrief des Zaren für eine livländische Gesandtschaft. 24. März, 1558 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 2. № 195. S. 155-156; Des Zaren Geleitsbrief für eine livländische Gesandtschaft. April, 1558 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 2. № 198. S. 166-167.

⁴²⁰ Comthur zu Reval an Bürgermeister und Rath der Stadt Reval. 26. März, 1558 // BUGL. Bd. 2. № 253. S. 67-68.

⁴²¹ OM. Wilhelm Fürstenberg an Bürgermeister, Rath, Aelterleute und Gemeinde der Stadt Wolmar. 28. März, 1558 // BUGL. Bd. 2. № 254. S. 68-69.

⁴²² Ниенштедт Ф. Ливонская летопись. С. 16.

Вторжение царского войска в Ливонию едва ли было неожиданностью для Сигизмунда II Августа, однако это событие и последующие претензии царя на ливонские земли радикально изменили геополитическую обстановку в Балтийском регионе. Последовательное подчинение Ливонии польско-литовскому государю посредством права протекторства, которое к концу 50-х гг. XVI в. уже начало приносить плоды, было возможно лишь в условиях сохранения пассивности соседних с Ливонией государств. Вдобавок, с включением России в балтийскую политику «ливонское дело», изначально являвшееся личным предприятием Сигизмунда II Августа как государя-протектора Рижской епархии, трансформировалось в дело государственной важности, непосредственно связанное с обеспечением безопасности Литвы. Однако прямая военная конфронтация с территориально крупной и военизированной Россией требовала привлечения значительных средств, изыскание которых было затруднительно в силу особенностей внутреннего устройства Польско-Литовского государства. Чтобы нарушить действующее русско-литовское перемирие и начать войну Сигизмунду требовалось заручиться одобрением шляхты, однако получить его было весьма затруднительно, поскольку и польская и литовская шляхта в большинстве своем призывали своего государя сосредоточиться на внутренних проблемах – нормализации отношений со Священной Римской империей, обороне южных границ от татар и турок, урегулированию вопросов, связанных с движением экзекуционистов и конфессиональным спорам⁴²³. Вдобавок, положение серьезно осложнялось угрозой на южных рубежах. В конце 1557 г. крымские татары совершили опустошительный набег на Волынь и Подолию⁴²⁴, в связи с чем прямая конфронтация с русским царем в конечном счете могла обернуться для Польско-Литовского государства войной на два

⁴²³ Lelewel J. Dzieje Litwy i Rusi do unii z Polską. S. 174; Корольков В. Д. Ливонская война. С. 29.

⁴²⁴ Року 58, через Мухедима гоньца от Господара до Царя Перекопского. 1558 // Книга посольская. Т. 1. № 91. С. 141-143; Посылка от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду Августу с грамотою Романа Васильевича Олферьева. 19 февраля – 3 мая 1558 г. // СИРИО. Т. 59. № 35. С. 550; ПСРЛ. Патриаршая или Никоновская летопись. Т. 13. С. 289.

фронта. И хотя Сигизмунд Август в своем письме к архиепископу Вильгельму от 21 марта 1558 г. высказывал решительную готовность оказать ему помощь против царского войска, невзирая на татарскую угрозу и агрессию турок в Венгрии, он сделал оговорку, что это может произойти лишь по истечении срока русско-литовского перемирия и при условии, что до этого момента Ливония не заключит с царем «нерушимого мира». До тех же пор король рекомендовал ливонским ландсгеррам «на любых условиях заключить перемирие с князем Московским, а также обдуманно выйти из него в то время, что архиепископу известно, когда у него будут союзники»⁴²⁵. Ситуация вынуждала Сигизмунда экстренно переосмыслить свою ливонскую политику, что требовало от польско-литовского государя привлечения дополнительных сил, ресурсов и, в первую очередь, времени, что предопределило переход стратегической инициативы к Ивану IV.

Весной 1558 г. в Литву было отправлено царское посольство Р. В. Алферьева, основной задачей которого провозглашалось заключение антикрымского союза⁴²⁶; однако кроме того послы должны были разузнать «королево умышление о Ливонских Немцах, и про войну немецкую, и про царя и великого князя рать что ныне говорят, и сбирал ли король людей ныне Немцом на помочь, и зачем их не послал, и вперед от него Немцом какова помочь будет ли»⁴²⁷. Кроме того, посол должен был разузнать настроения литовской шляхты и Сигизмунда в отношении Ивана IV «любят ли его или не любят, и будет не любят, ино за что не любят»⁴²⁸. Русские послы также интересовались фигурой виленского воеводы Николая Радзивилла, который

⁴²⁵ «...quibus cumque oequis conditionibus pacem cum Duce Muscorum component, atque belli cogitatives extrahant in id tempus de quo in foederibus qua R. Archiepiscopo ignota non sunt, eo nuerit». König Sigismund II. August von Polen an den Dompropst Georg Schwantz und den Rigaer Domherrn Jacob Meck, Gesandte Erzbischof Wilhelms. 21. März, 1558 // GStA PK, XX, HA НВА. № 2176. S. 2a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁴²⁶ Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции в середине XVI в. С. 71-86.

⁴²⁷ Посылка от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду Августу с грамотою Романа Васильевича Олферьева. 19 февраля – 3 мая 1558 г. // СИРИО. Т. 59. № 35. С. 542-544.

⁴²⁸ Посылка от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду Августу... 19 февраля – 3 мая 1558 г. // СИРИО. Т. 59. № 35. С. 544.

по слухам «подымал короля на Ливонские Немцы»⁴²⁹. В случае появления встречных вопросов касательно внешней политики России послу надлежало «говорити которые дела ведает не тайные, а про иные дела отвечать, что не ведает»⁴³⁰.

В этой ситуации как нельзя лучше проявила себя литовская дипломатия – благожелательно приняв русских послов, литовцы с большим энтузиазмом высказались в пользу предложений царя касательно Крыма, однако вопрос об участии в ливонских событиях был деликатно опущен. Литовская сторона аккуратно «прощупывала» обстановку в Ливонии, расспрашивая царских послов о посланных туда воеводах⁴³¹ – ведь исходя из статуса того или иного военачальника можно было сделать выводы о приоритете ливонского направления в политике Ивана IV, оценить масштаб конфликта и степень угрозы⁴³². Однако тема Ливонии в ходе переговоров 1558 г. поднималась литовской стороной лишь вскользь и очень осторожно, без малейшего упоминания права покровительства Сигизмунда над землями Рижского архиепископства или его кровного родства с Вильгельмом, поскольку подобное позиционирование было бы воспринято как выражение претензии и могло привести к агрессивной реакции, что в условиях еще не решенной проблемы Крымского ханства было крайне нежелательно⁴³³. Посольство Алферьева пробыло в Вильно до 3 мая 1558 г. (т. е. практически всю весну), однако стороны так и не пришли ни к каким договоренностям, условившись продолжить переговоры, положив тем самым начало целой серии обоюдных посольских миссий, официальной целью которых провозглашалось

⁴²⁹ Посылка от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду Августу... 19 февраля – 3 мая 1558 г. // СИРИО. Т. 59. № 35. С. 549.

⁴³⁰ Посылка от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду Августу... 19 февраля – 3 мая 1558 г. // СИРИО. Т. 59. № 35. С. 543.

⁴³¹ Посылка от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду Августу... 19 февраля – 3 мая 1558 г. // СИРИО. Т. 59. № 35. С. 546.

⁴³² Подробнее см. Корзинин А. Л. Порядок иерархии полковых воевод в Ливонскую войну // Балтийский вопрос в конце XV-XVI вв. С. 153-160.

⁴³³ Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции в середине XVI в. С. 161-163; Греков И. Б. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 259.

заклучение антикрымского союза. Суммарно переговорный процесс занял целый год (до марта 1559 г.), однако, несмотря на декларируемую склонность обеих сторон к заключению подобного альянса, он так и не был воплощен в жизнь.

По мнению В. Д. Королюка затяжной характер русско-литовских переговоров 1558-1559 гг. являлся продуктом политической борьбы сторонников крымского и балтийского направления во внешней политике России⁴³⁴. Э. Тибберг, в свою очередь, полагал что обе стороны сознательно тянули время и обходили ливонский вопрос чтобы сначала понять намерения противоположной стороны⁴³⁵. Весьма убедительно выглядит теория, выдвинутая К. Расмуссеном, согласно которой литовская дипломатия в принципе не имела целью заключение антикрымского союза, а напротив, пыталась выиграть время для нормализации своих отношений с Крымом посредством осуществления давления на него со стороны его сюзерена, Османской империи⁴³⁶. Его концепция была дополнена А. Н. Янушкевичем, отметившим усилия Сигизмунда по мобилизации внутренних ресурсов Великого княжества Литовского, исходя из чего он сделал вывод о том, что литовская дипломатия успешно сыграла на заинтересованности русской стороны в заключении антикрымского союза чтобы выиграть время для более тщательной подготовки к назревающему конфликту в Ливонии⁴³⁷.

С вторжением царского войска в пределы Ливонии Сигизмунд был вынужден действовать с еще большей осторожностью, заняв выжидательную позицию в отношении ливонцев под благовидным предлогом ненарушения заключенных договоренностей. Реальные же усилия Сигизмунда II Августа в ливонских землях на тот момент были сосредоточены на усилении позиций сторонников сближения Ливонии с Польско-Литовским государством

⁴³⁴ Королюк В. Д. Ливонская война. С. 27-30.

⁴³⁵ Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 104-106.

⁴³⁶ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561 S. 103-105, 145; Historia dyplomacji Polskiej. S. 683-684; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 68; Янушкевич А. Н. Ливонская война. С. 39-43.

⁴³⁷ Янушкевич А. Н. Ливонская война. С. 35-44.

посредством их реституции, как это было сделано в отношении архиепископа Вильгельма и предпринималось в ситуации с опальным ландмаршалом Яспером фон Мюнстером, его доверенного лица Иоганна фон Хёте и других посредством прямого давления на магистра и обращений к императору⁴³⁸. В конце января 1558 г. в Ливонию прибыло польское посольство для осуществления контроля за исполнением реституции архиепископа и его сторонников⁴³⁹. Магистр Фюрстенберг, не желавший усиления своих соперников, но лишенный возможности открыто сопротивляться реституции, всячески затягивал ее реализацию, ссылаясь как на фиктивные причины, так и на объективные обстоятельства, связанные с вторжением царского войска⁴⁴⁰. Весьма примечательно в этом отношении предложение комтура Доблена (Добеле) Тииса фон дер Рекке, изложенное в его письме магистру от 30 января 1558 г. Автор, глубоко возмущенный вмешательством Сигизмунда II Августа во внутренние дела Ливонии, предложил Фюрстенбергу как можно скорее заключить мирный договор с Москвой и объединиться с Иваном IV против «негодяев», а именно, против ландмаршала Яспера фон Мюнстера и его сторонников, среди которых был указан и Сигизмунд II Август, поскольку они «не желают мира Ливонии»⁴⁴¹.

Осознание реальности масштабной внешней угрозы и своей полной беспомощности заставило ливонских государей заняться активным поиском

⁴³⁸ Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 17. Februar, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2157. S. 1a-2b; Werbung Johans von Hoete an Herzog Albrecht im Auftrag des Landmarschalls Jasper von Munster. 11. April, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2206. S. 2a-3b; Herzog Albrecht an König Sigismund II. August von Polen. 18. April, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2208. S. 1a-2a; Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 21. April, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2210. S. 1a-3a; Verhandlungen des preußischen Gesandten Wenceslaus Schack am polnischen Hof. Mai, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2211. S. 1a-4a; Jasper von Munster an Herzog Albrecht. 27. Mai, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2217. S. 1a-2a; Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 18. Juni, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2229. S. 1a-3b; Mandat Kaiser Ferdinands I. in der Angelegenheit Jaspers von Munster. 30. Juni, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2232. S. 1a-1b.

⁴³⁹ EB. Wilhelm an den OM. Wilhelm Fürstenberg. 26. Januar, 1558 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 2. № 155. S. 91-92.

⁴⁴⁰ Wilhelm von Fürstenberg an Sigismund II. August, König von Polen. 6. April, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2204. S. 1a-1b; Jasper von Munster an Ahasver von Brandt. 29. März, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2178. S. 1a-1b; Werbung Johans von Hoete an Herzog Albrecht im Auftrag des Landmarschalls Jasper von Munster. 11. April, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2206. S. 3a; Antwort Herzog Albrechts auf die Werbung des Landmarschalls Jasper von Munster. 7. September, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2271. S. 2a-5b.

⁴⁴¹ Thies von der Recke Comthur zu Doblen an den OM. Wilhelm Fürstenberg. 30. Januar, 1558 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 2. № 166. S. 108-109.

союзников среди ближайших соседей. Дистанцирование Сигизмунда II Августа от того, что происходило с Ливонией зимой-весной 1558 г., резко противоречило ожиданиям Рижского архиепископа, который несколько раз отправлял к королю посольства и послания с просьбами о помощи и защите, по традиции апеллируя к его статусу протектора и указывая на непосредственную угрозу его владениям; к чему призывал и магистр⁴⁴². В связи с отсутствием у Сигизмунда II Августа готовности немедленно выступить на защиту Ливонии герцог Прусский советовал брату искать помощи у императора Священной Римской империи Фердинанда I Габсбурга как своего сюзерена, а также не оставлять попыток получить защиту от польско-литовского и датского государей, поскольку оба они являются протекторами Рижского архиепископства⁴⁴³. При этом первенство польско-литовского государя подчеркивалось рекомендацией герцога Вильгельму в обязательном порядке совещаться с Сигизмундом Августом во всех своих начинаниях⁴⁴⁴. Герцог особо рассчитывал на дипломатическую поддержку польско-литовского государя, настаивая на отправке посольства в Москву и убеждая Сигизмунда нарушить литовско-русское перемирие. Последнее герцог аргументировал тем, что царь, вторгнувшись в ливонские земли, находившиеся под его защитой как протектора, уже нарушил действовавшие русско-литовские договоренности, а потому Сигизмунду соблюдать их не имело уже никакого смысла⁴⁴⁵. Альбрехт был уверен, что Сигизмунд II Август не сможет остаться в стороне от русско-ливонского конфликта в силу своего статуса протектора, о котором он так упорно заявлял во время

⁴⁴² Anträge des Meisters in Livland nach der moskowitischen Eroberung von Narwa und Neuhausen an Erzbischof Wilhelm im Beisein von Kapitel, Räten und dem Ritterschaftsausschuß des Erzstifts Riga, überbracht vom Marienburger Komtur Evert von Syburg zu Wischlingen und Dr. Rempert Gilsheim. 10. Juli, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2236. S. 5a-7b; Antwort Erzbischof Wilhelms auf die Werbung der Stadt Riga. 3. August, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2254. S. 2a-4b; Werbung der Gesandten Erzbischof Wilhelms an Herzog Albrecht. 22. August, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2257. S. 3a-5b.

⁴⁴³ Antwort Herzog Albrechts auf die Werbung der Gesandten Erzbischof Wilhelms. 25 August, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2261. S. 3a-5b.

⁴⁴⁴ Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 16. Mai, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2212. S. 2a-5b.

⁴⁴⁵ Antwort Herzog Albrechts auf die Werbung der Gesandten Erzbischof Wilhelms. 25. August, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2261. S. 2a-3b.

избрания Кристофа Мекленбургского коадьютором и «коадьюторской войны»; доводом в пользу этого служило также утверждение, что после покорения Ливонии Иван IV будет представлять серьезную угрозу для литовских подданных польского короля⁴⁴⁶ и тот потеряет статус протектора Рижской епархии - оба эти аргумента, очевидно, представлялись в равной степени важными, способными убедить Сигизмунда II Августа отставить в сторону политику невмешательства во внешнеполитические проблемы Ливонии и оказать ей военную помощь.

Однако апелляции к статусу протектора и кровному родству не приносили желаемого эффекта – находясь в сложной внешнеполитической ситуации Сигизмунд ограничивался сочувственными письмами⁴⁴⁷ и ходатайствами за Ливонию перед императором и немецкими князьями⁴⁴⁸, не спеша оказывать реальную военную поддержку, несмотря на апелляции ливонской стороны к положениям Позвольского договора⁴⁴⁹. В этом отношении интерес представляет точка зрения Э. Тиберга, который считал, что данный договор изначально был составлен из расчёта, чтобы польский король имел основания не помогать Ливонии, пока та не признает себя частью Польско-Литовского государства⁴⁵⁰.

Что касается герцога Альбрехта, то он, в силу отсутствия в его распоряжении сколько-нибудь серьезного войска и своих вассальных

⁴⁴⁶ «...si Moscos (quod opt. Mat. Deus clementia misetat) Livonia potiat, atque ita vel Revaliensi vel Rigensi portu occupato, eis generis rebus ad belliam apparatus necessariis, terra marique severe comportatis <...> unde non tantum ad occupandu devestraduque magnem Lituaniae ducatu, sed et ad infestandas depopulandasque alias christianaas s.r.Mis.v. terras factor sibi aditos». Wenceslaus Schack, Gesandter Herzog Albrechts, an König Sigismund II. August von Polen. 20. September, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2282. S. 2a-2b.

⁴⁴⁷ König Sigismund II. August von Polen an den Dompropst Georg Schwantz und den Rigaer Domherrn Jacob Meck, Gesandte Erzbischof Wilhelms. 21. März, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2176. S. 2a; Antwort des polnischen Königs auf die Werbung der livländischen Gesandten. Oktober, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2296. S. 1a-2a.

⁴⁴⁸ Herzog Albrecht an König Sigismund II. August von Polen. 18. April, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2208. S. 1a-2a; Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 21. April, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2210. S. 2a-4a; Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 18. Juni, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2229. S. 1a-3b; Mandat Kaiser Ferdinands I. in der Angelegenheit Jaspers von Munster. 30. Juni, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2232. S. 1a-1b.

⁴⁴⁹ OM. Wilhelm Fürstenberg an den Palatin von Wilna. 9. August, 1558 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 1. № 85. S. 234-236.

⁴⁵⁰ Tiberger E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 97, 233, 237.

обязательств перед польским королем, не мог самостоятельно принять решение о выступлении против царского войска или направить в Ливонию военную помощь. Тем не менее он регулярно снабжал брата ценными инструкциями. Кроме уже упомянутых, он также рекомендовал Вильгельму убедить магистра использовать для привлечения помощи извне финансовые средства Ордена, а также предлагал брату ходатайствовать перед сословиями, чтобы те позволили вернуться в Ливонию Ясперу Мюнстеру и другим сторонникам архиепископа, бежавшим из страны в ходе «войны коадьюторов», поскольку их возвращение в Ливонию означало также возвращение имевшихся в их распоряжении конных и пеших вооруженных отрядов⁴⁵¹. В свою очередь, архиепископ Вильгельм выступил с предложением заключить перемирие с «кровожадным наследственным врагом» (Россией) любой ценой, даже если ливонским сословиям придется выплатить в счет «юрьевской дани» 60000 талеров или более крупную сумму, которая будет собрана не только с Дерпта, но со всех ливонских сословий⁴⁵². Предложение Вильгельма было поддержано представителями Риги, Ревеля и Дерпта, поскольку «невыносимый мир был бы предпочтительнее справедливой войны», особенно в условиях отсутствия помощи извне, поскольку Империя находилась слишком далеко и была поглощена противодействием турецкой экспансии, польский и шведский короли были связаны условиями мирных договоров с Россией⁴⁵³, а престарелый Кристиан III Датский, и ранее не проявлявший особой активности в ливонском вопросе, напрямую отказался помогать Ливонии⁴⁵⁴.

Возможности Сигизмунда II Августа эффективно воздействовать на

⁴⁵¹ Antwort Herzog Albrechts auf die Werbung der Gesandten Erzbischof Wilhelms. 25 August, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2261. S. 7b-9a.

⁴⁵² Propositionen Erzbischof Wilhelms und der Herren und Stände zur Verbesserung der allgemeinen Lage in Livland. März, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2182. S. 4a-5a.

⁴⁵³ Bedenken der Städte Riga, Reval und Dorpat in Anbetracht der moskowitischen Bedrohung. Februar/März, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2192. S. 9a-12a.

⁴⁵⁴ Письмо короля датского Христиана III к магистру ливонскому. 7 августа 1558 г. // Щербачев Ю. Н. Датский архив. № 59. С. 22.

ситуацию в Ливонии, как это уже было показано, были ограничены угрозой его владениям, исходящей не только с востока, но и с юга. В силу сложной внешнеполитической обстановки условием, необходимым для активизации его усилий в балтийском направлении стала, в первую очередь, нормализация отношений Польско-Литовского государства с Крымским ханством. В дополнение к этому остро обозначился финансовый вопрос, поскольку, по мнению А. Сухени-Грабовской, денежные ресурсы Сигизмунда II Августа были истощены уже в 1557 г.⁴⁵⁵ Вдобавок, для активизации его ливонской политики было необходимо обеспечить соответствующие мотивации польско-литовского дворянства. Наиболее эффективным средством для того могла стать перспектива получения земельных владений в Ливонии, однако ливонские сословия и архиепископ Вильгельм ясно дали понять о нежелании уступать в этом вопросе⁴⁵⁶. Кроме того, для введения в Ливонию польско-литовского военного контингента требовалось убедительное правовое обоснование, в отсутствие которого подобная акция воспринималась бы как территориальная экспансия, что могло осложнить Польско-Литовскому государству последующие дипломатические маневры и ограничить возможности кооперации с его потенциальными союзниками в Ливонии и за её пределами. Путем решения этой проблемы вновь стало обращение польского короля к концепту протекторства и его приспособление к изменившимся геополитическим реалиям.

⁴⁵⁵ Sucheni-Grabowska A. Zygmunt August. S. 491, 505-508.

⁴⁵⁶ Karwowski S. Wcielenie Inflant do Litwy i Polski. S. 40.

§2. Последний этап политики инкорпорации. Первый Виленский договор.

Общая пассивность соседних с Ливонией государств создала необходимый внешнеполитический фон для возобновления Иваном IV боевых действий в этом регионе, но уже с другой целью – вместо разового карательного похода в ответ на неуплату требуемой дани в этот период мы видим полномасштабную военную экспансию, сопряженную с захватом замков и прилегающих к ним территорий. Брошенная на произвол судьбы Ливония едва ли могла оказать достойное сопротивление столь сильному противнику, каким являлась Россия, что предопределило ряд значимых военных побед царского войска, самыми значимыми среди которых было взятие Нарвы 11 мая 1558 г.⁴⁵⁷ и Дерпта 18 июля 1558 г.⁴⁵⁸ Успехи Ивана Грозного и его последующие претензии на обладание ливонскими землями вкупе с пассивностью соседних держав обнаружили срочную необходимость в обретении надежного союзника, в связи с чем Вильгельм обратился к ливонским сословиям, призвав их вновь обратиться за помощью к Сигизмунду Августу, открыто заявив о своем намерении перейти под власть Короны Польской, к чему также призвал и всех прочих⁴⁵⁹.

Однако сословия и государи Ливонии в большинстве своем не поддержали призыв архиепископа. Дерптская епархия рассчитывала на поддержку Польско-Литовского государства, но в гораздо меньшей степени,

⁴⁵⁷ Henning S. Liffländische Churländische Chronica. F. 13a; Johann Renner's Livländische Historien. S. 176-184; ПСРЛ. Патриаршая или Никоновская летопись. Т. 13. С. 290, 294-296; ПСРЛ. Львовская летопись. Т. 20. Ч. 2. С. 592-593; Филошкин А. И. Дискурсы Нарвского взятия // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 159-172; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 35-47.

⁴⁵⁸ Henning S. Liffländische Churländische Chronica. F. 15b-16a; Johann Renner's Livländische Historien. S. 188-196; ПСРЛ. Патриаршая или Никоновская летопись. Т. 13. С. 302. Более подробно о ходе военных действий: Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 50-54.

⁴⁵⁹ Anträge des Meisters in Livland nach der moskowitischen Eroberung von Narwa und Neuhausen an Erzbischof Wilhelm im Beisein von Kapitel, Räten und dem Ritterschaftsausschuß des Erzstifts Riga, überbracht vom Marienburger Komtur Evert von Syburg zu Wischlingen und Dr. Rempert Gilsheim. 10. Juli, 1558 // GStA PK, XX, HA NVA. № 2236. S. 5a-7b.

по примеру Ревеля и Риги полагаясь на поддержку со стороны Дании⁴⁶⁰. Искать помощи у датского короля предпочел и магистр Ордена, Вильгельм Фюрстенберг, мотивируя это отказом Сигизмунда Августа оказать немедленную помощь⁴⁶¹. Со стороны Кристофа Мекленбургского была также предпринята попытка изыскать необходимую помощь у Священной Римской империи, королей Дании и Швеции⁴⁶²; но не преуспев в этом, он намеревался бежать из Ливонии, чему противодействовали архиепископ и герцог Альбрехт⁴⁶³. Как можно видеть, даже перед лицом непосредственной угрозы консолидации ливонских государей и сословий перед лицом внешнего врага не произошло; напротив, их действия носили сепаратный и нескоординированный характер, как в поисках внешнего союзника, так и в организации обороны⁴⁶⁴.

Первые намеки касательно объединения всей Ливонии с Польско-Литовским государством можно увидеть в обращении посланника прусского герцога Венцеслава Шака к Сигизмунду Августу, датированном 20 сентября 1558 г.⁴⁶⁵ В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что в официальную титулатуру Сигизмунда было включено обращение как к «государю Ливонии» («*domine benelissime terrarum Livoniae*»). Содержательная часть документа начинается с описания плачевного

⁴⁶⁰ Bürgermeister und Rat der Stadt Reval an Wilhelm von Fürstenberg. 6. Juli, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2233. S. 2b-3a; Bürgermeister und Ratmannen von Reval an die Stadt Riga. 7. Juli, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2235. S. 1a-1b; Memorial der Gesandten des Bischofs von Dorpat, Johann von Tiesenhausen und Christoph Tropen, an Erzbischof Wilhelm. Juni/Juli, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2238. S. 1a-3a; Rat und Gemeinde der Stadt Riga an Erzbischof Wilhelm. 2. August, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2252. S. 2b-3b; Antwort Herzog Albrechts auf die Werbung der Gesandten Erzbischof Wilhelms. 25 August, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2261. S. 3a-5a.

⁴⁶¹ Antwort Erzbischof Wilhelms auf die Werbung der Stadt Riga. 3. August, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2254. S. 2a-4b; Antwort des Meisters in Livland auf die ihm überbrachte Werbung der Stadt Riga. Juli, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2255. S. 1b-2b.

⁴⁶² Antwort Herzog Christophs von Mecklenburg auf die Werbung der erzstiftischen Gesandten Reinholt von der Pale und Andreas Brackmann. 11. Oktober, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2293. S. 5b-6b.

⁴⁶³ Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 12. Juli, 1559 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2475. S. 1b-2b.

⁴⁶⁴ Werbung der Gesandten Erzbischof Wilhelms an Herzog Albrecht. 22. August, 1588 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2257. S. 3a-5b; Antwort Herzog Albrechts auf die Werbung der Gesandten Erzbischof Wilhelms. 25 August, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2261. S. 5a-5b; Antwort Herzog Christophs von Mecklenburg auf die Werbung der erzstiftischen Gesandten Reinholt von der Pale und Andreas Brackmann. 11. Oktober, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2293. S. 9a; Henning S. Liffländische Churlendische Chronica. F. 16a.

⁴⁶⁵ Wenceslaus Schack, Gesandter Herzog Albrechts, an König Sigismund II. August von Polen. 20. September, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2282. S. 1b-2a.

состояния Ливонии, опустошенной царскими войсками, которые «намерены взять архиепископство Рижское в свои руки» («*ad Archiepiscopatum rigensem simili trutulentia tractandum, suoque dominatu subjacatum*») чтобы кроме права покровительства и опеки прочный статус его королевского величества земель, особенно соседних, полностью уничтожить. В связи с этим в обращении выражается уверенность, что Сигизмунд Август как протектор архиепископства и в силу кровного родства окажет необходимую помощь, поскольку «в интересах его королевского величества чтобы москвит в Ливонии не воцарился» («*ne Moscus in Livonia dominet*»), поскольку «заняв порты Ревеля и Риги и, таким образом, приобретая по суше и по морю разного рода вещи, необходимые для войны, он сумеет сделаться самым могущественным» («*vel Revaliensi vel Rigensi portu occupato, eis generis rebus ad bellum apparatus necessariis terra marique struere comportatis intractissimum potentissimumque sese reddat*») и покорив Ливонию приступят к разорению Великого княжества Литовского. Согласно мнению автора, Сигизмунд должен оказать помощь если не всей Ливонии, то по крайней мере «той части этой провинции, которая признает его величество протектором, и уже о том просила», что послужит в качестве примера для ливонских земель «чтобы они прежде, чем [самим] идти к протекторству поверили бы, что исполняющие [это право] обеспечат безопасность архиепископства», для чего следует «тихо сделать так, чтобы его королевское величество был признан наисветлейшим государем [Вильгельмом] в качестве защитника (*defensio*) присоединенной провинции». При этом в обращении явно дается понять, что значение права протекторства играет гораздо большую роль, чем кровные узы – «это дело [будет] исполнено ради укрепления его [Сигизмунда] известного протекторства, и он не удовлетворится, делая это лишь из-за близкой кровной связи»⁴⁶⁶.

⁴⁶⁶ Wenceslaus Schack, Gesandter Herzog Albrechts, an König Sigismund II. August von Polen. 20. September,

К сожалению, ответ Сигизмунда на это обращение нам не известен, и поэтому трудно судить о его реакции, однако его отношение к новому витку «ливонского дела» отчетливо просматривается в его ответе ливонским послам, данном в октябре 1558 г. В этом документе польско-литовский монарх сообщил, что «королевский совет на недавнем сейме в Петрикау смог изыскать, с помощью каких средств на полном доверии и со знанием дела его королевское величество против врага сможет оказать помощь <...> [а именно] заключить такой сильный союз с Ливонией, по условиям которого его королевское величество обязан будет взять на себя подобную защиту <...> [поскольку] его королевское величество против клятвенного мирного союза хотел бы действовать с соблюдением права»⁴⁶⁷. В форме намека, хоть и весьма прозрачного, в своем обращении к ливонским посланникам он сообщил о необходимости создания более тесной связи (речь в этом документе едва ли идет о союзе, поскольку согласно условиям Позвольского договора 1557 г. таковой уже имел место быть), очевидно, подразумевая под этим переход ливонских земель под его управление.

Вопреки словам Сигизмунда, в материалах Петроковского сейма 1558 г. обсуждение ливонской проблемы практически отсутствует – польские паны гораздо большее внимание уделили дискуссии о расширении собственных привилегий, угрозе нового татарского нашествия и религиозным спорам. Тема Ливонии обсуждалась очень ограниченно, сугубо в контексте противостояния с Россией – с установлением там власти Ивана IV, последний получит сильные крепости и доступ к балтийским портам, что будет представлять угрозу не только для Великого княжества Литовского, но

1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2282. S. 1a-2a, 3b, 4a-4b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁴⁶⁷ «Als hat der Reichs Rath auf nechstgehaltenen Landtage zu Petrikaw mit finden können, mit was ehten unter letzten glauben und guten gewissen Ire mat. wider denselbigen feindt den Lifflandenn hulffe leisten könne, sonderlich nach dem keine grausame ursach, kein so starcker bundt mit Liefflande verhanden, dadurch ire mat sich solche schutzes annehmen musse, und das Ire mat also des geleisteten eides entbunden und freyet sein muge. Dann Ire mat haben so wol zu einer bestimbten zeit mit den muscowitter als den Lifflandenn vereinigungen und bundtnisse, friden und nachbarschafft und friden mit so hochwichtig, das darumb von beschworner friedbundtnisse rechtmessiplich muge geschrieten warden». Antwort des polnischen Königs auf die Werbung der livländischen Gesandten. Oktober, 1558 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2296. S. 1b-2a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

также для Пруссии и самих коронных земель⁴⁶⁸. И хотя сейм устно одобрил сбор налога на военные нужды и «общую оборону», данное решение не было подкреплено резолюцией, к тому же спектр активно обсуждаемых проблем скорее предполагал, что эти деньги надлежало потратить на оборону южных границ от татар, а не на защиту ливонских земель⁴⁶⁹. По мнению Е. Лелевеля, которое также разделял и С. Карвовский, подобная отстраненность польской стороны была вызвана конфронтацией двух противоборствующих группировок в окружении Сигизмунда Августа: протестантов-литовцев, возглавляемых Николаем Радзивиллом Черным и католиков-поляков во главе с Филиппом Падневским. Первые выступали за немедленную войну с Россией и проведение активной политики в Ливонии силами обеих государств; вторые же отказывались оказывать бескорыстную помощь, используя этот вопрос в качестве рычага принуждения к заключению реальной унии на условиях подчинения Литвы Польской Короне⁴⁷⁰. Данная ситуация стала проявлением в известной мере классических польско-литовских противоречий – давление со стороны поляков по вопросу об унии было перманентным и усиливалось по мере возникновения у литовских панов потребности в военной или финансовой помощи со стороны Польши, что вполне резонно вызывало сопротивление литовских панов⁴⁷¹. Это свидетельствует о слабости внутренней связи между частями унитарного государства; в частности, данное обстоятельство стало основой конфликта польской и литовской шляхты на Петриковском сейме 1558 г., в результате которого польская шляхта, вновь получившая отказ на предложение об унии, отказалась от оказания финансовой помощи Литве, отстранившись от участия в ливонских событиях⁴⁷². Вследствие этого Сигизмунд II Август сосредоточил свои усилия на Великом княжестве Литовском, где пробыл

⁴⁶⁸ Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta, króla polskiego, W. X. Litewskiego 1555 I 1558 r. w Piotrkowie złożonych. Krakow, 1869. S. 143-144.

⁴⁶⁹ Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta. S. 147.

⁴⁷⁰ Karwowski S. Wcielenie inflant do Litwy i Polski. S. 58; Королюк В. Д. Ливонская война. С. 26-27.

⁴⁷¹ Шульц Д. Влияние литовско-московских войн на отношения Литвы и Польши. С. 198-224.

⁴⁷² Lelewel J. Dzieje Litwy I Rusi do unii z Polską. S. 174.

последующие три года, в течение которых вальные сеймы в Польше не созывались⁴⁷³.

Куда большую активность в отношении ливонского вопроса проявила Литва, где 28 октября 1558 г. Сигизмундом по этому вопросу был созван совет радных панов⁴⁷⁴. Заручившись поддержкой литовской знати, он предпринял меры по военной подготовке - 28 ноября 1558 г. господарская канцелярия постановила возобновить сбор чрезвычайного военного налога (серебщины)⁴⁷⁵, притом в течение двух последующих лет она должна была взиматься в удвоенном размере⁴⁷⁶. Параллельно с этим был отдан приказ о подготовке к созыву местного рушения шляхты в крепостях на северной границе Литвы⁴⁷⁷. В обмен на это литовские сословия просили наделять имениями в Ливонии только подданных Великого княжества Литовского⁴⁷⁸, опасаясь, по всей видимости, проникновения в этот регион польской знати. Не желая портить отношения с ливонскими сословиями, Сигизмунд Август отклонил это прошение, аргументировав отказ тем, что ливонские земли ему не принадлежат, но также пообещал, что в случае изменения ситуации литовская шляхта будет иметь приоритет в этом вопросе⁴⁷⁹. Немаловажно отметить, что на сейме в Вильно также прозвучала просьба об исправлении границ с Ливонией и «где бы что шляхетского было кому забрано, абы то

⁴⁷³ Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен. Варшава, 1995. С. 92; Stancelis V. The annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania. P. 24;

⁴⁷⁴ Янушкевич А. Н. Ливонская война. С. 38.

⁴⁷⁵ Лист до державец о отдавье податку, на сеиме уфаленого, на певный час до скарбу. 25 ноября 1558 г. // LM-564. № 1. P. 29-31.

⁴⁷⁶ Уставы данные Литве и областям Жмудьской, Полоцкой, Витебской и Мстиславской, на четвертом Виленском сейме. 1559 // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1848. Т. 3. № 24. С. 99.

⁴⁷⁷ У Петркове листы писаны по всему паньству Великому Князству Литовскому, абы пенези серебщизные на потребу земскую в року теперешнем 1558 и 1559 з ыменей своих до скарбу господарского давали на Громницы, и розосланы тые листы с Петрикова ж месеца декабря 7 дня. 25 ноября 1558 г. // LM-564. № 1. P. 28-29.

⁴⁷⁸ Ответы великаго князя Сигизмунда Августа на просьбы и заявленія княжат панят и всей шляхты Великаго Княжества Литовскаго, представленныя ему на Виленском сейме. 1559 // РИБ. Т. 30. № 12. С. 270-271.

⁴⁷⁹ Ibid.

тому же было привернено»⁴⁸⁰, что вновь возвращает нас к проблеме литовско-ливонского пограничья, уже рассмотренной выше. По этому вопросу Сигизмунд Август отвечал, что «его милость около того Мистра Лифлянтского напоянути рачит, и кгда ся тые границы направят и постановят, его королевская милость што слушного в той прозьбе вашей обачивши учинити рачит»⁴⁸¹.

Одновременно с вышеуказанными мероприятиями также была продолжена дипломатическая работа по двум направлениям: с Крымским ханством, в целях нормализации отношений⁴⁸², а также с русским царем⁴⁸³. Весной 1559 г. в Москву прибыло литовское посольство, возглавляемое подляшским воеводой В. Тышкевичем, которое, исходя из ожиданий российской стороны, должно было заключить «вечный мир», чтобы совместно «от басурман оборону христьянству чинити»⁴⁸⁴. Однако литовские послы неожиданно выдвинули требование возвращения Литве ряда спорных территорий (в том числе Смоленска) – условие, которое оценивается исследователями как заведомо невыполнимое⁴⁸⁵ – что не нашло понимания у царских представителей («оставя дело, говорити безделье»)⁴⁸⁶ и в итоге переговоры зашли в тупик. Важно отметить, что в ходе дипломатической полемики В. Тышкевич прямо заявил о том, что «и толко крымсково избыв, и

⁴⁸⁰ Уставы данные Литве и областям... 1559 // Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 3. № 24. С. 103.

⁴⁸¹ Ibid.

⁴⁸² Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции в середине XVI в. С. 80-81; Греков И. Б. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 259.

⁴⁸³ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561 S. 127-129; Historia dyplomacji Polskiej. S. 683-685; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 68; Янушкевич А. Н. Ливонская война. С. 39-43.

⁴⁸⁴ Посольство до Москвы великих послов. 20 декабря 1558 г. // Книга посольская. С. 147-150; Посольство от короля Сигизмунда Августа к царю Ивану Васильевичу с дворянином Василием Тышкевичем с товарищами. 3 декабря 1558 г. – 18 марта 1559 г. // СИРИО. Т. 59. № 37. С. 561-580.

⁴⁸⁵ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561 S. 127-129; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 145-147; Янушкевич А. Н. Ливонская война. С. 39-43.

⁴⁸⁵ Посольство от короля Сигизмунда Августа к царю Ивану Васильевичу... 3 декабря 1558 г. – 18 марта 1559 г. // СИРИО. Т. 59. № 37. С. 551-561, 577-578.

⁴⁸⁶ Посольство от короля Сигизмунда Августа к царю Ивану Васильевичу... 3 декабря 1558 г. – 18 марта 1559 г. // СИРИО. Т. 59. № 37. С. 574.

вам не на ком пасти, пасти вам на нас»⁴⁸⁷, что хорошо иллюстрирует восприятие сложившейся ситуации литовской стороной – заключение «вечного мира» и антикрымского союза едва ли имело какие-то перспективы, поскольку со стороны Литвы столкновение с Россией уже воспринималось неизбежным⁴⁸⁸.

После того как обсуждение касательно заключения «вечного мира» и антикрымского союза окончательно зашло в тупик, литовская сторона впервые затронула ливонский вопрос: «ты брат наш валку ведешь з законом реши Неметцкие земли Ифлянские, которых цесарь его милость и реша Неметцкая не отпустят подобно кроме обороны, с чего бы потом могло к немалому застью и к розлиту крови прити»⁴⁸⁹. Вдобавок, В. Тышкевич отчетливо дал понять, что не только император и немецкие князья недовольны действиями Ивана IV в отношении Ливонии, указав на покровительство Сигизмунда Августа в отношении Рижского архиепископа, который «есть кровный наш, для которого кривды мы на ту землю прошлого году сами особою нашей государскою тягнули <...> привернувши князя арцыбископа во все прежнее его достоинство в покорение»⁴⁹⁰. Реакция российской стороны на подобное заявление оказалась достаточно резкой – после личной аудиенции с послами Иван IV потребовал, чтобы Сигизмунд II Август не вступался за архиепископство и Ливонию, поскольку «Вифлянты извечные наши данники», и это дело касается только русского царя⁴⁹¹. В конечном счете стороны не пришли ни к каким договоренностям, сошедшись на соблюдении действующего перемирия «а вперед правду и неправду меж

⁴⁸⁷ Посольство от короля Сигизмунда Августа к царю Ивану Васильевичу... 3 декабря 1558 г. – 18 марта 1559 г. // СИРИО. Т. 59. № 37. С. 577.

⁴⁸⁸ Historia dyplomacji Polskiej. S. 683-684.

⁴⁸⁹ Посольство от короля Сигизмунда Августа к царю Ивану Васильевичу... 3 декабря 1558 г. – 18 марта 1559 г. // СИРИО. Т. 59. № 37. С. 578.

⁴⁹⁰ Очевидно, что в данном случае в виду имеются события 1557 г. и последующая реституция архиепископа, однако ни о каком «покорении» Рижского архиепископа польско-литовскому государю ни в переписке, ни в положениях Позвольского договора речи не шло.

⁴⁹¹ Посольство от короля Сигизмунда Августа к царю Ивану Васильевичу... 3 декабря 1558 г. – 18 марта 1559 г. // СИРИО. Т. 59. № 37. С. 579-580; Краткий отчет о переговорах литовских послов с царем Иваном IV Васильевичем, происходивших (великим) постом. 1559 г. // Щербачев Ю. Н. Датский архив. С. 30.

нас всемогий Бог розсудит», после чего переговоры были свернуты, и литовские дипломаты отправились обратно⁴⁹².

Переход Сигизмунда II Августа к открытому заступничеству за Ливонию, несомненно, был связан с успехами в крымской политике. К лету 1559 г. он сумел добиться окончательного урегулирования отношений с Бахчисараем и Стамбулом, тем самым обезопасив себя от необходимости вести войну на двух направлениях⁴⁹³. С этого момента дальнейшее затягивание переговоров больше не имело смысла, по причине чего литовская сторона выдвинула заведомо невыполнимые условия, сведя на нет работу русско-литовской дипломатии 1558-1559 гг. по вопросу создания антикрымского союза, в результате чего переговоры оказались сорваны⁴⁹⁴. Интересным моментом является попытка обеих сторон обосновать свои права в отношении Ливонии: Иван IV указывал на «кривды» со стороны ливонцев, наиболее значительной среди которых была неуплата «юрьевской дани», которая впоследствии была использована для обоснования царем своих прав на владение Ливонией⁴⁹⁵; а Сигизмунд Август, в свою очередь, апеллировал к кровному родству с Вильгельмом и праву протекторства над Рижским архиепископством, которое в рамках дипломатической полемики было отождествлено с отношениями подчинения.

По всей видимости, подобное позиционирование вполне устраивало Рижского архиепископа, поскольку еще зимой 1558 г. на ландтаге в Риге Вильгельм сделал официальное заявление, что «Господь не оставил нам лучшего средства, чем перейти к королю польскому»⁴⁹⁶. В качестве

⁴⁹² Посольство от короля Сигизмунда Августа к царю Ивану Васильевичу... 3 декабря 1558 г. – 18 марта 1559 г. // СИРИО. Т. 59. № 37. С. 579-580.

⁴⁹³ Греков И. Б. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 259; Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции в середине XVI в. С. 161-163.

⁴⁹⁴ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561 S. 103-105, 145; Historia dyplomacji Polskiej. S. 683-684; Tübingen E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 68; Янушкевич А. Н. Ливонская война. С. 39-43.

⁴⁹⁵ Selart A. Livland – ein russisches Erbland? // Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert). Wien, 2012. S. 29-65.

⁴⁹⁶ Des EB. Wilhelm Propositionen, dem Landtage zu Riga übergeben. 12. Dezember, 1558 // BUGL. Bd. 1. № 193. S. 300. Перевод – Д. А. Бессуднов.

доказательства он поставил в пример положение своего брата Альбрехта, который, по мнению архиепископа, был полностью защищен своим сюзереном, а также указал на усилия, предпринятые Сигизмундом Августом на сейме в Петрокове⁴⁹⁷. Однако, как полагал архиепископ, чтобы получить эту помощь необходимо под благовидным предлогом нарушить русско-литовское перемирие, единственным средством чего является частичное подчинение Ливонии⁴⁹⁸. В конечном счете он призвал все ливонские сословия послать на сейм в Польшу своих делегатов для непосредственного определения условий распространения власти протектора на всю Ливонию, что было поддержано представителями Риги, отметившими, что этот вопрос следует также согласовать со Священной Римской империей, чтобы пресечь возможные обвинения в измене со стороны императора и немецких князей⁴⁹⁹.

В конечном счете, после неудачного датского посольства к Ивану IV⁵⁰⁰ и нового наступления царского войска в январе 1559 г.⁵⁰¹ идея обращения к Польско-Литовскому государству начала активно циркулировать и в орденских кругах. Одним из наиболее ярких тому примеров является письмо посла магистра, Клаудиуса Тротиуса, датированное 18 апреля 1559 г. В нем автор рассмотрел сразу две модели обретения столь необходимой военной и финансовой поддержки; Клаудиус предлагал по завершении войны либо предоставить Сигизмунду Августу сумму в 500 тысяч флоринов на покрытие военных издержек, либо «подчиниться его власти при условии, что привилегии Ливонии и дальше останутся неизменными» («*aut se sub rectioni illius subycere, satius Livonie privilegiis immunitatibus et preaminentiis*»).

⁴⁹⁷ Górnicki Ł. Dzieje w Koronie Polskiej od r. 1538 do r. 1572. Sanok, 1855. S. 113.

⁴⁹⁸ Bedenken des EB. auf die Meinungsäusserung des OM. 13. April, 1559 // Neue Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 2. № 116. S. 107-109.

⁴⁹⁹ Karwowski S. Wcielenie Inflant do Litwy i Polski. S. 53.

⁵⁰⁰ Henning S. Liffländische Churländische Chronica. F. 17b-18b; Hiarn T. Thomas Hiarn's Ehst-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte // MLA. Bd. 1. S. 219; Замок Дроттингбург близ Рандерса в Северной Ютландии. Инструкция, данная датским королем Христианом III, датским послам в Ливонию и Россию Клаусу Урне, Водиславу Вобисеру, Петру Бильде и Иерониму Теннеру. 26 сентября 1558 г. // Щербачев Ю. Н. Датский архив. № 62. С. 23.

⁵⁰¹ Более подробно см.: Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 65-74; По мнению хрониста С. Геннинга, войско Ивана IV во время наступления зимой 1559 г. имело небывалые размеры – 130 тысяч человек. Цифра, безусловно, фантастическая: Henning S. Liffländische Churländische Chronica. F. 17b.

Значительную часть документа занимает рассмотрение путей прекращения зависимости от Священной Римской империи - в частности, по завершении войны с Россией он предлагал «согласовать высокую сумму с королем, которой нет в Германии» потребовать от Империи оплатить военные расходы Польско-Литовского государства с расчётом на то, что император и князья откажут, тем самым утратив свои права на Ливонию, поскольку «господин, не защищающий своего вассала, теряет свое право» («*vasalo <...> in tempore non defendente <...> jus feudi perdit dominus*»)⁵⁰².

Идею подчинения Ливонии Польско-Литовскому государству в конечном счете был вынужден поддержать и магистр Фюрстенберг. Весной 1559 г. на сейм в Вильно были отправлены представители ливонских сословий, снабженные инструкциями к Сигизмунду Августу, наиболее важными среди которых для данного исследования являются обращения двух крупнейших государей Ливонии, Ордена и Рижского архиепископа. Магистра в Вильно представлял его коадьютор, Готхард Кетлер, известный своими связями с литовской шляхтой и, в частности, Николаем Радзивиллом Черным⁵⁰³. Полный текст данной ему инструкции представлен в сборнике документов, опубликованных К. Ширреном⁵⁰⁴. Приоритетной целью провозглашалось скорейшее получение защиты со стороны Сигизмунда II Августа, ради чего следовало обещать польско-литовскому государю подчинение Ливонии его власти при соблюдении им ряда условий, первым из которых было сохранение привилегий Ордена: «следует сделать так, чтобы магистр, его Орден и их подданные во всех делах в любом случае под властью вашего величества получили юрисдикцию, права и все другие свободы <...> пожалованные Священной Римской империей». При этом

⁵⁰² Stellungnahme des Claudius Trohotius a Grandnat zur Abtretung fester Häuser an den polnischen König. 18. April, 1559 // GStA PK, XX, HA НВА. № 2404. S. 1a-2b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵⁰³ Henning S. Liffendische Churlendische Chronica. F. 4b, 18b; Karwowski S. Wcielenie Inflant do Litwy i Polski. S. 53-54. Любопытно отметить, что также он являлся сторонником распространения идей Реформации: Вебер Д. И. Последний ландмайстер Немецкого ордена в Ливонии. С. 19-21.

⁵⁰⁴ Memorial für den OM. Gothart Ketler zu Werbungen in Polen. 21. Februar, 1559 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 3. № 334. S. 105-108.

магистр выражал согласие на предоставление королю всей полноты внешнеполитического представительства Ордена: «необходимо заключить обязательства, что им [Ордену] нельзя без уведомления Польской короны вести переговоры с москвитями или окрестными государями <...> но только его королевское величество должно этим заниматься». Третий и четвертый пункт включали просьбу об оказании скорейшей военной помощи посредством направления в Ливонию войск, находящихся на содержании короля («некоторого количества рейтар <...> [которые будут] как можно скорее доставлены на королевские границы, чтобы они к тому же получали ежемесячное жалование от его королевского величества») и предоставления денежных средств («оборонные деньги в течение этого года»). Само подчинение должно было произойти «как пожалование лена» с принесением присяги и принятием регалий «на тех условиях, как это было сделано с Пруссией». Особо подчеркивалось обязательное условие сохранения старой литовской границы (по всей видимости, «линии Радзивилла»), а также необходимость защиты Ордена от посягательств Священной Римской империи, как это некогда было с Пруссией.

В первую очередь стоит отметить, что в мемориале Кетлера речь идет не о всех ливонских сословиях, а только об Ордене и его подданных, о чем также свидетельствует перечень подписавших документ лиц, среди которых можно видеть только гебитигеров Ордена. Также обращает на себя внимание малое количество условий – по сути, все требования магистра сводились только к оказанию военной помощи и сохранению привилегий, что демонстрирует отчаянное положение, в котором находился Орден в этот период. Стоит также отметить, что несмотря на параллель между предстоящей инкорпорацией Ливонского ордена и присоединением Пруссии к Польше в 1525 г., четко обозначенную в упомянутом документе, в нем полностью опущена тема секуляризации ордена, а из отдельных формулировок становится ясно, что инкорпорация предполагала сохранение Ордена, что возвращает нас к тезису о том, что он, вопреки

распространенному в историографии мнению, не изжил сам себя и еще был способен исполнить ведущую роль в переустройстве ливонской государственности⁵⁰⁵.

Как и в случае с Орденом, в инструкции посланцев архиепископа Вильгельма были представлены интересы только сословий рижского архиепископства, а не всей Ливонии⁵⁰⁶. Вступительная часть документа, повествующая о бесчинствах царского войска и причиненном им ущербе, аналогична соответствующему разделу орденского мемориала, однако здесь обращение к Сигизмунду привязано к его статусу протектора: «Поскольку мы и наше архиепископство были переданы церковными соборами и императорами его королевскому величеству под протекцию <...> и потому много раз названное архиепископство до наших времен достославно хранилось»⁵⁰⁷. Поэтому «в силу этого протекторства над нами и нашей епархией <...> а также, без сомнения нашей персоны как вашего величества кровного родственника <...> [Сигизмунд должен дать им] возможность одолеть всех врагов вашего королевского величества <...> и наконец взять к себе в вечной радости на множество лет», в то время как царь «хочет полностью подчинить Ливонию своей воле и оторвать страну от христианства и Короны Польской»⁵⁰⁸. В понимании архиепископа, Ливонию следовало бы включить в состав Короны Польской, однако был приемлем и вариант инкорпорации одновременно и в Польшу, и в Литву при условии сохранения ее сословиями прав и привилегий «подобно тому, как это

⁵⁰⁵ Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde. S. 275; Kreem J. Der Deutsche Orden und die Reformation in Livland S. 49.

⁵⁰⁶ Instruktion Erzbischof Wilhelms, seiner Räte und Ritterschaft an die zum polnischen König abgefertigten Gesandten. April/Mai, 1559 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2423. S. 1a-2a.

⁵⁰⁷ «Do dann wir und unser Ertzstift unns der von Cristlichen Concilien und keyser der ko mat Christlichen regirender vofaren, hochloblicher und hochmilder gedechen aufferlegth und von iren ko mat angenommenen protectiren, darum auch der vilgedachtes Ertzstift vor unsern zeittenn loblich erhaltenn worden». Instruktion Erzbischof Wilhelms, seiner Räte und Ritterschaft... April/Mai, 1559 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2423. S. 3a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵⁰⁸ «...aus Kraft dersellen Protection auch ohne zweifel unserer person halben als ihrer mat: nihen vertrauten blutsfreunds, hofänglich angenommen». Instruktion Erzbischof Wilhelms, seiner Räte und Ritterschaft... April/Mai, 1559 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2423. S. 3a-4b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

случилось с Пруссией»⁵⁰⁹. Отдельным блоком были прописаны условия последующей литовско-ливонской торговли, согласно которым «необходимо продолжать иметь старинную обычную торговлю, свободный проезд и дороги»⁵¹⁰. Кроме того, в довесок к уже упомянутому условию сохранения прав и привилегий, среди которых была и чеканка собственной монеты, посланники архиепископа должны были добиваться для сословий епархии полномочного представительства «на заседаниях в королевском совете, на всех сеймах и совместных собраниях, не исключая выборов короля», при том что решения по внутренним делам, проблемам границы и юрисдикция должны находиться в руках архиепископских советников при королевском дворе⁵¹¹. Также архиепископ указывал на то, что «в ливонских землях наивысшая власть была у архиепископов <...> и без его [архиепископа] введома ничего не могло происходить»⁵¹². Особо следует отметить, что условие неприкосновенности недвижимого имущества архиепископа дополнено просьбой о возвращении ему владений, некогда отторгнутых Орденом, а именно, замков и округов Вольмар, Буртниеке, Руен и Трикатен, а также «особенно надо обстоятельно обсудить <...> вопрос о том, что город Рига принадлежит одним только архиепископам <...> что ранее уже много лет предоставлялось на суд королевскому величеству»⁵¹³. Обращает на себя внимание тот факт, что в данном документе, в отличие от инструкции Кетлера, большая его часть посвящена именно проблеме инкорпорации

⁵⁰⁹ «...gleich mit den landen zu Preussen geschehen». Instruktion Erzbischof Wilhelms, seiner Räte und Ritterschaft... April/Mai, 1559 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2423. S. 7b-8a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵¹⁰ «...alte gewonliche handel und wandel freue Strassen und wege ein zu leiben». Instruktion Erzbischof Wilhelms, seiner Räte und Ritterschaft... April/Mai, 1559 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2423. S. 8a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵¹¹ Instruktion Erzbischof Wilhelms, seiner Räte und Ritterschaft... April/Mai, 1559 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2423. S. 9a-9b.

⁵¹² «...in den landen Eiflandt ohne die oberste hoheit und herligheit bey den hern Ertzbischoffen gewesen in allen gemeinen <...> und ohne sein wissen nichts dengleichen geschehen können». Instruktion Erzbischof Wilhelms, seiner Räte und Ritterschaft... April/Mai, 1559 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2423. S. 8b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵¹³ «Sonderlichen aber sole betrachtet <...> werden, welcher gestaltdt der stadt Riga den Ertzbischoffen allein gehoret, <...> so vor weynig jahren bey der ko mat gesucht und aufgebracht unmehr gefallen». Instruktion Erzbischof Wilhelms, seiner Räte und Ritterschaft... April/Mai, 1559 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2423. S. 10b-11b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

рижского диоцеза в состав Польско-Литовского государства и укреплении властных прерогатив Рижского архиепископа в Ливонии. Тема скорейшего оказания Ливонии военной помощи, которая доминирует в инструкции орденского представителя, в архиепископском мемориале практически не затрагивается и потому создается впечатление, что глава Рижской церкви не видел смысла в продолжении войны с Иваном IV, стремясь как можно скорее и на лучших условиях перейти под власть польско-литовского государя.

За исключением некоторых общих моментов (необходимость инкорпорации, сохранение привилегий и собственности, защита от возможных посягательств Священной Римской империи) два вышеназванных документа демонстрируют абсолютно разные варианты отношения к предстоящей инкорпорации – для магистра она виделась пожалованием Ордену его владений в лен, что давало ему возможность получить от польского короля, своего сюзерена, срочную военную и финансовую помощь, как это соответствовало средневековым нормам вассально-ленных отношений; в то же время для архиепископа Вильгельма инкорпорация представлялась естественным продолжением издревле существующих отношений польского короля и Рижской епархии в рамках протекторства, предполагавших приобретение широкой автономии епархии, ослабление Ордена и усиление политических позиций архиепископа.

Итогом переговоров в Вильно стало заключение 31 августа 1559 г. соглашения с Сигизмундом II Августом, получившего название первого Виленского договора. Согласно этому документу магистр передавал «себя, свой орден и всю Ливонию в верное покровительство и под наше [Сигизмунда] протекторство»⁵¹⁴. Польско-литовский государь, в свою очередь, обязывался направить к царю послов с требованием прекратить

⁵¹⁴ Kelch C. *Liefländische Historia Oder Kurtze Beschreibung der Denckwürdigsten Kriegs- und Friedens-Geschichte Esth-, Lief- und Lettlands*. Reval, 1695. S. 240-241; Zacharias Weiss an den OM. Wilhelm Fürstenberg. 29. August, 1559 // *Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit*. Bd. 3. № 398. S. 267-271. Перевод – Д. А. Бессуднов.

боевые действия в Ливонии, вернуть уже захваченные земли, возместить нанесенный ущерб провинции «что находится под нашей протекцией», а также «чтобы нас не отрывали от ливонцев в будущем»; в противном же случае Сигизмунд получал «полномочия на войну с московитами», лично и от имени своих преемников обещав оберегать и защищать Ливонию «против всех сил и нападения войск московитов», а также должен был «с опорой на пакт и союз, заключенный обеими сторонами в Позволе осуществить совместными усилиями поход и войну с московитами». Магистр, в свою очередь, от имени всех сословий Ливонии обещал возместить Сигизмунду II Августу военные расходы в случае, если война всё же начнется, а при сохранении мира «удовольствоваться меньшей суммой». Также магистр передавал польско-литовскому государю «области, замки, префектуры и наместничества в Ливонии на основании имеющего силу права» но с условием «сохранения там всего права и власти». В его распоряжение переходила «вся область, которая начинается от границ Великого княжества Литовского, а потом следует до дистрикта Ашерраден с президатурой Ашеррадена и всем его имуществом за исключением другого берега Дюны», а также замок Бауске, Розитен, Луцен, Дюнабург и Зельбург. Польско-литовский государь обязался сохранять в Ливонии неизменными «права, привилегии, законы, святую веру Августина Исповедника и укоренившиеся обычаи», сохранять старые и не вводить новые налоги, а также не покушаться на движимое и недвижимое имущество ливонских сословий. Если же по завершении войны с Россией магистр или его преемники пожелают вернуть обратно уступленные земли и крепости, то тогда в счет военных расходов Короны им следовало выплатить 600 тыс. флоринов, а до тех пор магистру надлежало довести до сведения своих подданных, «чтобы они в всем слушались и подчинялись нашим благородным префектам и официалам», которые «объединят свои замки, что будут им доверены, с замками и войсками Ливонии, упрочат друг друга взаимным советом, чтобы они вели дела посредством общего порядка и общих решений», приняв

гарантию того, чтобы войсками Сигизмунда «не творилось опустошение этой провинции или какое-либо обременение». В случае захвата территории, принадлежащей противнику, её следовало поделить между Ливонией и Литвой, за исключением областей, оккупированных противником – в этом случае земли отходили к их старому владельцу. В договоре также была затронута и тема споров на литовско-ливонской границе, однако окончательное решение этого вопроса официально откладывалось «до момента реституции презентур», т. е. возвращения занятых областей после выплаты вышеуказанной суммы в 600 тыс. флоринов.

15 сентября 1559 г. это соглашение было подтверждено архиепископом Вильгельмом и его коадьютором Кристофом⁵¹⁵. Несмотря на то, что документ обозначен как «*confirmatio*», в самом его тексте нет ни единого указания на первоначальное соглашение, заключенное в Вильно 31 августа. По факту этот документ представляет собой прямой личный договор сословий рижской архиепархии с Сигизмундом Августом, согласно которому Вильгельм и Кристоф передавали «себя, капитул, сословия <...> в доверие, покровительство и под полный протекторат его королевского величества». Условия (военная защита, посольство к царю, сохранение прав, имущества, запрет новых налогов, возврат земель) и обязанности (повиновение префектам и официалам, выплата 100 тыс. флоринов в счет военных расходов, передача замков и областей, соблюдение Позвольского договора) в целом идентичны тем что были закреплены в Виленском соглашении, однако субъектом договора в данном случае выступала не вся Ливония, а только архиепископ и сословия епархии. Заключение прямого соглашения с Сигизмундом II Августом вполне соответствовало как сепаратистским устремлениям представителей Рижского архиепископства, стремившихся отмежеваться от Ордена и вести независимую политику, так и

⁵¹⁵ Confirmatio Pactorum super defensione Livoniae, cum Sigismundo Augusto Rege Poloniae Vilnae d. 15. Sept. Anno 1559. initorum, per Archiepiscopum Rigensem facta. 15. Februar, 1560 // CDPL. Т. 5. № 134. S. 231-233. Перевод – Д. А. Бессуднов.

территориальным интересам Польско-Литовского государства. Обладание Ригой и Рижским архиепископством являлось для польско-литовского государя первостепенной целью, что проявилось впоследствии, по мере размещения в Ливонии литовского контингента⁵¹⁶. Прямой договор с рижскими сословиями был более удобен, поскольку в случае невозможности выполнить обязательства по отношению ко всей Ливонии оставалась возможность его соблюдения по отношению к той части конфедерации, обладание которой имело для Польско-Литовского государства больший приоритет. В тексте договора присутствует еще одна интересная деталь, проливающая свет на его политическое значение. В этом документе ясно указано, что официальное признание протекторства Сигизмунда Августа необходимо «чтобы его королевское величество мог быть свободен от присяги и союза [с Москвой]». Из этого фрагмента становится понятно, что имело место еще одно переосмысление старинного правового концепта протекторства, благодаря которому сфера его применения распространялась на всю территорию Ливонии, а польский король получал убедительный повод для нарушения действующего перемирия с царем и последующего вмешательства в ход войны на Балтике, подкрепленный древностью этого права.

Подписание первого Виленского договора знаменовало собой начало нового этапа в истории Ливонской войны, поскольку в нее включился политический игрок, до этого момента придерживавшийся политики невмешательства. Опора на положение о праве протекторства, сложившемся в рамках имперского правового поля, была весьма удобным фундаментом для полемики с императором и сословиями Священной Римской империи, поскольку переход Ливонии под власть польско-литовского государя представлялся как реализация древнего (что было немаловажно для

⁵¹⁶ Jasnowski J. Mikołaj Czarny Radziwill. S. 248; Lenz. W. Riga zwischen dem Römischen Reich und Polen-Litauen in den Jahren 1558-1582. Marburg, 1968. S. 13; Mettig C. Geschichte der Stadt Riga. Hannover-Döhren, 1980. S. 248.

подтверждения его валидности) права, дарованного ему самими же императорами, гарантирующего ливонскому ландсгерру покровительство и защиту, которые сама Империя была не в состоянии обеспечить. Кроме того, переход всей Ливонии под протекцию Сигизмунда II Августа предоставлял ему валидный аргумент для нарушения действующего перемирия с царем, притом вся ответственность за это - по крайней мере, в соответствии с европейскими представлениями о законности - возлагалась на Ивана IV, который сам нарушил договор с польско-литовским государем путем вооруженного нападения на его подопечных.

Кроме идеологически-правового обоснования своих дальнейших действий, польско-литовский государь смог с заключением Виленского договора создать подходящие условия для вовлечения в ливонский конфликт широких слоев шляхты. Введение военного контингента в ливонские крепости и передача части из них под управление с сохранением возможности выкупа сами по себе еще не являлись прямой экспансией, однако, как справедливо заметил в своем письме посол магистра Клаудиус Тротиус «иные примеры показывают, что никакой замок таким образом никогда не был выкуплен»⁵¹⁷. Тем не менее, несмотря на подобное отношение приближенных магистра к практике закладывания ливонских замков, Кетлер был вынужден пойти на этот шаг, причиной чему, очевидно, являлись серьезные финансовые затруднения Ордена⁵¹⁸. Реакция литовской стороны на это обстоятельство была весьма прямолинейной – на виленском сейме 1559 г. открыто обсуждался вопрос о наделении ливонскими землями представителей литовской шляхты⁵¹⁹. Возможность новых территориальных

⁵¹⁷ «Verum ex aliorum exemplis conijciens illa castra nunquam redempta iri». Stellungnahme des Claudius Trohotius a Grandnat zur Abtretung fester Häuser an den polnischen König. 18. April, 1559 // GSTA PK, XX, HA NVA. № 2404. S. 1a. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵¹⁸ К подобному выводу приходит и Д. И. Вебер в своей статье: Вебер Д. И. Последний ландмайстер Немецкого ордена в Ливонии. С. 21.

⁵¹⁹ Ответы великаго князя Сигизмунда Августа на просьбы и заявления княжат панят и всей шляхты Великаго Княжества Литовскаго, представленныя ему на Виленском сейме. 1559 // РИБ. Т. 30. № 12. С. 270-271, 273-274.

приращений, подогретая опасениями касательно усиления заклѣтого врага в стратегически важном регионе, обеспечивала мотивацию действий литовской и польской шляхты и содействовала ее все более масштабному вовлечению в балтийскую политику Сигизмунда II Августа. Подобное заключение находит подтверждение в результатах работы вального сейма 1559 г. в Вильно, одобрившего сбор новых земских налогов и отправку войск в Ливонию⁵²⁰.

Что же касается ливонских сословий, то тут вполне очевиден компромиссный характер достигнутых соглашений. Виленский договор, как это следует из сопоставления двух его вариантов с мемориалами, в меньшей степени соответствовал инструкциям Вильгельма, который выступал за инкорпорацию ливонских земель в качестве провинции с широкой автономией под своим главенством, и в большей – позиции магистра, в первую очередь стремившегося получить войска и деньги для войны с войсками Ивана IV. Вероятнее всего причиной тому было желание Сигизмунда привлечь на свою сторону большее количество представителей ливонских сословий, что с учетом военной ситуации и напряженных отношений между ними было весьма непросто. Поддержка Вильгельма в его эгоистичном желании утвердить свою единоначальную власть в Риге и вернуть некогда захваченные Орденом земли едва ли нашла бы одобрение среди прочих сословий, в то время как противостояние России требовало сосредоточения усилий. Позиция магистра, ратовавшего за сохранение территориального единства ливонских земель (пусть даже ценой частичного подчинения польско-литовскому государю) в большей степени отвечала интересам ливонских сословий. К тому же ставка на поддержку Вильгельма была сопряжена со значительными рисками по причине весьма солидного

⁵²⁰ Уставы данные Литве и областям... 1559 // Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 3. № 24. С. 99, 103; Ответы великаго князя Сигизмунда Августа на просьбы и заявленія княжат панят и всей шляхты Великаго Княжества Литовскаго, представленныя ему на Виленском сейме. 1559 // РИБ. Т. 30. № 12. С. 270-271; У Петровке листы писаны по всему паньству Великому Князству Литовскому, абы пенези серебщизные на потребу земскую в року теперешнем 1558 и 1559 з ыменей своих до скарбу господарского давали на Громницы, и розосланы тые листы с Петрикова ж месеца декабря 7 дня. 25 ноября 1558 г. // LM-564. P. 28-31.

возраста архиепископа, в то время как его преемник, Кристоф Мекленбургский, не так давно порывавшийся сбежать из Ливонии, не внушал никакого доверия⁵²¹. По всей видимости именно с этим было связана концентрация внимания Сигизмунда II Августа на фигуре Готхарда Кетлера и последующее исключение рижского архиепископа из числа активных участников судьбы остатков Ливонской конфедерации.

Стремление заручиться поддержкой в среде ливонской знати против России также проявило себя в условиях, выдвинутых Сигизмундом II Августом - соблюдение Позвольского договора 1557 г. и передача «в знак признательности» некоторых областей, замков, префектур и наместничеств, которые впоследствии возможно было выкупить обратно – по крайней мере, с формальной точки зрения. Таким образом, польско-литовский государь получал в свое распоряжение южную часть Ливонии, притом все за исключением Дюнабурга (Даугавпилса) переданные ему замки, куда вскоре должны были вступить литовские отряды, находились в направлении ожидаемого вторжения русских войск.

К сожалению, первый Виленский договор получил довольно скудное освещение в историографии. Большая часть исследователей считает его малозначительным, отводя для его рассмотрения весьма скромное место в своих исследованиях⁵²², либо не упоминают о нем вовсе⁵²³. Лишь малое число авторов уделило внимание данному соглашению в своих работах и их оценки по большей части весьма скептически. К примеру, С. Арнелл полагает, что в нем недостаточно прописаны обязательства польско-литовского государя по защите Ливонии от внешнего противника, а сам текст составлен таким образом, что Сигизмунд II Август получал возможность уклоняться от

⁵²¹ Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 12. Juli, 1559 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2475. S. 1b-2b.

⁵²² Kutrzeba S. Polska a Inflanty. S. 5-6; Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 207-211; Kiaupa Z., Kiaupiene J., Kuncsevicius A. The history of Lithuania before 1795. S. 232; Sucheni-Grabowska A. Zygmunt August. S. 508.

⁵²³ Форстен Г. В. Балтийский вопрос. Т. 1. С. 104-109; Halecki O. Geschichte Polens. Frankfurt am Main, 1963. S. 84-108; Heyde J. Kość niezgody. S. 159-168.

исполнения своих обязательств⁵²⁴. Э. Тибберг в своей работе также указывал на большое количество условностей, как, например, требование неукоснительного соблюдения ливонцами Позвольского договора, и откровенную наивность ряда положений Виленского соглашения, вроде обязательного обращения послов Сигизмунда к царю с требованием вернуть все захваченные земли, людей, а также компенсировать нанесенный Ливонии ущерб⁵²⁵. С последним тезисом трудно не согласиться, однако в своей характеристике исследователи во многом исходят из последующих событий, а не из ситуации, соответствовавшей заключению договора. Наиболее явно это прослеживается в труде В. Кирхнера, который крайне негативно отнесся к факту заключения этого соглашения, поскольку впоследствии «тот не принес пользы ни ливонцам, ни Польско-Литовскому государству»⁵²⁶. Эти оценки имеют право на существование, однако при рассмотрении этого соглашения ни в коем случае нельзя упускать из виду исторический контекст его появления.

Не добившись бескорыстной помощи против «кровного векового врага» от соседних держав, Ливония оказалась один на один с крупным, военизированным, политически, религиозно и культурно чуждым ей государством, самостоятельно противостоять которому не представлялось никакой возможности. В подобной ситуации подписание ливонскими ландсгеррами договора, предусматривавшего защиту от войск Ивана IV, ведение совместных боевых действий, консолидированность дипломатического представительства при условии сохранения имущества, привилегий и прав сословий в совокупности с запретом введения новых налогов – словом, почти всего того, чего добивались в тот момент ливонские сословия – в обмен на условное владение частью территории и обязательство

⁵²⁴ Arnell S. Die Auflösung des livländischen Ordensstaates. S. 72-75.

⁵²⁵ Tiberger E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 158-161.

⁵²⁶ «Thus, the treaty of Vilna, like that of Poswol two years earlier, proved to be little help to Livonia and of little gain to Poland-Lithuania». Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 210.

соблюдения сторонами действующего Позвольского договора не было настолько уж неудачной идеей⁵²⁷. В конце концов даже вероятное установление владычества Сигизмунда Августа едва ли представляло для Ливонии серьезную проблему, поскольку на протяжении всей своей истории она подчинялась государям иноземного происхождения⁵²⁸.

Сближение с Польско-Литовским государством представляется наиболее подходящим выходом из создавшегося положения, которым располагали на тот момент ливонские сословия. Путь объединения со Швецией или Данией был чреват обострением отношений с рижским архиепископом и герцогом Альбрехтом, что грозило новым внутренним расколом, не говоря уже о предсказуемой негативной реакции самого Сигизмунда II Августа. И хотя последующие события демонстрируют нам весьма неоднозначное исполнение этого договора, подписавшие его представители ливонских сословий тогда не могли еще знать об этом. Положение Ливонской конфедерации было отчаянным, поскольку возможные союзники – Священная Римская империя, Дания, Швеция – под разными предлогами абстрагировались от русско-ливонского конфликта, и в подобной ситуации подписание весьма компромиссного по своему характеру Виленского договора было меньшим из зол.

Однако наибольшее значение этот договор имел для самого Сигизмунда Августа, поскольку с его помощью ему удалось привлечь к войне против Ивана IV представителей шляхты, согласие которых было крайне необходимо для утверждения экстренных военных налогов и мобилизации войска. Кроме того, первый Виленский договор предоставил правовую базу для прямой экспансии, завуалированной под реализацию древнего права протекторства, что было важно для придания законности

⁵²⁷ В частности, значение конфессиональной составляющей для ливонских сословий во время переговоров 1559-1560 гг. было проанализировано в работе Д. И. Вебера: Вебер Д. И. Формирование конфессиональных границ Польши и ВКЛ. С. 253-255.

⁵²⁸ Форстен Г. В. Балтийский вопрос. Т. 1. С. 80.

собственными действиям как в глазах ливонцев, так и в глазах других государств, в особенности Священной Римской империи и России. Критика исполнения обязательств данного соглашения отнюдь не беспочвенна, однако умаление его значимости в контексте ливонской действительности конца 50-х гг. XVI в. не имеет под собой оснований. Заключение первого Виленского договора, предоставившего польскому королю правовые основания для введения в Ливонию воинских контингентов и последующего военно-административного освоения ее южной части, положило начало новому этапу борьбы за Ливонию, который был связан с утверждением там власти Сигизмунда II Августа в качестве ее полноценного государя.

§3. События 1559-1560 гг. Второй Виленский договор.

Подписание первого Виленского договора предоставило Сигизмунду Августу правовое поле для развития дальнейшей экспансии в Ливонии, однако это обстоятельство едва ли способствовало решению главной проблемы, а именно, необходимости противодействия войскам Ивана IV. В целях решения этой проблемы дипломатическими методами в декабре 1559 г. в Москву прибыло посольство, возглавляемое литовским шляхтичем М. Володковичем⁵²⁹. От имени Сигизмунда II Августа он объявил русскому царю, что «Ифлянская земля здавна от Цесарства Хрестьянского есть подана предком нашим в оборону отчинному панству нашему, Великому Князству Литовскому, чого поновляючи весь тот закон, со всею землею сами нам утвердили»⁵³⁰. Важно отметить, что речь тут шла именно о протекторстве, доказательством чему служат многочисленные ссылки на древность этого права и факт его пожалования императорами, которые можно обнаружить в специальной грамоте, врученной М. Володковичу королем: «От Цесарства Хрестьянского есть подана предком нашим в оборону <...> за поручением и подданьем от цесарства в обороне <...> земля [Ливония] от цесарства хрестьянства здавна хвалебным предком нашим к отчинному панству Великому Князству Литовскому подана под мощь и оборону».

Обращает на себя внимание явное расхождение позиции польско-литовского государя с изначальным содержанием концепта протекторства - как уже было доказано, носителем функции протектора изначалью являлась Корона Польская, а не Великое княжество Литовское; кроме того, согласно императорским декретам, положение о протекторстве сначала

⁵²⁹ Отправлено гонцом до Князя Великого Московского Мартина Володковича, и через него лист писан. 12 декабря 1559 // Книга посольская. Т. 1. № 114. С. 176-178; Посольство от короля Сигизмунда Августа к царю Ивану Васильевичу с посланником Мартыном Володковичем. 14 января - 2 февраля 1560 г. // СИРИО. Т. 59. № 40. С. 605; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 83-84.

⁵³⁰ Отправлено гонцом до Князя Великого Московского... 12 декабря 1559 // Книга посольская. Т. 1. № 114. С. 176.

распространялось только на Рижское архиепископство, а не на всю Ливонию. В данном случае налицо стремление исказить смысловое наполнение права протекторства в угоду политической ситуации: по Виленскому соглашению 1559 г. под покровительство Сигизмунда перешла вся Ливония и главным актором в её отношении должна была выступить именно Литва⁵³¹. Конечный вывод, представленный Ивану IV, также очень сильно расходится с историческими и правовыми реалиями. В нем, в частности, было сказано, что с момента подписания Позвольского договора, ливонцы являются подданными Сигизмунда Августа: «...княжатем Вильгельмом, арцыбискупом Рижским <...> мистр Фиштомберг [Фюрстенберг] незгоду почал был <...> за то мы, хотячи его скарать, и рушилися <...> к границам оная земли, то пак он со всех законом вспомнивши, что нам государю повинни в панстве нашем, встретили нас и били челом <...> абы к ласке и милосердью нашему и в подданство приняты»⁵³².

Опираясь на это утверждение, польско-литовский государь оспорил претензии царя на обладание Ливонией: «[Иван IV] меновал еси Ифлянты своими данники, о чем предкове и отец твой предком и отцу нашему, славное памяти Жигимонту королю, ничего не припоминали», приводя в качестве дополнительного аргумента еще и тот факт, что «кгды есмо для выступу [мы] их хотели карати, [Иван IV] не меновал еси своими данники и не стоял за них»⁵³³. Исходя из того, что Ливония еще в 1557 г. перешла под власть Литвы, Сигизмунд II Август обвинил Ивана IV в нарушении действующего русско-литовского перемирия, присовокупив к этому нападения России на Великое княжество Литовское: «не одно в той земле Ифлянтской, але и во

⁵³¹ К подобному выводу пришел в своей работе И. Лелевель: Lelewel J. Dzieje Litwy i Rusi aż do unji z Polską. S. 174.

⁵³² Это не единственное указание на подданство ливонцев по отношению к Великому княжеству Литовскому: «...они при первой повинности и старых dokonчаниях верность службы нам твердо здержати поприсягнули <...> до нас втеклися, припадаючи до маестату нашего господарского <...> в подданстве и обороне нашей будучи...» и так далее: Посольство от короля Сигизмунда Августа ... 14 января - 2 февраля 1560 г. // СИРИО. Т. 59. № 40. С. 603-604.

⁵³³ Посольство от короля Сигизмунда Августа ... 14 января - 2 февраля 1560 г. // СИРИО. Т. 59. № 40. С. 603-604, 606.

отчине нашей в границах Великого Княжства Литовского люди твои, приходячи войною, не мало ушкожали в перемирьи». Однако, несмотря на явные нарушения перемирия «присяги с стороны наше до урочных лет [мы] с тобою братом нашим нарушити не хотим», в силу чего Сигизмунд потребовал прекращения боевых действий, вывода войск и возвращения «всего того, што нам государю хрестьянскому належит» в целях сохранения мира. В противном случае, «ознаймуем тебе, иж Ифлянтской земли всей оборону, яко иным панствам и подданым нашим повинни есьмо чинити, кгдаж и на замкох певных при границы твоей, и инде в той земли старосты и люди наши росказуют и владают, и посполито з Ифлянты заодно суть»⁵³⁴.

Примечательно, что миролюбивая позиция Сигизмунда Августа, постоянно указывавшего на свое стремление сохранить мирные отношения с царем, была оттенена комментарием самого М. Володковича, который сообщал царю, что «ляхи ныне всею землею хотят того, чтобы государь наш с вашим государем воевался», вплоть до того, что, если «не станет король за Ливонскую землю, мы его не учнем за государя держати»⁵³⁵. Данное утверждение, как и многие другие реплики данного документа, было весьма далеко от реальности, поскольку на тот момент шляхта Короны Польской была полностью поглощена внутренними проблемами и не интересовалась судьбой далекой Ливонии, не говоря уже о предъявлении своему королю столь жесткого ультиматума. Более того, в 1560 г. Сигизмунд Август, совместно с представителями рады Великого княжества Литовского, обращался за помощью в разрешении «ливонского дела» к польскому сенату, однако получил твердый отказ, поскольку решение о войне не было

⁵³⁴ Посольство от короля Сигизмунда Августа ... 14 января - 2 февраля 1560 г. // СИРИО. Т. 59. № 40. С. 604-605.

⁵³⁵ Посольство от короля Сигизмунда Августа ... 14 января - 2 февраля 1560 г. // СИРИО. Т. 59. № 40. С. 601.

скоординировано с польской шляхтой, а Литва по-прежнему отвергала идею заключения унии⁵³⁶.

Вполне очевидно, что подобная дезинформация была призвана подчеркнуть в глазах царя сильное стремление Сигизмунда к мирному урегулированию конфликта, поскольку польский король тем самым выступал против воли собственной знати, которая, по словам М. Володковича, даже препятствовала отправке посольства в Москву: «приговор крепкой на то учинили, что государю нашему королю к вашему государю посланника не посылавати»⁵³⁷. Впрочем, несмотря на отдельные миролюбивые пассажи, общий тон письма отличается бескомпромиссностью. Все территориальные приобретения царя в Ливонии и претензии на «данничество» безапелляционно объявлялись незаконными и нарушающими условия действующего перемирия. Польско-литовский государь обязывался придерживаться условий перемирия, но только если царь откажется от своих претензий на владение и выведет военный контингент из Ливонии; в противном же случае, Сигизмунд будет защищать Ливонию «яко иным панствам и подданым нашим повинни есьмо чинити». Безальтернативность требований польско-литовского монарха не в малой мере была обусловлена условиями первого Виленского договора, но также того требовала политическая обстановка: дальнейшие завоевания царя и его претензии на обладание Ливонией следовало пресечь; в противном случае существовала большая вероятность утраты контроля над данным регионом. Однако в политических реалиях шляхетской республики непосредственная реализация - особенно в случае военной кампании, требующей крупных расходов - зачастую наталкивалась на сопротивление отдельных группировок знати⁵³⁸.

⁵³⁶ Plewczyński M. Koalicje antymoskiewskie Jagiellonów w XVI wieku // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. Lublin, Radzyń Podlaski, Siedle, 2005. Т. 2. S. 88-89; Januszek-Sieradzka A. «Potrzeba moskiewska» na sejmach koronnych w latach 60. XVI stulecia // *TeKa Komisji Historycznej*. Lublin. 2012. Т. 9. S. 12-13.

⁵³⁷ Посольство от короля Сигизмунда Августа ... 14 января - 2 февраля 1560 г. // *СИРИО*. Т. 59. № 40. С. 601.

⁵³⁸ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. S. 145; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 158.

Силовой вариант все так же расценивался как крайнее средство решения проблемы, что предопределило демонстративно миролюбивую, но от этого не менее бескомпромиссную позицию Сигизмунда Августа в русско-литовских переговорах 1559-1560 гг.

Однако не только Польско-Литовское государство предпринимало усилия для стабилизации обстановки в Ливонии. В дипломатический диалог ливонских сословий с Иваном IV вступили Дания и Швеция, принимавшие участие в переговорах в качестве посредников. Серьезным дипломатическим успехом стало подписание датскими послами русско-ливонского перемирия в мае 1559 г., которое должно было продлиться до 31 октября 1559 г.⁵³⁹. Получив небольшую передышку, новоизбранный магистр Кетлер в конце октября, еще до истечения сроков перемирия с Иваном IV, предпринял контрнаступление в направлении Дерпта, которое продлилось до 3 января 1560 г. и в целом было не слишком удачным из-за просчетов в тактике и нескоординированных действий архиепископа и магистра⁵⁴⁰. Последующее развитие русско-ливонского конфликта во многом зависело от дальнейших действий Сигизмунда Августа, который в соответствии с Виленским соглашением должен был ввести в Ливонию свои войска.

Первые литовские отряды были направлены в Ливонию в ноябре 1559 г. Расположившись в положенных крепостях с опозданием по причине вспыхнувшего среди ливонских солдат восстания, литовские отряды, к большому разочарованию ливонцев, не стали предпринимать никаких активных действий⁵⁴¹. Подобная тактика была обусловлена секретной инструкцией, данной возглавлявшим поход гетманам Я. Ходкевичу и Ю. Зеновьевичу, которая предписывала литовским гарнизонам держать глухую оборону и избегать столкновений с противником. Литовский гарнизон

⁵³⁹ Королук В. Д. Ливонская война. С. 40-42.

⁵⁴⁰ Henning S. Liffländische Churländische Chronica. F. 20b-21a; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 161-162; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 75-76.

⁵⁴¹ Kelch C. Liefländische Historia Oder Kurtze Beschreibung der Denckwürdigsten Kriegs- und Friedens-Geschichte Esth-, Lief- und Lettlands. Reval, 1695. S. 242.

должен был «сторожу часу небезопасности от неприятеля на границах держати, а за границу в землю неприятельскую <...> вторгнуту не смел», оставаясь на своих позициях даже в случае запроса от ливонских государей. Гетманы могли предпринимать вылазки только для помощи друг другу в случае вражеской осады, а также для того, чтобы выдворить противника за пределы подконтрольной области, но «далее за границу без воли и науки его королевской милости не мают ходити <...> початку ку нарушенью перемирья абы люди его королевской милости з себе не давали»⁵⁴².

Исходя из имеющейся информации трудно судить, являлись ли пассивные действия Сигизмунда в 1559-1560 гг. элементом его стратегии или же он был вынужден действовать подобным образом из-за дефектов внутреннего устройства Великого княжества Литовского. Согласно точке зрения А. Бергенгрюна, отправка литовского контингента имела первоочередной целью установление контроля в стратегических районах и соблюдение статуса-кво на границе до возникновения условий, удобных для осуществления аннексии⁵⁴³. Эта концепция была поддержана и развита К. Расмуссеном и Э. Тибергом, считавшими, что приоритетной задачей политики Сигизмунда было удержание прилегающих к Даугаве южных земель вместе с портом и городом Ригой, в то время как оборона севера Ливонии, равно как и активные боевые действия, не входили в сферу его интересов⁵⁴⁴.

Эта точка зрения достаточно популярна среди исследователей⁵⁴⁵, однако критические оценки неспешной и осторожной политики Сигизмунда II Августа в данный период зачастую не учитывают

⁵⁴² Два наказа гетманам Яну Ходкевичу и Юрию Зеновьевичу, отправленным с войском в Лифляндию. 1559 // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 1. № 157. С. 148; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 88.

⁵⁴³ Bergengrün A. Herzog Christoph von Mecklenburg. S. 155-156.

⁵⁴⁴ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. S. 148, 181, 224; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 97, 233, 237.

⁵⁴⁵ Dąbrowski J. Baltische Handelspolitik Polens und Litauens im XIV-XVI Jh. S. 286-291; Kirchner W. The rise of the Baltic question. P. 211-213; Urban W. The Origin of the Livonian War, 1558. S. 24; Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 233; Cynarski S. Zygmunt August: Biografia. Wrocław, 1988. S. 169.

особенности внутреннего устройства и общего состояния Великого княжества Литовского, игнорируя отношение к ливонской политике широких слоев шляхты, дефицит государственной казны, неэффективную систему войсковой мобилизации и многие другие факторы, определявшие интенсивность и методы реализации Сигизмундом ливонской политики. Так, по мнению С. Карвовского, осторожная политика Сигизмунда II Августа была напрямую связана с политической слабостью положения великого князя в Литве. Тот был фактически лишен эффективных методов воздействия на шляхту, в большинстве своем не желавшей воевать вне пределов страны без надлежащей компенсации⁵⁴⁶. По этой причине Сигизмунд II Август на начальном этапе войны был вынужден сделать ставку на наемные войска, численность которых была ограничена скудостью господарского скарба⁵⁴⁷.

Усиленно изыскивая необходимые средства, польско-литовский государь был вынужден заложить часть собственных владений и прибегнуть к внешним займам⁵⁴⁸, и даже несмотря на это, по замечанию Д. Кирби, направляемые в Ливонию отряды численно значительно уступали силам Ивана IV⁵⁴⁹, что располагало к оборонительной тактике и уклонению от активных боевых действий. Это же обстоятельство, по всей видимости, предопределило напряженную работу литовской дипломатии в 1559-1560 гг., посредством которой Сигизмунд пытался призвать Ивана IV к соблюдению действующего перемирия и прекращению боевых действий в Ливонии⁵⁵⁰. При этих обстоятельствах, вполне вероятно, что инструкция гетманам, о которой выше шла речь, была нацелена на соблюдение статуса-кво до

⁵⁴⁶ Karwowski S. Wcielenie inflant do Litwy i Polski. S. 40.

⁵⁴⁷ Sucheni-Grabowska A. Zygmunt August. S. 491, 505-508; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 88.

⁵⁴⁸ Sucheni-Grabowska A. Monarchia dwu ostatnich Jagiellonów a ruch egzekucyjny. Warszawa, 1974. Cz. 1. S. 122-124, 129-131; Januszek-Sieradzka A. Gdański kupiec Jan Boleman w służbie króla Zygmunta Augusta // *Servitium et amicitia. Studia z dziejów kariery I awansu w Polsce Jagiellonów*. Sandomierz, 2011. S. 55-85.

⁵⁴⁹ Kirby D. Northern Europe in the early modern period. P. 110.

⁵⁵⁰ «Мы, маючи перед собою приказанье Божье и помнячи на присягу нашу, а перемирье с тобою, братом нашим, до врочных лет твердо держати умыслиши, кедьж жедаем со всеми государи христьянскими у згоде быти для доброго успокоенья...»: Приезд от короля Сигизмунда Августа к царю Ивану Васильевичу посланника Андрея Станиславова. 2 июля – 14 августа 1560 г. // СИРИО. Т. 59. № 42. С. 623-624; На лист Князя Великого Московского, который Микита Суцов принес, отпис от его королевское милости. 6 сентября 1560 г. // Книга посольская. Т. 1. № 126. С. 192-195.

момента окончательного прояснения отношений с Иваном IV в надежде на то, что военного столкновения все же удастся избежать.

Однако переговоры с царем не дали желаемого результата. Зимой-летом 1560 г. царское войско осуществило еще два похода в Ливонию, в ходе которых пал Мариенбург (Алуksне), ливонцы потерпели серьезное поражение в битве под Эрмесом, царское войско захватило Феллин (Вильянди), взяв в плен бывшего магистра Ордена Вольтера Фюрстенберга, и осадили Вейссенштейн⁵⁵¹. Магистр и ливонские сословия обращались к Сигизмунду с просьбой о поддержке и во время первого и во время второго похода, однако Сигизмунд уклонялся от выполнения обязательств по противодействию войскам Ивана IV, ссылаясь на необходимость защиты границ собственного государства и сложности с мобилизацией ресурсов⁵⁵².

Последнее, к слову, действительно представляло серьезную проблему на протяжении всей войны – чрезвычайные налоги в Литве собирались с задержками и не в полном объеме⁵⁵³, остро ощущалась нехватка снабжения⁵⁵⁴, а военные сборы были малоэффективны по причине

⁵⁵¹ Henning S. Liffländische Churländische Chronica. F. 23b-25a; Johann Renner's Livländische Historien. S. 283-285, 302-307, 318-321, 328; ПСРЛ. Патриаршая или Никоновская летопись. Т. 13. С. 325; Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Псковские летописи. С. 239-240; Karwowski S. Wcielenie Inflant do Litwy i Polski. S. 66-67; Frost R. I. The Northern Wars: War, State, Society in Northeastern Europe 1558-1721. Harlow, 2000. S. 25; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 80-97.

⁵⁵² König Sigismund August an den OM. Gothart Ketler. 11. Februar, 1560 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 4. № 493. S. 185-187; Письмо Сигизмунда II к Ходкевичу о движении войск Московских // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильно, 1867. Т. 1. № 38. С. 133-134; OM. Gothart an Hieronymus Chodkiewicz. 20. September, 1560 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 6. № 760. S. 23-24; EB. Wilhelm an den OM. Gothart. 21. September, 1560 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 6. № 761. S. 25-26.

⁵⁵³ Лист, писанный до князей бискупов и иных некоторых панов рады, около отправки мистра Ифлянскою 1559 г. // Любавский М. К. Литовско-русский сейм. Приложение. С. 95-97; Року 1561 месеца октября писаны листы увяжчие за серебщизные и поковевские пенези, которые до скарбу не отдали. Октябрь 1561 г. // LM-564. № 68. P. 77-79; Року 1562 повторе писаны листы серебщизные... 3 сентября 1562 г. // LM-564. № 118. P. 117-118.

⁵⁵⁴ Того ж року писаны листы по всему паньству военные откладаючи до святого Вита воину, и розосланы тые листы месеца мая 14 дня. 13 мая 1561 г. // LM-564. № 29. P. 51; Листы по дворох завелеиских... 10 марта 1562 г. // LM-564. № 79. P. 91; Посланы листы до всех ротмистров в земли Ифлянтской... 29 апреля 1562 г. // LM-564. № 94. P. 100-101; До ротмистров на лежу в Браславлю до заплаты заслужоного их. 8 ноября 1562 г. // LM-564. № 133. P. 128-130.

своевольного поведения знати⁵⁵⁵. Скромные объемы оказываемой Сигизмундом помощи вкупе с уклонением от активных боевых действий, резко контрастировало с изначальными ожиданиями ливонцев. По отношению к сложившейся ситуации в среде ливонских сословий проявили себя три различных подхода. Магистр Кетлер был явно разочарован формой оказываемой поддержки, сетуя на нехватку денег и скромные размеры литовского войска, однако по-прежнему ожидал скорого поступления новых сил и средств в соответствии с заключенным договором⁵⁵⁶. Архиепископ Вильгельм представлял ситуацию несколько иначе: по его мнению, для получения более масштабной поддержки необходимо было окончательно «отпасть» («*Abbruch geschehen*») от Священной Римской империи и неким образом изменить условия существующей протекции⁵⁵⁷. Что имел в виду Вильгельм под «изменением условий протекции» из текста письма не вполне ясно, однако, исходя из предыдущего пункта и памятуя о позиции рижского архиепископа во время переговоров в Вильно в 1559 г., можно предположить, что он имел в виду переход Ливонии в подданство к Сигизмунду II Августе и превращение ее в польский или литовский лен под властью архиепископа.

⁵⁵⁵ Того ж року писаны листы по всему паньству военные откладаючи до святого Вита воину, и розосланы тые листы месеца мая 14 дня. 13 мая 1561 г. // LM-564. № 29. P. 49-51; Року 1561 писаны листы до старост и державец, штобы по торгох во врадах своих кликати казали, ажбы днем и ночью на воину поспешали ся... 9 июля 1561 г. // LM-564. № 32. P. 53-54; Року 1562 писаны листы военные по всеи земли, и посланы они месеца мая 15 через дворанина его королевское милости Яна Вилкожентя. 14/15 мая 1562 г. // LM-564. № 99. P. 106; Року шестьдесят второго писаны листы по всим хоружствам, жебы ехали на воину, котории се дома заставали... 18/23 июль 1562 г. // LM-564. № 109. P. 110-111; А то до Жомоити писаны листы... 24 июля 1562 г. // LM-564. № 110. P. 111-112. Подобное положение дел вообще было характерной чертой военных предприятий Литвы в XVI в.: Ответное послание (отпис) Сигизмунда I гетману Ю. М. Радзивиллу на его донесение об отправке передовых отрядов в московские пределы <...> а также о состоянии дисциплины в литовском войске // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI. М., 2002. Т. 6. № 43. С. 110-111.

⁵⁵⁶ EB. Wilhelm an den OM. Gothart Ketler. 24 Dezember, 1559 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 4. № 450. S. 42-45; EB. Wilhelm an den OM. Gothart Ketler. 10. Januar, 1560 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 4. № 481. S. 153-156; Lorenz Berg an Joachim Bulgrim. 22. Februar, 1560 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 4. № 502. S. 221-222; Otmar von Galen an den OM. Gothart Ketler. 25. Februar, 1560 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 4. № 506. S. 226-228; Otmar von Galen an den OM. Gothart Ketler. 4. März, 1560 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 4. № 515. S. 254-255.

⁵⁵⁷ Herzog Albrecht an Erzbischof Wilhelm. 12. Januar, 1560 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2544. S. 1a-2b.

Пользуясь ситуацией, Сигизмунд Август призывал ливонские сословия к передаче под его опеку новых замков. Так, например, в марте 1560 г., он направил к архиепископу и Кетлеру два похожих по содержанию послания с призывом допустить в свои крепости литовские гарнизоны⁵⁵⁸. Тон для этих посланий был выбран весьма резкий: польско-литовский государь упрекал ливонцев в том, что они выступили против царского войска (имеется в виду поход, осуществленный на рубеже 1559-1560 гг.) без согласования с ним, что, по его мнению, являлось нарушением существовавших между ними договоренностей; также он весьма категорично высказался касательно взаимоотношений архиепископа и магистра, пригрозив в случае продолжения внутренней распри прекратить защиту Ливонии. В дополнение к этому Сигизмунд сообщал, что для помощи Ливонии им было собрано большое войско, которое не нашло никакого применения по причине того, что сословия не указали ему крепости, которые следует занять, а «если бы магистр ему бы это разрешил, то Мариенбург сейчас был бы в руках ливонцев», что, вкупе с потраченными на эту «невостребованное» войско средствами, также ставилось в вину ливонским сословиям. О каком именно войске шла речь и существовало ли оно в действительности не ясно, поскольку пустовавшая еще с 1557 г. казна⁵⁵⁹ смогла обеспечить королю содержание лишь небольшого количества наемников для гарнизонной службы в уступленных ливонцами крепостях, а посполитое рушенье для похода в Ливонию собиралось только в 1557 г. и летом 1560 г.⁵⁶⁰ Вполне вероятно, что Сигизмунд лукавил, чтобы убедить Вильгельма и Кетлера принять гарнизоны «во всех крепостях, что находятся в опасности, чтобы они из-за попустительства или малого войска не были потеряны и после этого прочие [крепости] [не] оказались бы открыты врагу», обещав при этом не

⁵⁵⁸ König Sigismund II. August von Polen an Erzbischof Wilhelm und Herzog Christoph von Mecklenburg, Koadjutor des Erzstifts Riga. 16. März, 1560 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2584. S. 1a-1b; König Sigismund II. August von Polen an Gotthard Kettler, Meister in Livland. 20. März, 1560 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2585. S. 1b-2b.

⁵⁵⁹ Sucheni-Grabowska A. Zygmunt August. S. 491, 505-508.

⁵⁶⁰ Янушкевич А. Н. Ливонская война. С. 130, 217-218.

присоединять их к своим владениям и вернуть после победы над Иваном IV⁵⁶¹.

Призыв польско-литовского монарха оказался в известной мере успешен – уже в начале апреля Вильгельм писал Сигизмунду с просьбой защитить литовским гарнизоном свой замок Шванебург, «что означает подчинение замка власти польской короны», а также уверил его в своих добрых отношениях с магистром⁵⁶². Получив одобрение Сигизмунда в отношении Шванебурга⁵⁶³, рижский архиепископ предложил также разместить литовские гарнизоны в крепостях Зесвеген, Ронебург, Тарваст, Гельмет и Эрмес⁵⁶⁴. Более осторожно в этом отношении вел себя магистр, который в первую очередь пытался добиться от польско-литовского государя разработки конкретного плана оказания помощи ливонским землям и пресечения злоупотреблений в крепостях, занятых литовскими гарнизонами. Решение о занятии новых крепостей он предлагал отложить до решения этих вопросов, параллельно призывая Сигизмунда перейти к наступательным действиям против войск Ивана IV⁵⁶⁵.

Ливонцы ждали от польско-литовского государя более активных действий; того же требовала и внешнеполитическая обстановка. Дипломатические маневры показали свою неэффективность, вдобавок к этому 26 сентября 1559 г. эзельский епископ Йоханн фон Мюнхаузен перешел под власть датского короля Фредерика II (1559-1588), продав ему Эзель и Пилтен⁵⁶⁶. Сохранение угрозы со стороны России и включение в

⁵⁶¹ König Sigismund II. August von Polen an Erzbischof Wilhelm und Herzog Christoph von Mecklenburg, Koadjutor des Erzstifts Riga. 16. März, 1560 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2584. S. 1a-1b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵⁶² Erzbischof Wilhelm an König Sigismund II. August von Polen. 7. April, 1560 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2599. S. 1b-3b. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵⁶³ Antwort König Sigismunds II. August von Polen auf die Werbung Erzbischof Wilhelms. 15. April, 1560 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2604. S. 1a-1b.

⁵⁶⁴ Instruktion Erzbischof Wilhelms für seine an den König von Polen abgefertigten Gesandten. April, 1560 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2605. S. 2a-3a.

⁵⁶⁵ Bedenken des Meisters und Ordens wegen der an den polnischen König zu richtenden Werb. April, 1560 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2606. S. 1a-4a; Bedenken von Meister und Orden zur Beantwortung der Werbung des Königs von Polen. April, 1560 // GStA PK, XX, HA HBA. № 2607. S. 2a-4b.

⁵⁶⁶ Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. S. 176.

борьбу за Ливонию Дании вкупе с необходимостью доказать ливонским сословиям свою силу и серьезность намерений закономерным образом требовали от Сигизмунда привлечения сильного военного контингента. Литовский сейм 1559 г. одобрил сбор военного налога, и Сигизмунд в течении всего 1560 г. находился в Вильно, где осуществлял мероприятия по мобилизации посполитого рушения для отправки в Ливонию, которое с некоторой задержкой было собрано летом 1560 г.⁵⁶⁷. Тем не менее, литовское войско вновь воздержалось от наступательных действий, ограничившись рядом небольших стычек с царским войском⁵⁶⁸ и осенью 1560 г. было распущено⁵⁶⁹, из чего можно заключить, что данная акция являлась лишь демонстрацией силы по отношению ко всем участникам конфликта и в особенности – к ливонским сословиям.

Дальнейшие события вплоть до 1561 г. в целом протекали по той же самой схеме: Сигизмунд вновь созвал посполитое рушение в мае 1561 г., но продолжил уклоняться от активных боевых действий, одновременно распространяя свое влияние на все новые ливонские территории. Проблемным пунктом расширения литовской экспансии стала Рига, которая по-прежнему оставалась вне досягаемости. Выдвинутое в сентябре 1560 г. предложение о введении литовского гарнизона в Ригу не получило поддержки среди ливонских сословий, которые не желали поступиться этим экономически и стратегически значимым городом⁵⁷⁰. Тем не менее, к осени

⁵⁶⁷ Karwowski S. Wcielenie Inflant do Litwy i Polski. P. 78; Ответы великаго князя Сигизмунда Августа на просьбы и заявления княжат панят и всей шляхты Великаго Княжества Литовскаго, представленныя ему на Виленском сейме. 1559 // РИБ. Т. 30. № 12. С. 269-278; Jasnowski J. Mikołaj Czarny Radziwiłł. S. 264-265.

⁵⁶⁸ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiój Rusi. S. 411; Курбский А. М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. С. 97-98; ПСРЛ. Псковские летописи. Вып. 2. С. 240; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 92.

⁵⁶⁹ Янушкевич А. Н. Ливонская война. С. 131.

⁵⁷⁰ Rembert Gilsheim an dem OM. Gothart. 26. Juni, 1560 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 5. № 626. S. 128-131; EB. Wilhelm an den OM. Gothart. 11. September, 1560 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 5. № 742. S. 323-324; Des OM. Gesandte zu Wilno an den OM. Gotthard Kettler. 21. Oktober, 1560 // BUGL. Bd. 4. № 663. S. 113-115; Des Königs von Polen Antwort an die Gesandten des EB., dessen Coadjutors und des OM. 22. Oktober, 1560 // BUGL. Bd. 4. № 665. S. 117-120; Entwürfe der Caution des Königs von Polen über die Aufnahme seiner Besatzungen. 22. Oktober, 1560 // BUGL. Bd. 4. № 667. S. 120-123; Bedenken der Stadt Riga wegen der polnischen Besatzung, dem EB. und OM. Übergeben. November, 1560 // BUGL. Bd. 4. № 686. S. 150-152; Des EB. Wilhelm Caution für die Stadt Riga

1560 г. Сигизмунд смог добиться передачи Кокенгаузена, Роннебурга, Вендена, Трикатена, Гельмета, Эрмеса и Каркуса, обеспечив себе тем самым контроль над центральной Ливонией. В этом перечне стоит также упомянуть Ревель, переданный польско-литовскому государю в конце 1560 г., однако из-за многочисленных конфликтов его солдат с местными жителями в скором времени был вынужден оставить город, который 6 июня 1561 г. перешел под власть Швеции⁵⁷¹.

Таким образом, к 1561 г. расположение сил выглядело следующим образом: в руках Ивана IV оставалось дерптское епископство, область Вирлянд, Феллин, Мариенбург, Ашераден, а также Йервен; под властью датского герцога Магнуса Голштинского (1560-1578), родного брата Фредерика II, находились эзельское и курляндское епископства, а также Вик; прусский герцог Альбрехт удерживал Гробин; Сигизмунд II Август располагал большей частью южной и центральной Ливонии. Утрата Ревеля, одного из самых крупных и сильных городов Ливонии, стала своеобразным знаком, который отметил насущную необходимость укрепления связей подконтрольных ему ливонских земель с Великим княжеством Литовским, что было крайне важно для сохранения политической инициативы в условиях наметившегося развала Ливонской конфедерации, и главным условием того являлось установление контроля над Ригой.

Попытки Сигизмунда II Августа установить контроль над этим городом весьма подробно были зафиксированы в хронике секретаря

wegen der polnischen Besatzung. 3. Dezember 1560 // BUGL. Bd. 4. № 698. S. 181-183; Des OM. Gotthard Kettler Caution für die Stadt Riga wegen der polnischen Besatzung. 12. Dezember, 1560 // BUGL. Bd. 4. № 702. S. 188.

⁵⁷¹ Henning S. Liffländische Churländische Chronica. F. 26a-28a; Justus Clodt an den OM. Gothart. 29. Januar, 1561 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 6. № 887. S. 249; Claus Christiernsson und Hermann Bruser an den König Erich XIV. 5. Juli, 1561 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 7. № 1013. S. 311-313; Czapliński W. Stanowisko państw skandynawskich wobec sprawy inflanckiej w latach 1558-1561 // Zapiski Historyczne. 1963. T. 28. №. 3. S. 404-405; Kirby D. Northern Europe in the Early Modern Period. S. 110; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 98-99.

городского совета Риги Иоганна Шмидта⁵⁷². В марте 1559 г. в Риге было созвано совещание гебитигеров по вопросам обороны, после которого было решено направить Фюрстенберга к Сигизмунду Августу с просьбой об оказании скорейшей помощи «как это бывало в старину и поскольку он заключил договор с этой страной»⁵⁷³. 7 мая в Ригу прибыл посланец от Николая Радзивилла с грамотой и устным сообщением, в котором рижан призвали подчиниться власти Сигизмунда Августа на условиях оказания защиты, сохранения привилегий и свободы вероисповедания «так, как он уже это делает в отношении Данцига и Вильно». Представители городского совета уклонились от однозначного ответа, сославшись на то, что этот вопрос находится вне их компетенции и его следует обсуждать не с ними, а с их государями, магистром и архиепископом⁵⁷⁴. Тем не менее, на протяжении всей хроники отчетливо прослеживается мысль о том, что подчинение польско-литовскому монарху в обмен на оказание помощи было вполне допустимо, однако в данном вопросе Рига стремилась снять с себя ответственность за принятие окончательного решения⁵⁷⁵. Реакция магистра на сложившуюся ситуацию была вполне однозначной – в случае повторного предложения о подчинении она не должна соглашаться до тех пор, пока на то не будет дано согласие всех ливонских сословий⁵⁷⁶. В июле 1559 г. в Риге был созван ландтаг, на котором прошло обсуждение предложения Сигизмунда и вынесено решение: у Ливонии уже имеется господин и защитник «и мы ничего лучшего найти не можем и не желаем, кроме того, как если бы эта страна оставалась при Священной Римской империи». Тем не менее, польско-литовский государь все равно должен был оказать Ливонии

⁵⁷² Историографический обзор данной хроники представлен в статье А. И. Филюшкина: Филюшкин А. И. Рижские записки Иоганна Шмидта о Ливонской войне // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2011. № 3 (45). С. 121-122.

⁵⁷³ Die Aufzeichnungen des rigaschen Rathsecretärs Johann Schmiedt. S. 36.

⁵⁷⁴ Die Aufzeichnungen des rigaschen Rathsecretärs Johann Schmiedt. S. 37-42.

⁵⁷⁵ Die Aufzeichnungen des rigaschen Rathsecretärs Johann Schmiedt. S. 42, 53, 56-57, 61, 66, 73.

⁵⁷⁶ Die Aufzeichnungen des rigaschen Rathsecretärs Johann Schmiedt. S. 55-57.

помощь в целях противодействия «врагу-москвиту», но отделение земель и городов от Ливонии было признано абсолютно неприемлемым⁵⁷⁷.

Однако бескомпромиссная позиция ливонских сословий понесла серьезный удар с возобновлением в 1560 г. боевых действий. Поражение под Эрмесом, взятие Мариенбурга и Феллина, пленение Фюрстенберга и осада Вейссенштейна обнажили чрезвычайную потребность Ливонии в получении помощи извне⁵⁷⁸. В конце июня 1560 г. Сигизмунд направил своего уполномоченного к магистру, который сообщил Кетлеру о продвижении вглубь Ливонии войска, возглавляемого Иеронимом Ходкевичем «чтобы, в соответствии с указаниями оказать противодействие москвитам»⁵⁷⁹. Посланные отряды должны быть размещены в крепостях, и в первую очередь в Риге, «поскольку она является столицей, и, если она окажется в руках врага, он легко захватит всю страну». Сигизмунд II Август призвал магистра поспособствовать введению литовских гарнизонов путем убеждения тех, «кто здесь высказывает свои опасения, что будто бы нет никакой необходимости передавать его королевским гарнизонам замки и города»⁵⁸⁰. В инструкции послам Кетлера к Сигизмунду Августу магистр признал необходимость подобных действий, поскольку «он [Иван IV], несомненно, бросит свои силы против Риги, Ревеля и Пярну, где недостаточно людей, боеприпасов, продуктов питания и прочего, необходимого для обороны»⁵⁸¹. Послы должны были «изо всех сил просить короля выступить со всеми силами и спасти эту бедную страну» и, если замки удастся отстоять, у короля

⁵⁷⁷ Die Aufzeichnungen des rigaschen Rathsssecretärs Johann Schmiedt. S. 75-79.

⁵⁷⁸ Henning S. Liffländische Churländische Chronica. F. 23b-25a; Johann Renner's Livländische Historien. S. 283-285, 302-307, 318-321, 328; ПСРЛ. Патриаршая или Никоновская летопись. Т. 13. С. 325; Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Псковские летописи. С. 239-240; Karwowski S. Wcielenie Inflant do Litwy i Polski. S. 66-67; Frost R. I. The Northern Wars: War, State, Society in Northeastern Europe 1558-1721. Harlow, 2000. S. 25; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С. 80-97.

⁵⁷⁹ Werbung eines königl. polnischen Abgeordneten be idem OM. Gothart. Juni, 1560 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 5. № 631. S. 138. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵⁸⁰ Werbung eines königl. polnischen Abgeordneten be idem OM. Gothart. Juni, 1560 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 5. № 631. S. 138. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵⁸¹ Instruction des OM. Gothart für seine Gesandten an den König Sigismund August. 31. August, 1560 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 5. № 731. S. 301. Перевод – Д. А. Бессуднов.

будет «больше шансов заключить прочный мир или перемирие», которого так желает магистр⁵⁸².

В скором времени в Ригу прибыл виленский воевода Николай Радзивилл Черный⁵⁸³, который обратился к сословиям с призывом «прекратить их мнимую зависимость от Священной Римской империи <...> и использовать правильное подчинение в качестве примера своим государям»⁵⁸⁴. Примечательно, что в этом документе ливонцы уже расцениваются как подданные Сигизмунда Августа, но «неправильные», поскольку они исповедуют другую веру, сохранение которой хоть и гарантировалось, но с большим числом оговорок, а также связаны отношениями подданства с римским императором, что им надлежало прекратить. В случае принятия ливонцами положений этого документа им от лица Сигизмунда Августа обещалось сохранение всех прав, привилегий, вероисповедания, собственности, а также защита от светских или духовных санкций со стороны Империи⁵⁸⁵. В дополнение отправке Николая Радзивилла Черного в Ригу, в том же сентябре 1561 г., начала свое наступление литовский военный отряд, возглавляемый его двоюродным братом, Николаем Радзивиллом Рыжим, в результате чего литовцам удалось отбить крепость Тарваст⁵⁸⁶. Этот эффектный, но не слишком результативный в масштабах ливонского конфликта шаг, по всей видимости, был призван убедить ливонские сословия в намерениях Сигизмунда перейти наконец к наступательным действиям против войск Ивана IV и тем самым склонить их на свою сторону.

⁵⁸² Instruction des OM. Gothart für seine Gesandten an den König Sigismund August. 31. August, 1560 // Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Bd. 5. № 731. S. 302. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵⁸³ Henning S. Liffendische Churlendische Chronica. F. 29b.

⁵⁸⁴ Erste Versicherungsschrift Nicolaus Radziwils für die Stadt Riga. 8. September, 1561 // BUGL. Bd. 5. № 825. S. 51-52. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵⁸⁵ Hauptpunkte der Radziwilschen Forderungen. August, 1561 // BUGL. Bd. 5. № 820. S. 32; Erste Versicherungsschrift Nicolaus Radziwils für die Stadt Riga. 8. September, 1561 // BUGL. Bd. 5. № 825. S. 50-53.

⁵⁸⁶ Henning S. Liffendische Churlendische Chronica. F. 29a; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. S. 412; Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Псковские летописи. С. 241; Корюков В. Д. Ливонская война. С. 48, Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. С.101-103.

Для принятия окончательного решения по этому вопросу в Вильно было направлено ливонское посольство, снабженное широкими полномочиями, закрепленными в соответствующем документе. В нем магистр, после краткого повествования о горькой судьбе Ливонии, от своего лица и от лица всех своих вассалов высказал пожелание «чтобы мы не погибли и не были вынуждены оставить страну, его величество должен рассматривать нас не как чужих, а как собственных подданных и вопреки всему взять нас под свою руку, что мы хорошо обдумали, и одобрили единодушно и окончательно подчиниться королю польскому»⁵⁸⁷. В качестве главного условия постулировалась военная защита, однако в дополнение к этому ливонские сословия требовали сохранения свободы вероисповедания, всех привилегий, обычного немецкого права, земельных держаний и права наследования, что Сигизмунд «обещал во время личных разговоров, в письмах, через представителей, через послов и все это было согласовано с нашими государями»⁵⁸⁸. Итогом переговоров стало заключение 28 ноября 1561 г. соглашения об окончательном подчинении Ливонского ордена Сигизмунду II Августу, более известного как второй Виленский договор или «*Pacta Subjectionis*»⁵⁸⁹. Этот договор радикальным образом менял статус Ливонской конфедерации – Орден был секуляризован, а на его месте было создано светское герцогство Курляндское, главой которого был назначен Готхард Кетлер⁵⁹⁰. Он признавал себя вассалом Сигизмунда, а под его управление переходили Курляндия и Семигалия; польско-литовский монарх,

⁵⁸⁷ Vollmacht des Adels der Ordenstande für seine Deputiren nach Wilno. 12. September, 1561 // BUGL. Bd. 5. № 827. S. 56-60. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵⁸⁸ Vollmacht des Adels der Ordenstande für seine Deputiren nach Wilno. 12. September, 1561 // BUGL. Bd. 5. № 827. S. 58-59. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵⁸⁹ Pacta Subjectionis inter Sigismundum Augustum Regem Poloniae, & Gothardum Magistrum Ordinis Theutonici inita, quibus Provincia Livoniae praefato Regi subiicitur, ac Magno Ducatui Litvaniae adiungitur, dicto vero Gothardo Magistro Titulus Ducalis, cum omni dignitate tributur, nec non certi Districtus in Livonia in feudum conceduntur. 28. November, 1561 // CDPL T. 5. № 138. S. 238-243. Перевод – Д. А. Бессуднов.

⁵⁹⁰ Подробнее о значении секуляризации Ордена в контексте инкорпорации Ливонии см.: Вебер Д. И. Последний ландмайстер Немецкого ордена в Ливонии. С. 21-23.

в свою очередь, сохранял за собой «все течение и всю оставшуюся часть провинции выше Дюны», а также 25 ливонских крепостей⁵⁹¹.

Достаточно проблемным оказался вопрос об объекте инкорпорации: в данном документе получило отражение стремление ливонских сословий к включению в состав не только Литвы, но и Польши, поскольку, исходя из не слишком активной кампании 1559-1561 гг., силы литовцев воспринимались недостаточными для оказания защиты от «враждебного варвара»⁵⁹². Тем не менее, во время переговоров в Вильно для представителей польского сената не нашлось копии условий подчинения «без которого это подчинение по обычаям королевства, и также подобающим образом не могло быть осуществлено». До исправления этого, вероятно, не случайного обстоятельства провозглашалось, что «Ливония будет подчинена [Сигизмунду Августу] и останется [у него же], пока мы не предпримем что-то другое с одобрения знати королевства». В случае же если польская шляхта откажется от инкорпорации Ливонии, то, по условиям договора, «Ливонию будут защищать главы Литвы <...> она будет инкорпорирована в Великое княжество Литовское и с ним будет объединена». В этой связи достаточно проблемным оказался также вопрос о подчинении Риги, поскольку представители настойчиво добивались подчинения Польской Короне, однако дело «повисло в воздухе». Тем не менее, согласно договору Кетлер передавал крепость и сам город Сигизмунду Августу, и обязывался объявить это «публично и в присутствии нашего [Сигизмунда II Августа] посла, направленного нами в город Ригу даже если этот город захочет

⁵⁹¹ «...Кирхольм, Ашераден, Дюнабург <...> Розитен, Лудзен, Трикатен, Эрмес, Гельмед, Каркус, Вейзенштейн, Новый Пярну, Заара, Руен, Буртниеке, Вольмар, Венден, Вольфард, Ариес, Зегеволд, Шуен, Юргенбург, Нитау, Лемборг, Родерпейус, Ноермюллен». *Pacta Subjectionis inter Sigismundum Augustum Regem Poloniae, & Gothardum Magistrum Ordinis Theutonici inita, quibus Provincia Livoniae praefato Regi subiicitur, ac Magno Ducatui Litvaniae adiungitur, dicto vero Gothardo Magistro Titulus Ducalis, cum omni dignitate tributur, nec non certi Districtus in Livonia in feudum conceduntur.* 28. November, 1561 // CDPL T. 5. № 138. S. 241.

⁵⁹² *Pacta Subjectionis inter Sigismundum Augustum Regem Poloniae, & Gothardum Magistrum Ordinis Theutonici inita, quibus Provincia Livoniae praefato Regi subiicitur, ac Magno Ducatui Litvaniae adiungitur, dicto vero Gothardo Magistro Titulus Ducalis, cum omni dignitate tributur, nec non certi Districtus in Livonia in feudum conceduntur.* 28. November, 1561 // CDPL T. 5. № 138. S. 238.

противодействовать этому делу, либо же заявит, что он свободен от присяги». При этом Сигизмунд II Август обещал не ставить во главе города иноземцев и гарантировал сохранение городской юрисдикции, как это имело место в Гданьске. В дополнение ко всему договор, как и предшествующие ему соглашения, также утверждал защиту от врагов, и в том числе от враждебных санкций Священной Римской империи, свободное исповедование религии, сохранение прав, привилегий, имущества, чеканку монеты, свободу торговли и т. д.

Однако наиболее важной для данного исследования чертой второго Виленского соглашения является полное отсутствие в нем положений, связанных с протекторством Сигизмунда; их место заняли отношения подданства, оформленные под видом вассалитета. Исходя из этого можно заключить, что идеолого-правовой концепт протекторства как инструмент экспансионизма Польско-Литовского государства в Ливонии исчерпал себя и нужды в нем более не было, вследствие чего отношения типа «протектор-подопечный» были замещены отношениями «государь-подданный». Любопытную деталь привносит также тот факт, что вторым Виленским договором было постановлено определить точные границы между владениями Сигизмунда II Августа и территорией нового герцогства Курляндского. В предыдущих договорах, проанализированных выше, эта проблема, как правило, обозначалась, но ее разрешение отодвигалась на неопределенный срок, однако с окончательным присоединением ливонских земель к Польско-Литовскому государству этот вопрос был поставлен сразу же, что вновь дает повод говорить об изначальной взаимосвязи планов Сигизмунда II Августа в отношении Ливонии и проблемы границ.

Несмотря на факт подчинения Ливонии иноземному государству, второй Виленский договор получил положительную оценку в трудах ливонских хронистов. Так, например, в своей «Ливонской хронике» С. Геннинг, цитируя отрывки из текста этого документа, описывает действия

Сигизмунда II Августа как акт высшего христианского милосердия по отношению к «несчастной Ливонии»⁵⁹³. Положительная оценка второго Виленского договора в нарративных источниках, вероятнее всего, была обусловлена не только лояльностью хронистов к новому государю, но также весьма широким спектром предоставленных Курляндии привилегий. По мнению А. Беркиса, Польско-Литовское государство контролировало герцогство лишь формально, поскольку региону было предоставлено право самоуправления; вдобавок Кетлеру удалось сохранить за собой один из богатейших регионов – Семигалию, житницу старой Ливонии⁵⁹⁴. Н. Ангерманн считает, что обилие уступок со стороны Сигизмунда было связано с неспособностью иным способом завоевать симпатии ливонской знати, которая в любой момент могла перейти под владычество Швеции или Дании, и тяжелым положением Великого княжества Литовского из-за войны с Россией⁵⁹⁵. Этими же причинами был обусловлен независимый статус Риги – город отказался подписывать второй Виленский договор, и ее отношения с Польско-Литовским государством не были юридически зафиксированы в течение последующих 20 лет⁵⁹⁶. И если позиция Риги была обусловлена, скорее всего, ее торговыми интересами, то для Кетлера заключение договора с Сигизмундом позволило сохранить под своей властью большую часть ливонских земель, пусть и ценой установления зависимости, которая, к тому же, во многом носила условный характер.

Некоторые исследователи полагают, что для Сигизмунда II Августа заключение второго Виленского договора стало скорее плодом военной необходимости, нежели политическим актом⁵⁹⁷. Однако, если рассматривать

⁵⁹³ Henning S. *Lifflendische Churlendische Chronica*. F. 29b-33a.

⁵⁹⁴ Berkis A. *The History of the Duchy of Courland (1561-1795)*. Towson, 1969. P. 8.

⁵⁹⁵ Angermann N. *Das letzte Testament des Herzogs Gotthard von Kurland* // *Nordost Archiv. Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde*. H. 90. Lüneburg, 1988. S. 86.

⁵⁹⁶ Ramm-Helmsing H. *Das staatsrechtliche Verhältnis der Stadt Riga zu Polen-Litauen im Zeitraum zwischen 1561-1581* // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*. Breslau, 1941. № 6. S. 173.

⁵⁹⁷ Koit J. *Esthische Bauern als Krieger während der Kämpfe in Livland 1558-1611* // *Annales Societatis Litterarum Estonicae in Svecia*. Stockholm, 1966. Bd. 4. S. 23; Rasmussen K. *Die livländische Krise 1554-1561*. S. 215-216; Stancelis V. *The annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania*. P. 33.

все три договора – Позвольский и два Виленских – в комплексе, то становится очевидна их взаимосвязь, проявившая себя в последовательной реализации внешнеполитических амбиций польско-литовского монарха, направленных на утверждение своей власти в Ливонии. Позвольский договор укреплял властные прерогативы лично Сигизмунда, как протектора, а также позиции его сторонников; параллельно с этим он был направлен на пресечение вероятного сближения Ливонии с Россией. На базе этого договора и прав Сигизмунда II Августа как протектора, в соответствии с актуальной на тот момент военно-политической повесткой, был заключен первый Виленский договор, распространивший право протекторства на всю территорию Ливонии, что предоставило Сигизмунду пространство для дальнейших действий, а также, что немаловажно, инструмент мотивации для привлечения к событиям в Ливонии широких слоев литовской шляхты. Второй Виленский договор стал логическим завершением «ливонского дела», юридически закрепившим окончательную трансформацию древнего права протектората в отношении подданства и переход Ливонии под власть Сигизмунда II Августа.

Подписание второго Виленского соглашения прекратило существование Ливонской конфедерации и завершило тем самым продолжительный эпизод в истории Балтийского региона, связанный с существованием ливонского орденового государства. Успешное использование древнего права протекторства позволило Сигизмунду Августу связать ливонские сословия отношениями покровительства и под благовидным предлогом ввести в Ливонию военный контингент, после чего трансформация существующей системы отношений в отношения подданства оставалось лишь делом времени. Однако с прекращением существования Ливонской конфедерации польско-литовская экспансия еще не была завершена. Ливонской войне суждено было продлиться еще 22 года, и даже этот временной рубеж не стал для нее окончательным. Борьба за Балтику не утихла вплоть до XVIII в., и в конечном счете Польско-Литовскому

государству (с 1569 г - Речи Посполитой) так и не удалось закрепиться в Ливонии и обрести статус балтийской морской державы.

Заключение

Изучение процесса инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства важно, поскольку способно расширить представления о механизме формирования государств имперского типа, характерных для Европы раннего Нового времени, и, несмотря на широкую изученность прошлого Балтики, в ней остается место для поиска. В частности, почти неисследованным остается политико-правовой концепт протекторства, наличие которого упоминается в ряде научных работ⁵⁹⁸, однако его возникновение, развитие, видоизменение и роль в окончательном подчинении Ливонии Польско-Литовскому государству так и не получили специального рассмотрения. Между тем значительное число источников, прежде всего ливонского и прусского происхождения, касаются этой проблемы, и частота его упоминаний в них сама по себе указывает на неординарность указанного явления.

В ходе изучения основ политических взаимоотношений Польско-Литовского государства и Ливонской конфедерации, получивших закрепление в международных договорах, была выявлена тенденция к постепенному продвижению ливонско-литовской границы на север. Как это было показано в настоящем исследовании, каждый договор о границах, с самого момента её образования вплоть до XVI в., фиксировал расширение пределов Великого княжества Литовского за счет ливонских земель, что по мере хозяйственного освоения порубежной зоны и повышения её ценности создало почву для обострения пограничных конфликтов в XVI в. По нашему мнению, это обстоятельство, повлиявшее на специфику ливонско-литовских

⁵⁹⁸ Romanowski J. N. *Wojna Zygmunta Augusta z zakonem inflanckim*. S. 336-337; Kłodziński A. *Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem 1556-7*. S. 365, 371, 375; Kutrzeba S. *Polska a Inflanty*. S. 4; Kirchner W. *The rise of the Baltic question*. P. 198-199; Olewnik J. *Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant*. S. 400-401; Tiberg E. *Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges*. S. 86; Heyde J. *Kość niezgody*. S. 161; Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года. С. 153; Sucheni-Grabowska A. *Zygmunt August*. S. 485-486; Kirby D. *Northern Europe in the Early Modern Period*. S. 70; Lange T. *Zwischen Reformation und Untergang Alt-Livlands*. S. 260-261.

отношений, также сыграло значимую роль выступив в качестве мотивирующего фактора в формировании самой идеи инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства – распространение власти Ягеллонов на ливонские земли было бы логичным продолжением издревле существующей тенденции (что было тем более актуально в связи с инкорпорацией Пруссии), вдобавок это позволило бы раз и навсегда покончить с пограничными конфликтами.

Однако установление зависимости Ливонии от другого западноевропейского государства было немало затруднено ее статусом «крестоносного государства», который она обрела в XIII в., в результате чего она пользовалась покровительством двух самых влиятельных институтов католической Европы – империи и папства. Откровенные притязания на Ливонию могли серьезно осложнить положение Польши-Литвы в западноевропейском политическом пространстве. Ввиду этого очевидно, что инкорпорация Ливонии в состав католического Польско-Литовского государства не могла быть осуществлена прямым путем, без серии превентивных мероприятий и убедительного правового обоснования. В связи с этим целью настоящего исследования стало изучение длительного, поэтапного процесса втягивания Ливонии в сферу влияния польско-литовских государей и последовательного изменения характера их отношений, предшествовавших инкорпорации 1561 г., основу для которого составил политико-правовой концепт протекторства.

Из содержания правовых документов, императорских постановлений и договоров, касающихся протекторства, нами было установлено, что первоначально эти отношения представляли собой разновидность сеньориальных, в основе своей патриархальных, отношений, которые предусматривали оказание протектором помощи и защиты подопечному государю и его подданным в обмен на признание за ним этого звания и соответствующих полномочий. Этот статус был дарован польским королям (а впоследствии и великим князьям Литовским) императорами Священной

Римской империи и папами в рамках средневекового обычая, делавшего возможным делегирование суверенных своих прерогатив другому лицу. Тем самым был создан правовой фундамент для последующего вмешательства польско-литовских государей во внутренние дела Ливонии на правах гаранта прав Рижского архиепископства и обеспечивало им роль арбитров в сложных внутривосточных ситуациях. Представление о правителях Польши как о протекторах Рижской епархии было зафиксировано в рамках правового поля Священной Римской империи еще в середине XIV в., однако исследование не выявило его активного применения вплоть до XVI в. Свое значение этот политико-правовой концепт приобрел с началом Реформации, по мере обострения противоречий между рижскими епископами и Орденом, первоначально став инструментом укрепления политического влияния дома Ягеллонов в Ливонии, а впоследствии сыграв роль правовой базы для инкорпорации Южной Ливонии в состав Польско-Литовского государства.

В ходе исследования было установлено, что Сигизмунд I и Сигизмунд II Август по сути переняли данную политическую стратегию у своего вассала, прусского герцога Альбрехта Бранденбург-Ансбахского. Пользуясь тем, что верховные магистры Тевтонского ордена, чьим правопреемником он считался, фигурировали в императорских декретах в качестве протекторов Рижской епархии, Альбрехт заявил о своем праве участвовать в ее судьбе, стремясь утвердить в должности коадьютора Рижского архиепископа своего брата, маркграфа Вильгельма Бранденбургского. Договор, подписанный герцогом и архиепископом Рижским Томасом Шонингом в 1529 г., был призван дать правовое обоснование участию герцога во внутривосточных делах на правах протектора. В этом же документе определялась содержательная сторона тождественных понятий «протектор» и «консерватор», которая сводилась к следующим положениям: восприятие императорской власти и папства как источников протекторских полномочий, их ограниченность пределами Рижской епархии, коллегиальность в исполнении; но основная функция протектора была связана с

гарантированием ландсгерру и его подданным всей полноты прав, свобод и вольностей, некогда пожалованных им императорами или папами. Как показало исследование, протектор выступал в роли уполномоченного по исполнению доверенных ему обязанностей императора как «защитника», не обладающего собственными потестарными качествами в отношении «подопечных», и по этой причине его отношения с ними изначально не фиксировались в правовом отношении – условием для исполнения протектором своей функции служило признание «подопечными» его статуса. Основанием тому служили императорские или папские декреты, а также прямая преемственность власти.

Судя по всему, в 1529 г. герцог Альбрехт надеялся, что статус протектора будет уступлен ему Сигизмундом I, который ранее не проявлял особой заинтересованности в собственном праве именоваться протектором Рижской епархии, однако его надежды не оправдались. Вместо этого польско-литовский государь сам заявил о намерении действовать в отношении Рижской епархии как протектор, вследствие чего герцог Альбрехт как вассал польского короля был вынужден отступить. Он признал статус действительного протектора Рижской епархии за своим сюзереном и продолжил свою ливонскую политику в кооперации с наследником Сигизмунда I Сигизмундом II Августом. Роль герцога в данный период свелась к усилиям по поиску и обнародованию документов, касающихся протекторства польско-литовских государей в отношении Рижской епархии. Ему удалось подкрепить претензии Сигизмунда II Августа в этой сфере солидной документальной базой и создать на основе древнего протекторства польско-литовских государей план инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства.

Опираясь на прецедент 1529-1530 гг., Сигизмунд II Август выступил как протектор во время выборов коадьютора Рижского архиепископа в 1555-1556 гг., способствуя избранию выгодного для себя кандидата. Несмотря на внешнее сходство с ситуацией рубежа 20-30-х гг., проведенное исследование

показало, что события 1555-1557 гг. привнесли в развитие темы протекторства новые и весьма существенные детали. Опираясь на свой особый статус, Сигизмунд II Август отказался признавать правомочность рецессов ландтага 1546 г., запрещавшего избирать на должность коадьютора представителя княжеской семьи (в данном случае родственника Ягеллонов Кристофа Мекленбургского). Тем самым он по сути заявил о своем праве видоизменять ливонские законы и форму законотворчества, что уже не соответствует представлениям о протекторстве как о форме сеньориальных отношений. Об этом также свидетельствует его намерение использовать свои войска не только для восстановления прав Рижского архиепископа - мотив вполне традиционный для упоминаний о польско-литовском протекторстве - но также для разрешения межгосударственных проблем Великого княжества Литовского, связанных с ливонской границей и противодействием России. Кроме того, как это было отмечено в ходе исследования, в сложившейся ситуации он реализовывал свое право протекторства в индивидуальном порядке, несмотря на тот факт, что оно изначально имело коллективный характер и польские короли фигурировали в этом качестве наряду с рядом других государей. Таким образом исследование показало, что избрание Кристофа Мекленбургского, последующая «война коадьюторов» и заключение Позвольского договора в 1557 г. изменили восприятие прерогатив Сигизмунда II Августа как протектора, стремившегося определять положение дел не только в Рижской епархии, но и во всей Ливонии.

Как показало настоящее исследование, заключение соглашения в Позволе расширило рамки протекторства польско-литовского государя. Статус Сигизмунда II Августа как протектора был зафиксирован в юридическом документе, не являвшимся императорской буллой, благодаря чему отношения польско-литовского государя с ливонскими сословиями в 1556-1557 гг. всё меньше соответствовали сеньориальным, какими они представлялись в XIV – начале XVI в. и приобрели некоторые черты

современного восприятия протектората как разновидности ущемления суверенитета одного государства другим с целью подчинения на оговоренных и юридически зафиксированных условиях. Данная тенденция получила развитие в связи с началом Ливонской войны в январе 1558 г. Опираясь на свое право протектора Сигизмунд II Август склонил ливонские сословия к заключению в 1559 г. первого Виленского договора. Данное соглашение, нацеленное на усиление обороноспособности Ливонии от войск Ивана IV, распространило протекцию польско-литовского государя на всю территорию Ливонии. Согласно этому договору, Сигизмунд II Август получил право использовать людские и материальные ресурсы Ливонии, а также координировать ход военных и дипломатических действий ливонцев в обмен на защиту и гарантию сохранения всех законов и обычаев ливонских сословий, включая религиозные.

Таким образом, протекторство претерпело еще одну трансформацию, расширив тем самым область своего применения и пополнившись рядом новых властных прерогатив, что, в частности, было использовано в дипломатическом диалоге Сигизмунда II Августа с Москвой в целях правового обоснования действий его политики в отношении Ливонии. Еще одной «благоприобретенной» чертой протекторства Сигизмунда стало нарушение изначального представления о протекторстве как о норме, исходящей от императора или папы. Для этой цели польско-литовский государь форсировал процесс разрушения восприятия Ливонии как имперского лена, подчиненного императору Священной Римской империи, и тем самым легализовал установление в Ливонии своего господства.

Последующий ход боевых действий и включение в борьбу за ливонские земли Швеции и Дании поставили перед Сигизмундом вопрос о создании более сильной связи с ливонскими сословиями в целях сохранения собственной политической инициативы в намечающемся развале Ливонской конфедерации. Финальной точкой в истории ливонского протекторства стало

заключение в 1561 г. второго Виленского соглашения, которое положило конец использованию концепта протекторства и закрепило за Сигизмундом II Августом статус государя, а за ливонцами – положение его подданных. Таким образом, использование польскими королями статуса протектора Рижской епархии, а затем и всей Ливонии, обеспечило притязаниям Сигизмунда Августа необходимую идеолого-правовую базу, в рамках которой ему удалось привязать к себе ливонских ландсгерров и сословия отношениями защиты и покровительства, характерными для Средневековья, вслед за чем использовать обстоятельства, связанные с обострением внутрививонских политических противоречий и началом Ливонской войны, для трансформации отношений протекторства в отношения подданства.

Приложение. Карта «Динамика развития литовско-ливонской границы в XIV-XVI вв.»

Список сокращений

BUGL - Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558-1562

CDPL - Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae

GStA PK, XX, HA HBA - Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX,

Herzog Albrecht Herzoglichen Briefarchiv

LECUB - Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten

LM - Lietuvos Metrika / Литовская Метрика

MLA - Monumenta Livoniae Antiquae

ПСРЛ - Полное собрание русских летописей

РИБ – Русская историческая библиотека

СИРИО - Сборник императорского русского исторического общества

Список литературы

Архивные источники

1. Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA PK), Berlin: Herzog Albrecht (HA), Herzoglichen Briefarchiv (HBA) XX.
2. Riksarkivet, Stockholm: Livonica I, 41.

Опубликованные источники

1. Acta Tomiciana. Tomus Nonus Epistolarum. Legationum. Responsorum. Actionum et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi Regis Poloniae Magni Ducis Lithuaniae / Coll. S. Górski. – Poznań : Biblioteka Kórnicka, 1876. – Т. 9. – 372 s.
2. Acta Tomiciana. Tomus Octavus Epistolarum. Legationum. Responsorum. Actionum et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi, Regis Polonie et Magni Ducis Lithuanie / Coll. S. Górski. - Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 1876. – Т. 8. – 408 s.
3. Acta Tomiciana. Tomus Quartus Epistolarum. Legationum. Responsorum. Actionum et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi, Regis Polonie et Magni Ducis Lithuanie / Coll. S. Górski. - Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 1855. – Т. 4. – 428 s.
4. Acta Tomiciana. Tomus Sextus Decimus. Epistolarum. Legationum. Responsorum. Actionum et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi Regis Poloniae Magni Ducis Lithuaniae / Coll. S. Górski, ed. V. Pociecha. – Posnaniae : Bibliothecae Kornicensis, 1960. – Т. 16. – Cz. 1. - 717 s.
5. Balthasar Rüssow's Livländische Chronik. Aus dem Plattdeutschen übertragen und mit kurzen Anmerkungen versehen durch Eduard Pabst / hrsg. v. E. Pabst. - Reval : Verlag von F. J. Koppelson, 1845. - 368 s.
6. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558-1562 / hrsg. v. F. Bienemann. – Riga : Verlag von N. Kymmell, 1865. - Bd. 1. – 315 s.

7. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558-1562 / hrgs. v. F. Bienemann. – Riga : Verlag von N. Kymmell, 1867. - Bd. 2. – 295 s.
8. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558-1562 / hrgs. v. F. Bienemann. – Riga : Verlag von N. Kymmell, 1873. - Bd. 4. – 437 s.
9. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558-1562 / hrgs. v. F. Bienemann. – Riga : Verlag von N. Kymmell, 1876. - Bd. 5. – 599 s.
10. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae / Coll. M. Dogiel. - Vilnae : Typografia Regia et Reipublicae, 1764. - T. 4. – 526 s.
11. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae / Coll. M. Dogiel. - Vilnae : Typografia Regia et Reipublicae, 1759. - T. 5. – 560 s.
12. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430 / Coll. A. Prochaska. - Cracoviae : Academiae Literarum, 1882. - 1113 s.
13. Die Aufzeichnungen des rigaschen Rathsssecretärs Johann Schmiedt zu den Jahren 1558-1562 / hrsg. v. A. Bergengrün. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1892. – 164 s.
14. Die Berichte und Briefe des Rats und Gesandten Herzog Albrechts von Preussen Asverus von Brandt / hrsg. v. A. Bezzenberger. - Bd. 5. - Hameln : Thiele, 1953. – 643 s.
15. Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta, króla polskiego, W. X. Litewskiego 1555 i 1558 r. w Piotrkowie złożonych / coll. K. Mańkowski. – Krakow : Drukarnia Uniwersyteckiego Jagiellońskiego, 1869. – 344 s.
16. Elementa ad Fontium Editiones. Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam spectantia VIII pars HBA, B2, 1548-1549 / coll.

- C. Lanckorońska. – Romae : Institutum Historicum Polonicum Romae, 1976. - T. 38. – 230 p.
17. Fabricius D. Livonicae Historiae compendiosa series, in quatuor digesta partes ab anno 1158 usque ad annum 1610 // Scriptores Rerum Polonicarum. - Riga, Leipzig, Frantzen, 1848. - Bd. 2. - S. 427-510.
 18. Grefenthal B. Liffendische Chronica von Anno Christi MCLX ahngefangen // Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's dienen / hrsg. v. C. E. Napiersky. - Riga; Leipzig : Eduard Frantzen's Verlags-Comptoir, 1847. - Bd. 5. – S. 1-123.
 19. Henning S. Liffendische Churlendische Chronica: was sich vom Jahr Christi 1554 biss auff 1590, in der langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen an nothdrenghlicher veränderunge der Obrigkeit und Stände in Lieffland seider dess letzten herrn Meisters, und Ersten in Lieffland zu Churland und Semigalln Hertzogen, gedenckwirdiges zugetrage. – Leipzig, 1594. - 194 s.
 20. Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae oder Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung / hrsg. v. K. E. Napiersky. - Dorpat, Riga : Eduard Frantzen's Buchhandlung, 1833. - Bd. 1. – 394 s.
 21. Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae oder Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung/ hrsg. v. K. E. Napiersky. - Riga, Dorpat : Eduard Frantzen's Buchhandlung, 1835. - Bd. 2. – 414 s.
 22. Johann Renner's. Livländische Historien / hrsg. v. R. Hausmann, K. Höhlbaum. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 1876. – 478 s.

23. Kelch C. Liefländische Historia Oder Kurtze Beschreibung der Denckwürdigsten Kriegs- und Friedens-Geschichte Esth-, Lief- und Lettlands. - Reval : s. n., 1695. - 644 s.
24. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiėj Rusi Macieja Strykowskiego. - Warszawa : Nakład Gustawa Leona Glücksberga, 1846. - T. 2. – 584 s.
25. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 564 (1553-1567). Viešųjų reikalų knyga 7. – Vilnius : Lietuvos istorijos institutas, 1996. – 206 p.
26. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / hrsg. v. F. G. Bunge. – Reval : Kluge und Ströhm, 1853. - Bd. 1. – 634 s.
27. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / hrsg. v. F. G. Bunge. – Riga : Verlage von Nikolai Kymmell, 1873. – Bd. 6. – 675 s.
28. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / hrsg. v. H. Hildebrand. – Riga, Moskau : Verlag von J. Deubner, 1881. Bd. 7. – 631 s.
29. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / hrsg. v. H. Hildebrand. – Riga, Moskau : Verlag von J. Deubner, 1884. – Bd. 8. – 728 s.
30. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / hrsg. v. F. G. Bunge, H. Hildebrand. – Riga, Moskau : Verlag von J. Deubner, 1889. – Bd. 9. - 746 s.
31. Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's dienen / hgs. v. C. E. Napiersky. - Riga-Dorpat-Leipzig : Verlag von Eduard Frantzen's Buchhandlung, 1835. - Bd. 1. – 469 s.
32. Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst-und Kurland's dienen / hrsg. v. C. E.

- Napiersky. - Riga; Leipzig : Eduard Frantzen's Verlags-Comptoir, 1847. - Bd. 5. – 860 s.
33. Neue Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem dänischen geheimen Archive zu Kopenhagen / hrsg. v. C. Schirren. – Reval : Verlag von Franz Kluge, 1884. – Bd. 2. – 808 s.
34. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem schwedischen Reichsarchive zu Stockholm / hrsg. v. C. Schirren. – Reval : Verlag von Franz Kluge, 1864. – Bd. 4. - 715 s.
35. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem schwedischen Reichsarchive zu Stockholm / hrsg. v. C. Schirren. – Reval : Verlag von Franz Kluge, 1880. – Bd. 7. - 360 s.
36. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem schwedischen Reichsarchive zu Stockholm / hrsg. v. C. Schirren. – Reval : Verlag von Franz Kluge, 1879. – Bd. 6. - 366 s.
37. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem schwedischen Reichsarchive zu Stockholm / hrsg. v. C. Schirren. – Reval : Verlag von Franz Kluge, 1862. - Bd. 2. – 355 s.
38. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem schwedischen Reichsarchive zu Stockholm / hrsg. v. C. Schirren. – Reval : Verlag von Franz Kluge, 1861. - Bd. 1. – 342 s.
39. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem schwedischen Reichsarchive zu Stockholm / hrsg. v. C. Schirren. – Reval : Verlag von Franz Kluge, 1863. - Bd. 3. – 364 s.
40. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem schwedischen Reichsarchive zu Stockholm / hrsg. v. C. Schirren. – Reval : Verlag von Franz Kluge 1865. - Bd. 5. – 379 s.

41. Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiéj Rusi / M. Strykowski. – Warszawa : Nakład Gustawa Leona Glücksberga, 1846. - Т. 2. – 588 s.
42. Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken / hrsg. v. C. Schirren. - Dorpat : W. Gläfers Verlag, 1861–1868. – 250 s.
43. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia : maximam partem nondum edita ex tabulariis / Coll. A. Theiner. - Vaticanis. Romae : Typis vaticanis, 1861. - Т. 2. – 848 p.
44. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. - СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1848. - Т. 3. – 353 с.
45. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб. : , Типография Эдуарда Праца, 1863. - Т. 1. – 333 с.
46. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. - Вильна : Печатня Губернского Правления, 1867. - Т. 1. – 410 с.
47. Датский архив. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326-1690 гг. / собр. Ю. Н. Щербачевым. – М., : Университетская типография, 1893. – 354 с.
48. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа. – М. : Университетская Типография, 1845. - Т. 1. – 518 с.
49. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории / собр. Ю. Н. Щербачевым. - М. : Издательство Императорского Общества истории и древностей российских, 1915. - Вып. 1. – 320 с.

50. Курбский А. М. История о великом князе Московском. СПб. : Типография М. А. Александрова, 1913. – 192 с.
51. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга № 560 (1542). Кніга перапісаў № 3. / Падр. А. І. Дзярновіч. – Мінск : Беларуская навука, 2007. – 160 с.
52. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI / сост. М. М. Кром. - М. : Древлехранилище, 2002. - Т. 6. – 267 с.
53. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской Археографической комиссией. Львовская летопись. - СПб. : Типография М. А. Александрова, 1914. - Т. 20. - Ч. 2. – 274 (687) с.
54. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской Археографической комиссией. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. - СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1904. – Т. 13. – Ч. 1. – 308 с.
55. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской Археографической комиссией. Книга степенная царского родословия / ред. П. Г. Васенко. – СПб. : Типография М. А. Александрова, 1913. - Т. 21. - Ч. 2. 370 (708) с.
56. Полное собрание русских летописей. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. - М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. - Т. 30. - 272 с.
57. Полное собрание русских летописей. Псковские летописи. - М. : ЯРК, 2000. - Т. 5. - Вып. 2. - 368 с.
58. Полное собрание русских летописей. Псковские летописи. - М.: Издательство АН СССР, 1955. - Т. 5. - Вып. 2. - 244 с.

59. Полное собрание русских летописей. Холмогорская летопись. Двинской летописец. - Л.: Наука, 1977. - Т 33. - 256 с.
60. Русская историческая библиотека. Литовская Метрика. Отделы первый-второй. - Юрьев : s. n., 1914. - Т. 30. – 538 с.
61. Сборник императорского русского исторического общества / ред. Г. О. Карпов. - СПб. : Типография А. Л. Катанского и Ко, 1892. - Т. 71. - Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – Т. 3. - Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством (1560-1571 гг.). - 955 с.
62. Сборник императорского русского исторического общества / ред. Г. О. Карпов. - СПб. : Типография Ф. Елеонского и Ко, 1887. – Т. 59. - Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – Т. 2. - Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским (1533-1560 гг.). – 710 с.
63. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига : Типография А. И. Липинского, 1883. - Т. 4. - 622 с.
64. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига : Типография А. И. Липинского, 1879. - Т. 2. - 616 с.
65. Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при московском университете. - М. : Университетская Типография, 1846. - № 4. – 388 с.

Исследования

1. Angermann N. Am Vorabend des Livländischen Krieges Die Positionen der politischen Hauptkräfte Livlands gegenüber Russland / N. Angermann // Балтийский вопрос в конце XV-XVI вв. : сборник научных статей. - М. : Квадрига, 2010. - С. 32-39.
2. Angermann N. Das letzte Testament des Herzogs Gotthard von Kurland / N. Angermann // Nordost Archiv. Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde. - H. 90. – Lüneburg : Institut Nordostdeutsches Kulturwerk, 1988. - S. 81-100.
3. Angermann N. Die Bedeutung Livlands für die Hanse / N. Angermann // Die Hanse und der deutsche Osten / hrsg. v. N. Angermann. – Lübeck : Nordostdeutsches Kulturwerk, 1990. - S. 97-115.
4. Angermann N. Die Hanse im Osten: Preussen, Livland, Russland. Livland und Rusland / N. Angermann // Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos / hrsg. v. J. Bracker. – Hamburg : Schmidt-Römhild, 1989. - Bd. 1. - S. 65-67.
5. Angermann N. Die Stellung der livländischen Städte in der hansischen Gemeinschaft / N. Angermann // Hansische Geschichtsblätter. - 1995. - Bd. 113. - S. 111-125.
6. Angermann N. Livland im ausgehenden Mittelalter / N. Angermann // Wolter von Plettenberg, der größte Ordensmeister Livlands / hrsg. v. N. Angermann. – Lüneburg : Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1985. - S. 9-21.
7. Angermann N. Livländisch-russische Beziehungen im Mittelalter / N. Angermann // Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland / hrsg. v. N. Angermann. – Lüneburg : Nordostdeutsches Kulturwerk, 2001. - S. 129-144.
8. Angermann N. Zum Rußlandhandel von Dorpat/Tartu in der Zeit seiner höchsten Blüte (Mitte des 16. Jahrhunderts) / N. Angermann // Die

- baltischen Länder und der Norden. Festschrift für Helmut Piirimäe zum 75. Geburtstag / hrsg. von M. Laur, E. Küng und S. Ö. Ohlsson. – Tartu : Akadeemiline Ajalooselts, 2005. - S. 82-93.
9. Arbusow L. Die Einführung der Reformation in Liv-, Est- und Kurland / L. Arbusow – Leipzig : Scientia Verlag Aalen, 1921. - 851 s.
 10. Arnell S. Die Auflösung des livländischen Ordensstaates. Das schwedische Eingreifen und die Heirat Herzog Johans von Finnland 1558-1562. / S. Arnell – Lund : Lindstedt, 1937. – 278 s.
 11. Arnold U. Hochmeister Albrecht von Brandenburg-Ansbach und Landmeister Gotthard Kettler. Ordensritter und Territorialherren am Scheideweg in Preußen und Livland / U. Arnold // The Military Ordens and the Reformation. Choices, State Building, and the Weight of Tradition. – Hilversum : Verloren, 2006. - S. 19-23.
 12. Arnold U. Livland als Glied des Deutschen Ordens in der Epoche Wolters von Plettenberg / U. Arnold // Wolter von Plettenberg. Der grösste Ordensmeister Livlands. – Lüneburg : Nordostdeutsches Kulturwerk, 1985. - S. 28-31.
 13. Arnold U. Reformansätze im Deutschen Orden während des Mittelalter / U. Arnold // Reformbemühungen und Observanzbestrebungen im spätmittelalterlichen Ordenswesen / hrsg. v. K. Elm. – Berlin : Duncker & Humblot GmbH, 1989. - S. 139-152.
 14. Attman A. The Russian and Polish markets in international trade, 1500-1650 / A. Attman. - Göteborg : Göteborgs Universitet, 1973. - 232 s.
 15. Attman A. The Struggle for Baltic Markets. Powers in Conflict 1558-1618 / A. Attman. – Göteborg : Vetenskaps- och Vitterhets-Samhället, 1979. – 232 p.
 16. Backus O. P. The problem of Unity in the Polish-Lithuanian State / O. P. Backus // Slavic Review. – Pittsburgh : Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies, 1963. - Vol. 22. - № 3. - S. 411-431.

17. Benninghoven F. Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann / F. Benninghoven. – Hamburg : Velmede, 1961. - 168 s.
18. Bergengrün A. Herzog Christoph von Mecklenburg, letzter Koadjutor des Erzbistums Riga / A. Bergengrün. - Reval : Kluge, 1898. – 324 s.
19. Berkis A. The History of the Duchy of Courland (1561-1795) / A. Berkis. – Towson : Md. Harrod, 1969. - 336 p.
20. Biskup M. Der Deutsche Orden in Bahn der habsburgischen Politik in der zweiten Hälfte des 15. und zu Beginn des 16. Jahrhunderts / M. Biskup // Ritterorden zwischen geistlicher und weltlicher Macht im Mittelalter (Ordines militares - Colloquia Torunensia Historica 5) / hrsg. v. Z. H. Nowak. – Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1990. - S. 101-126.
21. Biskup M. Geneza i znaczenie hołdu pruskiego 1525 roku / M. Biskup // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. - Rocznik : Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 1975. - № 4. – S. 407-424.
22. Biskup M. Livland als politischer Faktor im Ostseeraum zur Zeit der Kalmarer Union (1397-1521) / M. Biskup // Der Deutsche Orden in der Zeit der Kalmarer Union, 1397-1521 / hrsg. v. Z. H. Nowak. – Toruń : Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. - S. 99-133.
23. Biskup M. Wendepunkt der Deutschordensgeschichte / M. Biskup // Beiträge zur Geschichte des Deutschen Ordens (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 36). – Marburg : Elwert, 1986. - S. 1-18.
24. Błaszczuk G. Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności 1492–1569 / G. Błaszczuk. - Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2002. – 336 s.
25. Bodniak S. Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiełłona / S. Bodniak. – Kórnik : Drukarnia Istitutu Rzemieslniczo-Przemyslowego, 1946. - 241 s.

26. Bogatynski W. Stosunek Polski do Litwy w sprawie Inflant (r. 1560) / W. Bogatynski // Przegląd Historyczny: dwumiesięcznik naukowy. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1915. - T. 19. - № 9. - S. 109-113.
27. Cynarski S. Zygmunt August : Biografia / S. Cynarski. – Wrocław : Ossolineum, 1988. - 237 s.
28. Czapliński W. Nowa praca o kwestii bałtyckiej w połowie XVI w. / W. Czapliński // Zapiski historyczne: poświęcone historii Pomorza i krajów bałtyckich. – Toruń : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. - T. 30. - № 4. - S. 78-83.
29. Czapliński W. Polska a Dania XVI-XX w. / W. Czapliński. – Warszawa : Studia, 1976. - 356 s.
30. Czapliński W. Stanowisko państw skandynawskich wobec sprawy inflanckiej w latach 1558-1561 / W. Czapliński // Zapiski historyczne: poświęcone historii Pomorza i krajów bałtyckich. – Toruń : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1963. - T. 28. - № 3. - S. 379-406.
31. Dąbrowski J. Baltische Handelspolitik Polens und Litauens im XIV-XVI Jh. / J. Dąbrowski // Conventus primus historicorum Balticorum. – Riga : Latvijas Vēstures Institūts, 1938. - S. 286-291.
32. Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse / E. Daenell. – Berlin : Georg Reimer, 1905-1906. - Bd. 1-2. - 474; 561 s.
33. Davies N. God's Playground: A history of Poland / N. Davies. - New York : Columbia University Press, 2005. - Vol. 1. - 457 p.
34. Deggeller G. Karl V und Polen-Litauen. Ein Beitrag zur Frage der Ostpolitik des späten Kaisertums / G. Deggeller. – Würzburg : Triltsch, 1939. - 49 s.
35. Dolezel S. Das preußisch-polnische Lehnsverhältnis unter Herzog Albrecht von Preußen (1525-1568) / S. Dolezel. - Köln : Grote, 1967. - 260 s.

36. Dollinger P. Die Hanse / P. Dollinger. – Stuttgart : Kröner, 1989. - 593 s.
37. Donnert E. Der livländische Ordenstritterstaat und Russland: der livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583 / E. Donnert. – Berlin : Rütten & Loening, 1963. - 316 s.
38. Doroszenko W. W. Eksport Rygi na Zachód w okresie przynależności do Rzeczypospolitej (1562-1620) / W. Doroszenko // Zapiski historyczne: poświęcone historii Pomorza i krajów bałtyckich. – Toruń : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966. - T. 31. - № 1. - S. 7-44.
39. Dubonis A. The Lithuanian Metrica / A. Dubonis // Lithuanian Historical Studies. – Vilnius : LII leidykla, 2002. - № 7. - P. 128-133.
40. Dundulis B. Lietuvių kova dėl Žemaitijos ir Užnemunės XV amžiuje / B. Dundulis. – Vilnius : Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1960. - 316 p.
41. Dundulis B. Lietuvos užsienio politika XVI a. / B. Dundulis. – Vilna : Mintis, 1971. - 306 p.
42. Elliott J. H. Europe Divided 1559-1598 / J. H. Elliott. – Oxford : Collins, 2000. – 432 p.
43. Fennell J. L. Ivan the Great of Moscow / J. L. Fennell. – London : Macmillan & co St Martin's press, 1961. - 386 p.
44. Filyushkin A. Livonian war in the context of the European wars of the 16th century. Conquest, Borders, Geopolitics / A. Filyushkin // Russian history. – Brill, 2016. - Vol. 43. - № 1. - P. 6-21.
45. Filyushkin A. The Livonian war in the context of the 16th century East European wars / A. Filyushkin // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. - СПб. : Издательство СПбГУ, 2014. - № 1. - С. 47-64.
46. Forstreuter K. Die Memel als Handelsstraße Preußens nach Osten / K. Forstreuter. – Königsberg : Gräfe und Unzer Verlag, 1931. – 108 s.
47. Forstreuter K. Vom Ordenstaat zum Fürstentum. Geistige und politische Wandlungen im Deutschordenstaate Preussen unter den

- Hochmeister Friedrich und Albrecht (1498-1525) / K. Forstreuter. - Kitzingen am Main, 1951. – 151 s.
48. Frost R. I. The Northern Wars 1558-1721: War, State, Society in Northeastern Europe 1558-1721 / R. I. Frost. – Harlow : Pearson Education Ltd./Longman, 2000. - 401 p.
49. Frost R. I. The Polish-Lithuanian Union, 1386-1795 / R. I. Frost // British Academy Review. – London : British Academy, 2013. - Vol. 21. - S. 7-10.
50. Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters / L. K. Goetz. – Lübeck : Waelde, 1922. – 572 s.
51. Górnicki Ł. Dzieje w Koronie Polskiej od r. 1538 do r. 1572 / Górnicki Ł. – Sanok : K. Pollak, 1855. – 137 s.
52. Górski K. Polska w ziewisku Bałtyku / K. Górski – Gdańsk : Instytut Bałtycki, 1947. – 238 s.
53. Górski K. Studia i szkice z dziejów Państwa Krzyżackiego / K. Górski. – Olsztyn : Pojezierze, 1986. – 221 s.
54. Gudavičius E. Lietuvos europėjimo kelias: istorinės studijos / E. Gudavičius. – Vilnius : Aidai, 2002. – 383 p.
55. Halecki O. A history of Poland / O. Halecki. - New York : McKay, 1981. – 366 p.
56. Halecki O. Geschichte Polens / O. Halecki. - Frankfurt am Main : Heinrich Scheffler Verlag, 1963. - 291 s.
57. Hammel-Kiesow R. Die Hanse / R. Hammel-Kiesow. – München : C. H. Beck Verlag, 2000. – 128 s.
58. Hartmann S. Neue Quellen zur livländischen Koadjutorfehde 1555/1556 / S. Hartmann // Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag / hrsg. v. B. Jähnig, K. Militzer. - Münster : Lit, 2004. - S. 275-306.

59. Hellmann M. *Altlivland und das Reich* / M. Hellmann // *Felder und Vorfelder russischer Geschichte* / hrsg. v. P. Scheibert, I. Auerbach, A. Hillgruber. – Freiburg : Rombach, 1985. - S. 61-75.
60. Hellmann M. *Der Deutsche Orden in Livland* / M. Hellmann // *Die Rolle der Ritterorden in der mittelalterlichen Kultur (Ordines militares - Colloquia Torunensia Historica III)* / hrsg. v. Z. H. Nowak. – Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1985. - S. 105-116.
61. Hellmann M. *Deutsche Orden und die Stadt Riga* / M. Hellmann // *Stadt und Orden: das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preussen und im Deutschen Reich.* – Marburg : Elwert, 1993. - S. 1-33.
62. Hellmann M. *Die Erzbischöfe von Riga und Litauen vom 13. bis zum 15. Jahrhundert* / M. Hellman // *Baltikum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury 12-18 wieku.* – Toruń : Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego, 1992. - S. 123-130.
63. Hellmann M. *Die polnisch-litauische Union 1385/86. Betrachtungen zu ihrem 600-jährigen Gedächtnis* / M. Hellmann // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* – 1986. – Bd. 34. - S. 19-34.
64. Hellmann M. *Die Stellung des livländischen Ordenzweigs zur Gesamtpolitik des Deutschen Ordens vom 13. bis zum 16. Jahrhundert* / M. Hellmann // *Von Akkon bis Wien. Studien zur Deutschordensgeschichte vom 13. bis zum 20. Jahrhundert. Festschrift zum 90. Geburtstag von Althochmeister M. Tumler* / hrsg. v. U. Arnold. – Marburg : Elwert, 1978. - S. 6-13.
65. Hellmann M. *Grundzüge der Geschichte Litauens und des litauischen Volkes* / M. Hellmann. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976. - 179 s.

66. Herbers K. Europa und seine Grenzen im Mittelalter / K. Herbers // Grensräume und Grenzüberschreitungen im Vergleich. Der Osten und der Westen des mittelalterlichen Lateineuropa / hrsg. v. K. Herbers, N. Jaspert. Berlin : Akademie Verlag 2007. S. 21-41.
67. Herbst S. Wojna inflancka 1600-1602 / S. Herbst. – Warszawa : Inforteditons, 1938. - 253 s.
68. Herrmann A. Der Deutsche Orden unter Walter von Kronberg (1525-1543) / A. Hermann. - Bonn-Godesberg : Verlag Wissenschaftliche Archiv, 1974. 306 s.
69. Heyde J. Die Livlandpolitik der polnisch-litauischen Adelsrepublik / J. Heyde // Nordosteuropa als Geschichtsregion. Beiträge des III. Internationalen Symposiums zur deutschen Kultur und Geschichte im europäischen Nordosten / hrsg. v. U. M. Liertz, J. Hackmann, R. Schweitzer. – Lübeck : Schmidt-Römhild, 2006. - S. 333-342.
70. Heyde J. Kość niezgody - Inflanty w polityce wewnętrznej Rzeczypospolitej w XVI-XVII wieku / J. Heyde // Prusy i Inflanty między średniowieczem a nowożytnością / red. B. Dybasia, D. Makilla. – Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2003. - S. 159-168.
71. Hildebrand H. Das deutsche Kontor zu Polozk / H. Hildebrand // Baltische Monatsschrift / hrsg. v. T. Bötticher, A. Faltin. – Riga : H. Brutzer & Co., 1873. – Bd. 22. - № 4 - S. 342-381.
72. Historia dyplomacji Polskiej / red. M. Biskup. - Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1982. – T. 1. – Cz. 1. - 874 s.
73. Historia Polski: do roku 1764 / red. H. Łowmiański. - Warszawa, 1957. - T. 1. - Cz. 2. – 860 s.
74. Hollihn G. Die Stapel- und Gästepolitik Rigas in der Ordenszeit (1201-1562). Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte Rigas in der Hansezeit /

- G. Hollihn // *Hansische Geschichtsblätter*. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1935. - Bd. 60. - S. 89-207.
75. Ilariene I. Kilka Zrodela dotyczacych protektoratu Wielkiego Ksiestwa Litewskiego nad arcybiskupstwem Ryskim / I. Ilariene // *Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai : Faktas. Kontekstas. Interpretacija* / red. A. Dubonis. - Vilnius: Leidykla, 2007. - S. 213-240.
76. Jähnig B. Albrecht von Brandenburg-Ansbach und die Säkularisation des Deutschen Ordens in Preußen / B. Jähnig // *Vorträge und Forschungen* / H. Jürgen, B. Kämpfert. – Münster : Nicolaus Copernicus Verlag, 2011. - S. 90-99.
77. Jähnig B. Der Deutsche Orden und die livländischen Bischöfen im Spannungsfeld vom Kaiser und Papst / B. Jähnig // *Nordost-Archiv: Zeitschrift für Regionalgeschichte*. – Luneburg : Institut Nordostdeutsches Kulturwerk, 1998. - Bd. 7. - S. 47-64.
78. Jähnig B. Der Kampf des Deutschen Ordens um die Schutzherrschaft über die livländischen Bistümer / B. Jähnig // *Ritterorden und Kirche im Mittelalter (Ordines militares – Coloquia Torunensia historia)* / hrsg. v. Z. H. Nowak. – Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1997. - № 9. - S. 97-111.
79. Jähnig B. Die Anfänge der evangelischen Landeskirche im Herzogtum Preußen zur Zeit von Herzog Albrecht / B. Jähnig // *Preußen und Livland im Zeichen der Reformation* / hrsg. v. A. Mentzel, K. Neitmann. – Osnabrück : Fibre, 2014. - S. 15-56.
80. Jähnig B. Militärgeschichtliche Quellen des Staatsarchivs Königsberg im Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz / B. Jähnig // *Altpreußische Geschlechterkunde*. – Hamburg : Selbstverlag des Vereins, 1982. - Bd. 13. - S. 7–44.
81. Jakubowski J. Inflanty (Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. T. 13: Źródła Dziejowe. T. 24. Cz. 1) / J.

- Jakubowski, J. Kordzikowski. – Warszawa : Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1915. - 360 s.
82. Januszek-Sieradzka A. «Potrzeba moskiewska» na sejmach koronnych w latach 60. XVI stulecia / A. Januszek-Sieradzka // Teka Komisji Historycznej. – Lublin : Polska Akademia Nauk, 2012. - T. 9. - S. 7-31.
83. Januszek-Sieradzka A. Gdański kupiec Jan Boleman w służbie króla Zygmunta Augusta / A. Januszek-Sieradzka // *Servitium et amicitia. Studia z dziejów kariery i awansu w Polsce Jagiellonów* / red. A. Januszek-Sieradzka. – Sandomierz : Wydawnictwo Diecezjalne i Drukarnia, 2011. - S. 55-85.
84. Jasnowski J. Mikołaj Czarny Radziwill (1515-1565): kanclerz i marszałek ziemski Wielkiego Księstwa Litewskiego, wojewoda wileński / J. Jasnowski. – Warszawa : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1939. - 368 s.
85. Johansen P. Der hansische Rußlandhandel, insbesondere nach Novgorod in kritischer Betrachtung / P. Johansen // *Die deutsche Hanse als Mittler zwischen Ost und West (Wissenschaftliche Abhandlungen der Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen 27)* / hrsg. v. A. v. Brandt, P. Johansen, H. van Werveke, K. Kumlien, H. Kellenbenz. – Köln : Verlag für Sozialwissenschaften, 1963. - S. 39-57.
86. Johansen P. Die Bedeutung der Hanse für Livland / P. Johansen // *Hansische Geschichtsblätter*. - 1940/1941. - Bd. 65/66. - S. 1-55.
87. Jurgela C. R. History of the Lithuanian Nation / C. R. Jurgela. - New York : Lithuanian Cultural Institute, 1948. – 544 p.
88. Kahk J. An economic history of the Baltic countries / J. Kahk, E. Tarvel. – Stockholm : Institutionen för baltiska studier, Stockholms universitet, 1997. – 141 p.

89. Kappeler A. Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes / A. Kappeler. - Frankfurt am Main : Peter Lang, 1972. – 298 s.
90. Karge P. Berufung des Markgrafen Wilhelm zum Koadjutor des Rigaschen Erzbischofs. Ein Betrag zur Reformationsgeschichte / P. Karge // Baltische Monatsschrift / hrsg. v. F. Bienemann. – Riga : Verlag der Baltische Monatsschrift , 1906. – Bd. 61. – S. 117 – 155.
91. Karge P. Die Reformation und Gottesdienstordnung des Markgrafen-Erzbischofs Wilhelm von Riga vom März 1546 / P. Karge // Mitteilungen aus der Livländischen Geschichte. – Riga : Kommissionverlag N. Kymmell, 1924. - № 22. - S. 120-161.
92. Karwowski S. Wcielenie inflant do Litwy i Polski 1558-1561 roku / S. Karwowski. – Poznań : Czcionkami T. H. Daszkiewicza, 1873. - 112 s.
93. Kasekamp A. A history of the Baltic states / A. Kasekamp. – Basingstoke, New York : Palgrave Macmillan, 2010. – 251 p.
94. Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik / R. Kentmann // Beiträge zur Kunde Estlands. – Reval : Lindfors' Erben, 1928. - Bd. 14. – S. 85-160.
95. Kiaupa Z. The History of Lithuania before 1795 / Z. Kiaupa, J. Kiaupienė, A. Kunevičius. – Vilnius : Arlila Press, 2000. – 402 p.
96. Kiaupienė J. Lietuvos Istorija / J. Kiaupienė, R. Petrauskas. - Vilnius : Baltų Lankų, 2009. - 551 p.
97. Kiaupienė J. The History of Lithuania before 1795 / Z. Kiaupa, J. Kiaupienė, A. Kunevičius. – Vilnius : Arlila Press, 2000. – 402 p.
98. Kirby D. Northern Europe in the early modern period. The Baltic World 1492-1772 / D. Kirby. - New York : Routledge, 2014. – 443 p.
99. Kirchner W. The rise of the Baltic question / W. Kirchner. – Westport : Greenwood Press, 1970. – 283 p.
100. Kłoczowski J. Wprowadzenie: Unia lubelska — nowe perspektywy i spojrzenia // Unia lubelska i tradycje integracyjne w Europie Środkowo-

- Wschodniej / red. J. Kłoczowski, P. Kras, H. Łaszkiewicz. – Lublin : Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1999. – S. 5-6.
101. Kłodziński A. Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem 1556-7 / A. Kłodziński // *Kwartalnik Historyczny*. – Lwów : Towarzystwo Historyczne, 1908. - R. 22. – S. 344-391.
102. Koit J. Esthische Bauern als Krieger während der Kämpfe in Livland 1558-1611 / J. Koit // *Annales Societatis Litterarum Estonicae in Svecia*. - Stockholm, 1966. - Bd. 4. - S. 22-60.
103. Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów / L. Kolankowski. – Warszawa : Kasa im. Mianowskiego, 1930. - T. 1. - S. 173-217.
104. Koneczny F. Kazimierz Wielki protektorem kościoła ryskiego / F. Koneczny // *Pamiętnik słuchaczy Uniwersytetu Jagiellońskiego*. – Kraków : Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1887. - S. 554-569.
105. Konopczyński W. Kwestia bałtycka do XX wieku / W. Konopczyński. – Gdańsk: Instytut bałtycki, 1946. – 228 s.
106. Kordzikowski J. Inflanty (Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym T. 13: Źródła Dziejowe. T. 24. Cz. 1) / J. Jakubowski, J. Kordzikowski. – Warszawa : Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1915. - 360 s.
107. Kostrzak J. Die Ständeprobleme in Altlivland im 15. Jahrhundert / J. Kostrzak // *Die Anfänge der ständischen Vertretungen in Preußen und seinen Nachbarländern* / hrsg. v. E. Müller-Luckner. – München : Oldenbourg, 1992. - S. 151-157.
108. Krannhals D. Danzig und der Weichselhandel in seiner Blütezeit vom 16 bis 17 Jh. / D. Krannhals. – Leipzig: Hirzel, 1942. – 143 s.
109. Kreem J. Der Deutsche Orden und die Reformation in Livland / J. Kreem // *The Military Orders and the Reformation: Choices, State Building,*

- and the Weight of Tradition / Coll. J. A. Mol – Hilversum : Verloren, 2006. S. 43-58.
110. Kühles J. Die Reformation in Livland - religiöse, politische und ökonomische Wirkungen / J. Kühles. – Hamburg : Verlag Kovač, 2007. – 366 s.
111. Kumetaitis Z. The Borders of Lithuania. The History of a Millenium / Z. Kumetaitis – Vilnius : Baltos lankos, 2010. – 178 s.
112. Kunevičius A. The History of Lithuania before 1795 / Z. Kiaupa, J. Kiaupienė, A. Kunevičius. – Vilnius : Arlila Press, 2000. – 402 p.
113. Kutrzeba S. Akta unji Polski z Litwa, 1385-1791 / S. Kutrzeba, W. Semkowicz. - Krakow : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1932. – 570 s.
114. Kutrzeba S. Historja ustroju Polski w zarysie / S. Kutrzeba. – Lwów : Grafia, 1917. - T. 1. – 292 s.
115. Kutrzeba S. Historja ustroju Polski w zarysie / S. Kutrzeba. – Lwów : Prasa, 1921. - T. 2. - 170 s.
116. Kutrzeba S. Polska a Inflanty / S. Kutrzeba. – Gdynia : Kasa im. Mianowskiego, 1939. – 154 s.
117. Küttler W. Das Verhältnis der Stadt Riga zu Polen-Litauen in der Zeit des Livländischen Krieges / W. Küttler // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas. - 1967. - Bd. 10. - S. 273-295.
118. Lange T. Zwischen Reformation und Untergang Alt-Livlands / T. Lange. – Hamburg : Verlag Dr. Kovač, 2014. - T. 1-2. – 786 s.
119. Lauffer V. Danzigs Schiff- und Warenverkehr am Ende des 15. Jahrhunderts / V. Lauffer // Zeitschrift des Westpreußischen Geschichtsvereins. - 1894. – Bd. 33. - S. 1-44.
120. Leimus A. Vorläufige Bemerkungen zur Entwicklung einiger Löhne und Preise in Reval im 16. Jahrhudert // Forschungen zur balitschen

- Geschichte / hrsg. v. M. Laur und K. Brüggemann. – Tartu : Akadeemiline ajalooline, 2014. - Bd. 9. – S. 50-66.
121. Lelewel J. Dzieje Litwy i Rusi aż do unji z Polską w Lublinie 1569 zawartej / J. Lelewel. – Poznań : Drukarnia W. Stefańskiego, 1844. – 202 s.
122. Lenz. W. Riga zwischen dem Römischen Reich und Polen-Litauen in den Jahren 1558-1582 / W. Lenz. – Marburg : J. G. Herder-Institut, 1968. – 135 s.
123. Lepszy K. Dzieje floty polskiej / K. Lepszy. – Gdańsk : Instytut bałtycki, 1947. – 351 s.
124. Lepszy K. Wojna o Inflanty i powstanie wielonarodowościowej Rzeczypospolitej szlacheckiej. Pierwsze wolne elekcje / K. Lepszy // Historia Polski do roku 1764. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957. - S. 235-261.
125. Lewicki A. Zarys historii polskiej aż do najnowszych czasów / A. Lewicki. – Warszawa : Gebethner i Wolff, 1925. – 512 s.
126. Łowmiański H. Polityka Jagiellonów / H. Łowmiański. - Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 1999. – 673 s.
127. Łowmiański H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego / H. Łowmiański. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1983. - 579 s.
128. Lückerath C. A. Paul von Rusdorf, Hochmeister des Deutschen Ordens 1422-1441 / C. A. Lückerath. - Bad Godesberg : Verlag Wissenschaftliches Archiv, 1969. - 248 s.
129. Lukšaitė I. Reformacija Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ir Mažojoje Lietuvoje / I. Lukšaitė // XVI a. trečias dešimtmetis – XVIII a. pirmas dešimtmetis. – Vilnius : Baltos lankos, 1999. – 647 p.
130. Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588 / H. Lulewicz. – Warszawa : Neriton, 2002. – 475 s.

131. Makilla D. Prusy Książęce a Korona Polska po 1525 roku. Prowincja czy protektorat / D. Makilla // Prusy i Inflanty między Średniowieczem a Nowożytnością. Państwo – społeczeństwo – kultura / red. B. Dybasia, D. Makilla. – Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2003. - S. 63-72.
132. Małek J. Die Politik des Herzogtums Preussen gegenüber Polen zur Zeit Herzog Albrechts (1525-1568) / J. Małek // Historisches Jahrbuch. - 1978- Bd. 97/98. - S. 269.
133. Małek J. Poland in the face of the Lutherisation of Prussia / J. Małek // The Military Orders and the Reformation: Choices, State Building, and the Weight of Tradition / Coll. J. A. Mol – Hilversum : Verloren, 2006. P. 31-41.
134. Małek J. Prusy Książęce a Prusy Królewskie w latach 1525-1548 : studium z dziejów polskiej polityki księcia Albrechta Hohenzollerna / J. Małek. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976. – 289 s.
135. Małowist M. Poland, Russia and Western Trade in 15th and 16th centuries / M. Małowist // Past & Present. – Oxford : Oxford University Press, 1958. - № 13. - P. 26-41.
136. Małowist M. Über die Frage der Handelspolitik des Adels in den Ostseeländern im 15. und 16. Jahrhundert / M. Małowist // Hansische Geschichtsblätter. - 1957. - № 75. - S. 29-47.
137. Manteuffel G. Upadek państwa inflanckiego / G. Manteuffel. – Lwów : Przewodnik Naukowy i Literacki, 1894. – 32 s.
138. Mettig C. Geschichte der Stadt Riga / C. Mettig. - Hannover-Döhren : Harro von Hirschheydt, 1980. – 489 s.
139. Mickwitz G. Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts / G. Mickwitz. – Helsingfors : Societas Scientiarum Fennica, 1938. – 258 s.

140. Misāns I. Wolter von Plettenberg und der livländische Landtag / I. Misāns // Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland / hrsg. v. N. Angermann, I. Misāns. - Lüneburg : Nordostdeutsches Kulturwerk, 2001. - S. 55-72.
141. Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej / J. Natanson-Leski. - Lwów-Warszawa : Książnica Polska Towarzystwa Nauczycieli Szkół Wyższych, 1922. – Cz. 1. – 196 s.
142. Neitmann K. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preußen 1230-1449. Studien zur Diplomatie eines spätmittelalterlichen deutschen Territorialstaates / K. Neitmann. - Köln, Wien : Böhlau, 1986. – 629 s.
143. Neitmann K. Um die Einheit Livlands. Der Griff des Ordensmeisters Berndt von der Borch nach dem Erzstift Riga um 1480 / K. Neitmann // Deutsche im Nordosten Europas / hrsg. v. H. Rothe. - Köln, Wien : Böhlau, 1991. - S. 109-137.
144. Niitemaa V. Die Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter / V. Niitemaa. – Helsinki : Suomalainen Tiedeakatemia, 1952. - 379 s.
145. Nöbel W. Michael Kuchmeister, Hochmeister des Deutschen Ordens 1414-1422 / W. Nöbel - Bad Godesberg : Verlag Wissenschaftliches Archiv, 1969. – S. 158.
146. Oakley S. P. War and Peace in the Baltic 1560-1790 / S. P. Oakley. - London, New York: Routledge, 1992. - 222 p.
147. Olewnik J. Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant do monarchii jagiellońskiej z lat 1552-155 i jego pierwsze stadium realizacji / J. Olewnik // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. – Rocznik : Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 1979. - № 4. - S. 393-408.
148. Petrauskas R. Lietuvos Istorija / J. Kiaupienė, R. Petrauskas. - Vilnius : Baltų Lankų, 2009. - 551 p.

149. Pfitzner J. Großfürst Witold von Litauen als Staatsmann / J. Pfitzner. – Brünn : R. M. Rohrer, 1930. – 239 s.
150. Pietkiewicz K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka : Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku / K. Pietkiewicz. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1995. – 256 s.
151. Plewczyński M. Koalicje antymoskiewskie Jagiellonów w XVI wieku / M. Plewczyński // *Wschodni Rocznik Humanistyczny* / red. A. Górak. - Lublin, Radzyń Podlaski, Siedle : AWA-DRUK, 2005. - T. 2. - S. 83-93.
152. Quednau H. Livland im politischen Willen Herzog Albrechts von Preußen / H. Quednau. – Leipzig : Hirzel, 1939. – 201 s.
153. Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763 / A. Rachuba. - Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 2002. – 373 s.
154. Radiņš A. Daugmale, Jersika, Riga. The development of economic and political centers along the lower reaches of the Daugava / A. Radiņš // *Lübeck style? Baltic rim central places as arenas for cultural encounters and urbanisation 1100-1400 A. D.* - Riga : Nordic, 2001. - S. 89-94.
155. Ramm-Helmsing H. Das staatsrechtliche Verhältnis der Stadt Riga zu Polen-Litauen im Zeitraum zwischen 1561-1581 / H. Ramm-Helmsing // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* – Breslau : Verlag Thiel & Hintermeier, 1941. - № 6. – S. 171-200.
156. Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561 / K. Rasmussen. - København : Universitetsforlaget, 1973. - 241 s.
157. Rauch G. Moskau und europäische Mächte des XVII Jahrhunderts / G. Rauch // *Historische Zeitschrift.* – 1954. - Bd. 178. – S. 25-46.
158. Rhode G. Die Ostgrenze Polens. Politische Entwicklung, kulturelle Bedeutung und geistige Auswirkung / G. Rhode. - Köln/Graz : Böhlau Verlag, 1955. - Bd. 1. – 457 s.

159. Richter A. Die Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung demselben / A. Richter. – Riga : Verlag v. Nicolai Kymmels Buchhandlung, 1851. - Bd. 1. - 351 s.
160. Romanowski J. N. Wojna Zygmunta Augusta z zakonem inflanckim r. 1557 / J. N. Romanowski // Roczniki Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego. - Poznań : Towarzystwo Przyjaciół Nauk Poznańskie, 1860. – T. 1. – S. 329-400.
161. Rutenberg O. Geschichte von Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland / O. Rutenberg. – Leipzig : Verlag v. Wilhelm Engelmann, 1860. - Bd. 2. - 456 s.
162. Rybarski R. Handel i polityka handlowa Polski w XVI w. / Rybarski R. - Poznań-Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1928-1929. - T. 1-2. - 318, 218 s.
163. Samsonowicz H. Handel zagraniczny Gdąnska w drugiej połowie XV wieku / H. Samsonowicz // Przegląd Historyczny. - 1956. – T. 47. - S. 283-352.
164. Samsonowicz H. Z zagadnień handlu litewsko – hanzeatyckiego w XV w. / H. Samsonowicz // Tarp istorijos ir būtovės. Studijos prof. Edvardo Gudavičiaus 70 – mečiui. – Vilnius : Aidai, 1999. - T. 1. - S. 77-85.
165. Schiemann T. Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert / T. Schiemann. - Berlin : Grote, 1887. - Bd. 2. - 410 s.
166. Schirmacher F. W. Johann Albrecht I. Herzog von Mecklenburg / F. W. Schirmacher. - Wismar : Hinstorff 'sche Hofbuchhandlung, 1885. – 424 s.
167. Schröder H. G. Der Handel auf der Düna im Mittelalter / H. G. Schröder // Hansische Geschichtsblätter. - 1917. - Bd. 23. - № 44. - S. 23-156.

168. Schwarz J. Zwischen Kaiser und Papst: Der Rigaer Erzbistumsstreit 1480-1483 / J. Schwarz // Zeitschrift für Historische Forschung. – Berlin : Duncker & Humblot, 2007. - Bd. 34. - № 3. - S. 373-402.
169. Selart A. Der «Dorpater Zins» und die Dorpat-Pleskauer Beziehungen im Mittelalter / A. Selart // Aus der Geschichte Alt- Livlands: Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag / Hrsg. von B. Jähnig und K. Militzer. – Münster : Lit, 2004. - S. 11–37.
170. Selart A. Johann Blankenfeld und Russland / A. Selart // Die baltischen Länder und Europa in der Frühen Neuzeit / hrsg. v. N. Angermann, K. Brüggemann, I. Pöltsum-Jürjo. - Köln : Böhlau Verlag, 2015. - S. 105–129.
171. Selart A. Livland – ein russisches Erbland? / A. Selart // Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert). – Wien : Böhlau, 2012. - S. 29-65.
172. Selart A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century / A. Selart. – Leiden, Boston: Brill, 2015. – 385 s.
173. Semkowicz W. Akta unji Polski z Litwa, 1385-1791 / S. Kutrzeba, W. Semkowicz. - Krakow : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1932. – 570 s.
174. Seraphim E. Geschichte von Livland / E. Seraphim. – Gotha : F. A. Perthes, 1906. - Bd. 1. – 293 s.
175. Stancelis V. LDK vaidmuo Livonijos krizėje 1552–1561: Svarbiausios istoriografinės problemos / V. Stancelis // Lituanistica. - Vilnius : s. n., 1998. - № 4 (36). - P. 3-17.
176. Stancelis V. The annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania: Historiographical controversies / V. Stancelis // Lithuanian historical studies. - Vilnius, 2000. - Vol. 5. - P. 21-44.

177. Stavenhagen O. Johann Woltus von Herse, 1470-1471, Meister des Deutschen Ordens zu Livland / O. Stavenhagen // Mitteilungen aus dem Gebiet der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. - 1900. - Bd. 17. - H. 1. - S. 1-88.
178. Sucheni-Grabowska A. Monarchia dwu ostatnich Jagiellonów a ruch egzekucyjny / A. Sucheni-Grabowska. - Warszawa, 1974. - Cz. 1. – 302 s.
179. Sucheni-Grabowska A. Zygmunt August. Król polski i wielki książę litewski 1520-1562 / A. Sucheni-Grabowska. – Kraków : Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2010. – 580 s.
180. Szelagowski A. Walka o Bałtyk 1544-1621 / A. Szelagowski. - Oświęcim : Napoleon V, 2016. – 228 s.
181. Szujski J. Dzieje Polski podług ostatnich badań / J. Szujski. - Lwów : Wild Karol, 1862. - T. 2. – 340 s.
182. Szymaniak W. Polscy i litewscy korespondenci księcia pruskiego Albrechta Hohenzollerna w latach 1525-1548 / W. Szymaniak. - Toruń : UMK, 1993. – 132 s.
183. Szymaniak W. Rola dworu polskiego w polityce zagranicznej Prus Książęcych / W. Szymaniak // Studium z dziejów dyplomacji Prus Książęcych w Polsce w latach 1525-1548. – Bydgoszcz : Wydawnictwo Uczelniane WSP, 1993. – 234 s.
184. Tarvel E. An economic history of the Baltic countries / J. Kahk, E. Tarvel. – Stockholm : Institutionen för baltiska studier, Stockholms universitet, 1997. – 141 p.
185. The «Baltic Frontier» Revisited. Power Structures and Cross-Cultural Interactions in the Baltic Region. Proceeding of the International Symposium in Florence. - Vienna : University of Vienna, 2009. - 309 s.
186. Tiberg E. Kritische Bemerkungen zu einigen Quellen über den Anfang des Livländischen Krieges 1558 / E. Tiberg // Zeitschrift für Ostforschung. – Marburg : Verlag Herder-Institut,-1976. - Bd. 25. - S. 462-475.

187. Tiberg E. Moscow, Livonia and Hanseatic League 1487-1550 / E. Tiberg. - Stockholm : Almqvist & Wiksell International, 1995. - 290 p.
188. Tiberg E. Moskau, Livland und die Hanse 1487-1547 / E. Tiberg // Hansische Geschichtsblätter. – 1975 – Bd. 93. - S. 13-70.
189. Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. Die Beziehungen zwischen Moskau and Litauen 1549-1562 / E. Tiberg. – Uppsala : Uppsala universitet, 1984. – 266 s.
190. Tyszkiewicz J. Ostatnia wojna z Zakonem Krzyżackim 1519-1521 / J. Tyszkiewicz. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1991. - 200 s.
191. Urban W. Livonian Crusade / W. Urban. - Chicago : Lithuanian Research and Studies Center, 2004. – 549 p.
192. Urban W. The Frontier Thesis and the Baltic Crusades // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1140-1500 / ed. A. V. Murray. - Aldershot, 2001. - P. 45-71.
193. Urban W. The Origin of the Livonian War, 1558 // Lituanius. - Chicago, 1983. - Vol. 29. - № 3. - www.lituanus.org
194. Vetulani A. Lenno pruskie od traktatu krakowskiego do śmierci księcia Albrechta 1525-1568 / A. Vetulani. – Kraków : s. n., 1930. – 318 s.
195. Vetulani A. Stanisław Kutrzeba — historyk prawa / A. Vetulani // Kwartalnik Historyczny. – Kraków : Towarzystwo Historyczne, 1947. - № 54. - S. 32-34.
196. Wijaczka J. Albrecht von Brandenburg-Ansbach (1490-1568). Ostatni mistrz zakonu krzyżackiego I pierwszy książę «w Prusiech» / J. Wijaczka. - Olsztyn : Littera, 2010. - 336 s.
197. Wijaczka J. Asverus von Brand 1509-1559 : życie i działalność dyplomatyczna w służbie księcia Albrechta pruskiego / J. Wijaczka. - Kielce : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. J. Kochanowskiego, 1996. – 334 s.

198. Wilkowski M. Dźwina I Dzisna. Uwagi I materialy do wstępnych badań problem eksploatacji rzek Polski północno-wschodniej / M. Wilkowski. – Wilno : s. n., 1938. - 103 s.
199. Wisner H. Rzeczpospolita obojga narodów — federacja zwyciężonych czy zwycięzców? Unia Litwy i Polski z roku 1569 w aspekcie military / H. Wisner // Przegląd Historyczny. - 1972. - T. 63. - № 4. - S. 605-613.
200. Zakrzewski A. B. Recepcja ustroju i prawa w Wielkim Księstwie Litewskim (XIV–XVIII w.) / A. B. Zakrzewski // Studia Iuridica. - Warszawa : Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2002. - T. 40. - S. 247-261.
201. Алексеев Л. В. Полоцкая земля. Очерки истории Северной Белоруссии / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 1996. – 295 с.
202. Ангерманн Н. Русские и белорусские купцы в средневековой Ливонии. / Н. Ангерманн // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. – М. : Наука, 2003. - С. 264-271.
203. Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / Л. А. Арбузов. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1912. - 297 с.
204. Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века / М. Н. Бережков. – СПб. : Типография В. Безобразова и Ко, 1879. – 267 с.
205. Бессуднов Д. А. Враг моего врага: политическая позиция Яспера фон Мюнстера накануне Ливонской войны / Д. А. Бессуднов // Křižovatku Slovanů. – Praha : Červený Kostelec, 2015. - С. 147-152.
206. Бессуднов Д. А. Начало Ливонской войны в свете ливонских посольских дневников 1557 г. / Д. А. Бессуднов // Одиссос. Актуальные проблемы истории, археологии и этнологии. – Одесса : ТОВ Удача, 2012. - С.540-542.

207. Бессуднова М. Б. К предыстории Ливонской войны: Продолжение дневника ливонского посольства 1557 г. в Москву в Шведском государственном архиве / М. Б. Бессуднова // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. - СПб. : Издательство СПбГУ, 2012. - С. 153-172.
208. Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта / М. Б. Бессуднова. - М. : Квадрига, 2015. – 445 с.
209. Бессуднова М. Б. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века / М. Б. Бессуднова. – Липецк : Липецкий Государственный педагогический университет, 2016. – 464 с.
210. Вебер Д. И. Магистры Немецкого ордена в Ливонии в 1525-1561 годах и реформационные процессы / Д. И. Вебер // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2011. – Т. 10. - № 10. – С. 112-115.
211. Вебер Д. И. Организация сословно-представительных собраний в Ливонии в Средние века и раннее Новое время / Д. И. Вебер // *Средние века*. - М. : Наука, 2016. – Т. 77. - № 3-4. – С. 118-131.
212. Вебер Д. И. Последний ландмайстер Немецкого ордена в Ливонии / Д. И. Вебер // *Вестник Новосибирского государственного университета*. – Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2014. – Т. 13. - № 1. - С. 19-24.
213. Вебер Д. И. Формирование конфессиональных границ Польши и Великого княжества Литовского с протестантскими герцогствами в XVI в. / Д. И. Вебер // *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии*. - СПб. : s. n., 2015. - № 4. – С. 246-266.

214. Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного / А. В. Виноградов // История внешней политики России (конец XV – XVII век). - М. : Международные отношения, 1999. – 448 с.
215. Виппер Р. Ю. Иван Грозный / Р. Ю. Виппер. - М.: Дельфин, 1922. – 115 с.
216. Голенченко Г. «Шляхетская демократия» в Великом княжестве Литовском XVI-XVIII вв. / Г. Голенченко // Белоруссия и Россия: Общество и государства. - М. : Права человека, 1998. - С. 31-56.
217. Греков И. Б. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений / И. Б. Греков. - М. : Наука, 1984. – 301 с.
218. Грыцкевіч А. Барацьба Вялікага Княства Літоўскага і Рускага (Беларуска–Літоўскай дзяржавы) з Тэўтонскім ордэнам у канцы XIV-першай палове XV ст. / А. Грыцкевіч // Адраджэнне. Гістарычны альманах. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. - № 1. - С. 36-61.
219. Гудавичюс Э. История Литвы : с древнейших времен до 1569 г. / Э. Гудавичюс. - М. : Фонд им. И. Д. Сытина BALTRUS, 2005. - Т. 1. – 679 с.
220. Данилевич В. Е. Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV столетия / В. Е. Данилевич. - Юрьев : К. Маттисен, 1898. – 20 с.
221. Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации / Ф. Дворник. - М. : Языки славянской культуры, 2001. – 799 с.
222. Дербов Л. А. К истории падения Ливонского ордена / Л. А. Дербов // Ученые записки Саратовского Государственного университета. - Саратов : Издательство Саратовского Государственного университета, 1947. - Т. 17. - С. 157-174.
223. Дзярновіч А. І. «...In nostra Livonia». Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін Вялікага Княства Літоўскага і Лівоніі ў

- канцы XV — першай палове XVI стст. (Сістэматызацыя і актавы аналіз) / А. І. Дзярновіч. — Минск : АТЕНАЕУМ, 2003. - Т. 1. — 373 с.
224. Дзярновіч А. І. Працэдура падпісання міжнародных дамоваў у пачатку XVI ст. (на прыкладзе саюзнай дамовы 1501 г. паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй) А. І. Дзярновіч // Беларусь і свет. — Минск : РІВШ БДУ, 2000. - Т. 2. - С. 34-44.
225. Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М. В. Довнар-Запольский. - Киев : Типография Императорского Университета св. Владимира, 1901. — 932 с.
226. Довнар-Запольский М. В. Польско-литовская уния на сеймах до 1569 г. / М. В. Довнар-Запольский - М. : Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1897. — 28 с.
227. Дорошенко В. В. Действие революции цен в Восточной Прибалтике в XVI веке / В. В. Дорошенко // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. - Рига : Издательство Академии наук Латвийской ССР, 1963. - С. 114-125.
228. Дыбковская А. История Польши с древнейших времен / А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын. — Варшава : Научное издательство ПВН, 1995. — 420 с.
229. Жарын М. История Польши с древнейших времен / А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын. — Варшава : Научное издательство ПВН, 1995. — 420 с.
230. Жарын Я. История Польши с древнейших времен / А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын. — Варшава : Научное издательство ПВН, 1995. — 420 с.
231. Зимин А. А. Россия времени Ивана Грозного / А. А. Зимин, А. Л. Хорошкевич. - М.: Наука, 1982. - 184 с.

232. Зутис Я. Очерки по историографии Латвии : Прибалтийско-немецкая историография / Я. Я. Зутис. - Рига: Латгосиздат, 1949. - Ч. 1. – 259 с.
233. Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV-начало XV в. / Н. А. Казакова. - Л. : Наука, 1975. – 359 с.
234. Кеневич Я. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. - М. : Весь Мир, 2004. – 542 с.
235. Клейненберг И. Э. «Частные войны» отдельных новгородцев с Ганзой и Ливонией в XV веке / И. Э. Клейненберг // Новгородский исторический сборник. - СПб. : Наука, 1989. - Вып. 3 (13). - С. 68-74.
236. Клейненберг И. Э. Серебро вместо соли. Элементы раннего меркантилизма во внешнеторговой политике Русского государства конца XV-начала XVI века / И. Э. Клейненберг // История СССР. – Л. : Наука, 1977. - Вып. 2. - С. 115-119.
237. Клейненберг И. Э. Цены, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV-начале XV в. / И. Э. Клейненберг // Экономические связи Прибалтики с Россией / Под ред. А. К. Бирона. – Рига : Зинатне, 1968. - С. 32-46.
238. Корзинин А. Л. Порядок иерархии полковых воевод в Ливонскую войну / А. Л. Корзинин // Балтийский вопрос в конце XV-XVI вв. : сборник научных статей. - М. : Квадрига, 2010. - С. 153-160.
239. Королюк В. Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. / В. Д. Королюк. - М.: Издательство АН СССР, 1954. – 111 с.
240. Кром М. М. Стародубская война 1534-1537. История русско-литовских отношений / М. М. Кром. - М. : Рубежи XXI, 2008. – 140 с.

241. Лесников М. П. Ганзейская торговля пушниной в начале XV века / М. П. Лесников // Ученые записки московского городского педагогического института. - М. : Наука, 1948. - Т. 8. - С. 61-93.
242. Лесников М. П. Нидерланды и восточная Балтика в начале XV в. Из истории торговых отношений / М. Л. Лесников // Известия АН СССР. Серия истории и философии. - М. : Наука, 1951. - Т. 8. - № 5. - С. 451-459.
243. Лобин А. Н. Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517-1522 гг. / А. Н. Лобин // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. - СПб. : Издательство СПбГУ, 2014. - № 1. - С. 11-26.
244. Любавский М. К. Литовско-русский сейм : Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М. К. Любавский. - М. : Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1900. – 1082 с.
245. Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. - М. : Московская художественная печатня, 1915. – 401 с.
246. Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII вв. : Экономические связи с Русью и другими территориями / Э. С. Мугуревич. – Рига : Зинатне, 1965. - 145 с.
247. Муравская Е. И. Из истории торговых связей Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII-XV вв. / Е. И. Муравская // Известия Академии Наук Латвийской ССР. - Рига : *Latvijas PSR zinātņu Akadēmijas izdevums*, 1961. - № 2. - С. 7-44.
248. Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода / А. И. Никитский. - М. : Книжный дом «Либроком», 2011. 304 с.

249. Павулан В. В. Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути в XIII-XVII вв. / В. В. Павулан // Экономические связи Прибалтики с Россией / Под ред. А. К. Бирона. – Рига : Зинатне, 1968. - С. 75-94.
250. Пашуто В. Т. Образование Литовского государства / В. Т. Пашуто. - М. : Издательство Академии наук СССР, 1959. - 531 с.
251. Пенской В. В. От Нарвы до Феллина. Очерки военной истории Ливонской войны / В. В. Пенской. – Белгород : ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2014. - 150 с.
252. Пенской В. В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина / В. В. Пенской. - М. : Центрполиграф, 2017. - 220 с
253. Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-русском государстве / В. И. Пичета. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1958. – 547 с.
254. Пичета В. И. История сельского хозяйствования и землевладения в Белоруссии / В. И. Пичета. - Минск : НКЗем, 1927. – Ч. 1. - 179 с.
255. Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века / С. В. Полехов. - М. : Индрик, 2015. – 712 с.
256. Полосин И. И. Из истории блокады Русского государства / И. И. Полосин // Материалы по истории СССР. - М. : Издательство Академии Наук, 1955. - Т. 2. - С. 247-271.
257. Попов В. Е. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года / В. Е. Попов, А. И. Филюшкин // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. - СПб. : Издательство СПбГУ, 2009. - № 1/2 (5/6). - С. 151-184.
258. Попов В. Е. И. Русско-ливонские договоры 1554 г. / В. Е. Попов, А. И. Филюшкин // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – СПб., : Издательство СПбГУ, 2010. - № 1. - С. 109-130.

259. Попов В. Е. Как начиналась Ливонская война? // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени / В. Е. Попов, А. И. Филюшкин. - М. : Квадрига, 2011. - Вып. 2. - С. 192-201.
260. Пташицкий С. Л. Описание книг и актов Литовской метрики / С. Л. Пташицкий. - СПб. : Типография Правительствующего сената, 1887. – 280 с.
261. Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII-XVII вв. / Е. А. Рыбина. - М. : Издательство Московского университета, 1986. – 173 с.
262. Рыбина Е. А. Новгород и Ганза / Е. А. Рыбина. - М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – С. 319.
263. Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты / В. Н. Рябцевич. – Минск : Народная асвета, 1977. – 397 с.
264. Сапунов А. П. Двинские, или Борисовы, камни / А. П. Сапунов. – Витебск : Витебский губернский статистический комитет, 1890. – 31 с.
265. Сапунов А. П. Река Западная Двина / А. П. Сапунов. – Витебск : Типо-литография Г. А. Малкина, 1893. – 512 с.
266. Селарт А. Иоганн Бланкенфельд и Мисюръ Мунехин. К истории ливонско-русских отношений в 1520-е гг. / А. Селарт // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. - СПб. : Издательство СПбГУ, 2011. - № 1 (9). - С. 157-165.
267. Селарт А. Начало городской жизни в средневековой Ливонии и Руси / А. Селарт // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века / ред. Е. Л. Назарова. - М. : ИВИ РАН, 2009. - С. 84-102.
268. Сколис Я. Рига. Очерки по истории города / Я. Сколис. – Рига : Лиесма, 1967. – 319 с.
269. Таутовичюс А. История Литовской ССР / А. Таутовичюс, Ю. Юргинис. - Вильнюс : Мокслас, 1978. – 676 с.

270. Тихомиров И. А. Торговые и мирные сношения русских княжеств с Ливонией в XIII веке / И. А. Тихомиров // Журнал Министерства народного просвещения. - СПб. : Типография В. С. Балашева и Ко, 1876. - Ч. 185. - № 5. - С. 162-174.
271. Тихомиров И. А. Торговые сношения Полоцка с Ливонией / И. А. Тихомиров // Журнал Министерства народного просвещения. - СПб. : Типография В. С. Балашева и Ко, 1877. – Ч. 194. - № 12. - С. 232-239.
272. Тымовский М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. - М. : Весь Мир, 2004. – 542 с.
273. Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года / В. Е. Попов, А. И. Филюшкин // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб. : Издательство СПбГУ, 2009. - № 1/2 (5/6). - С. 151-184.
274. Филюшкин А. И. Дискурсы Ливонской войны / А. И. Филюшкин // *Ab Imperio* : Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. - СПб. : s. n., 2001. – Ч. 4. – С. 46-80.
275. Филюшкин А. И. Дискурсы Нарвского взятия / А. И. Филюшкин // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова / ред. А. П. Павлов. - СПб. : Наука, 2007. - С. 159-172.
276. Филюшкин А. И. Закат северных крестоносцев. «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е годы / А. И. Филюшкин. - М., : Фонд «Русские витязи», 2015. - 72 с.
277. Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. Глазами современников и потомков / А. И. Филюшкин. - СПб. : Дмитрий Буланин, 2013. – 845 с.
278. Филюшкин А. И. Как начиналась Ливонская война? // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи

- Средних веков и Раннего Нового времени / В. Е. Попов, А. И. Филюшкин. - М. : Квадрига, 2011. - Вып. 2. - С. 192-201.
279. Филюшкин А. И. Польско-прусский план инкорпорации Ливонии в 1552-1555 гг. / А. И. Филюшкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. - СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. - Сер. 2. - Вып. 2. - С. 24-29.
280. Филюшкин А. И. Рижские записки Иоганна Шмидта о Ливонской войне / А. И. Филюшкин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. - М. : Индрик, 2011. - № 3 (45). - С. 121-122.
281. Филюшкин А. И. Русско-ливонские договоры 1554 г. / В. Е. Попов, А. И. Филюшкин // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – СПб., : Издательство СПбГУ, 2010. - № 1. - С. 109-130.
282. Филюшкин А. И. Споры на меже. Ливонско-литовское пограничье в 1541-1542 годах (по документам Литовской метрики) / А. И. Филюшкин // Известия Смоленского Государственного университета. – Смоленск : Издательство Смоленского Государственного университета, 2015. - № 3 (31). - С. 258-266.
283. Филюшкин А. И. Титулы русских государей / А. И. Филюшкин. - М., СПб. : Альянс-Архео, 2006. – 256 с.
284. Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции в середине XVI в. / Б. Н. Флоря // Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. - М. : Наука, 1979. - С. 71-86.
285. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI-начале XVII в. / Б. Н. Флоря. - М. : Наука, 1973. – 222 с.
286. Флоря Б. Н. Центральная Европа / Б. Н. Флоря // История Европы / Под ред. Л. Т. Мильской, В. И. Рутенбурга. - М. : Наука, 1993. Т. 3. – 656 с.

287. Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544-1648) / Г. В. Форстен. - СПб. : Типография В. С. Балашева и Ко, 1893-1894. - Т. 1-2. – 717, 630 с.
288. Хольцер Е. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. - М. : Весь Мир, 2004. – 542 с.
289. Хорошкевич А. Л. Договоры Полоцка 1405-1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики / А. Л. Хорошкевич // Археологический ежегодник за 1962 год. - М. : Наука, 1963. - № 4 - С. 79-87.
290. Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. / А. Л. Хорошкевич. - М. : Древлехранилище, 2003. – 620 с.
291. Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного / А. А. Зимин, А. Л. Хорошкевич. - М.: Наука, 1982. - 184 с.
292. Хорошкевич А. Л. Польско-литовско-русские отношения в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна / А. Л. Хорошкевич // *Russland, Polen und Österreich in der frühen Neuzeit.* – Wien, Köln, Weimar : Böhlau, 2003. - S. 41-59.
293. Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV-начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич. – М. : Наука, 1980. – 295 с.
294. Шаскольский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани / Шаскольский И. П. // *Международные связи России до XVII в. Сборник статей / Под ред. А. А. Зиминой, В. Т. Пашуто.* – М., : Издательство АН СССР, 1961. - С. 376-399.
295. Шульц Д. Влияние литовско-московских войн на отношения Литвы и Польши в 1492-1569 гг. / Д. Шульц // *Исторический вестник / Под ред. А. Э. Титкова.* - М. : АНО «Руниверс», 2014. - Т. 7 (154). - С. 198-225.

296. Юргинис Ю. История Литовской ССР / А. Таутавичюс, Ю. Юргинис. - Вильнюс : Мокслас, 1978. – 676 с.
297. Якубский В. А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши / В. А. Якубский. - Л. : Издательство Ленинградского университета, 1975. – 118 с.
298. Янушкевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы 1558-1570 / А. Н. Янушкевич. - М. : Квадрига, 2013. – 384 с.